

Христофоров Игорь

Бой без правил (Танцы со змеями - 2)

Игорь Христофоров

Танцы со змеями

Книга вторая

Бой без правил

Глава первая

1

Бурыга встретил его в тужурке, хотя в кабинете было нестерпимо жарко. Майгатов, повинувшись указующей руке комбрига, присел у длинного, "совещательного" стола и только тогда заметил новую орденскую колодочку на груди Бурыги.

- Долговато ты ехал, долговато, - со смесью снисходительности и презрения процедил он.

- Я не на курорте был, - как можно спокойнее ответил Майгатов. Сорок суток карантина плюс дорога... Так и получилось, - и бросил быстрый взгляд на перекидной календарь, открытый на середине октября.

От Бурыги струился приторно-сладкий запах какого-то нового, явно импортного одеколona.

- Увольняться не передумал? - грубо спросил он, скривив и без того измятое со сна лицо.

Карие глаза яростно впились в блекло-синие. Бурыга не выдержал, отвел взгляд на окно, плавающее от жаркой севастопольской осени, зачем-то посмотрел на лестницу, круто ведущую вверх, к секретной части дивизиона "Альбатросов", и безразличным голосом сказал Майгатову:

- В ночь перед твоим приездом произошло ЧП. Какой-то идиот ночью залез в "секретку" вашего дивизиона. Украл радиоприемник секретчицы и полста "баксов" у нее из стола. Про "баксы", может, она и врет. Поди теперь - проверь. А приемник был точно. Это я сам видел не раз.

Майгатов прослушал без всякого интереса и уж хотел было спросить, почему это Бурыга исповедуется именно перед ним, но тот опередил его:

- Расследованием займешься ты.

- Я? - удивленно вскинул посеревшие, выгоревшие брови Майгатов.

- Именно ты, - грубо, нагло надавил на "ты" Бурыга и сразу помягчел, оплыл лицом, словно самое трудное для него было в том, чтобы еще раз назвать Майгатова на "ты". - Во-первых, тебя в Севастополе на момент, как говорят следователи, преступления не было, а, во-вторых, именно ты старший дознаватель в дивизионе... В соответствии с моим приказом.

Старший дознаватель? Майгатов посмотрел сквозь окно на лестницу, ведущую к секретке и, будто эта лестница обладала способностью напоминать о самом главном, как наяву увидел перед собой тот зачитываемый еще несколько месяцев назад приказ, в котором он был назначен старшим дознавателем и на обороте которого он когда-то безразлично поставил подпись об ознакомлении с ним. Простое упорство уже не спасало, а свалить все на занятость казалось глупо. Бурыга на такие мелкие приманки не покупался. А, может, сослаться на здоровье?

Телефонный звонок остановил слова на губах Майгатова.

- Что? - брезгливо спросил Бурыга чуть отставленную от уха трубку. Не понял... Что? Какой еще соляр? - и вдруг приклеил ее к уху и тяжело засопел в соты микрофона. - Что вам нужно?.. Этот эпизод уже давно закрыт. Что значит: нет?.. Что? Темы для разговора нет. Я повторяю: эпизод закрыт, - и хряпнул трубкой по взвизгнувшему от боли аппарату.

Майгатов сглотнул и, будто сглотнул и вправду те слова о здоровье, которые держал на губах, напрочь забыл о том, что же хотел сказать.

- Я тебя не держу, - еще вежливо для себя попытался выгнать Майгатова побуревший, ставший прежним Бурыга. - Можешь связаться с прокуратурой флота. Какой-то капитан от них приходил. Сказал, что приемник - это мелко для них. Сказал, что нужно... нужно, - перевернув бумаги на столе и вытянув из книги какой-то куцый огрызок, прочитал с него: - "Досудебная подготовка материалов по протокольной форме без возбуждения уголовного дела..." Вот что тебе нужно сделать. Понял? Нам все равно это дерьмо надо разгрести. Или хоть бумажки для вида собрать. Понял?

- Так точно, - по-дубовому ответил Майгатов.

Бурыга надоед ему, и он не без облегчения встал и, обозначив свой уход типично флотской фразой-пропуском "Прошу добро", годящейся и для ухода, и для прихода, пошел к двери.

На столе у Бурыги опять мрачно зазвенел телефон.

- Что? Это опять вы? Я же сказал: эпизод...

Хлопком двери Майгатов отрезал от себя фразу, отрезал Бурыгу, и на душе сразу стало как-то легче.

Вышел на улицу, постоял под балконом, нависающим над входом в штаб бригады, с наслаждением подышал таким родным, таким знакомым воздухом, насквозь пропахшим запахом моря, рыбы, водорослей. Наверх, к секретке, что-то не тянуло, несмотря на приказ Бурыги. Хотелось увидеться с Анфимовым, которого не оказалось на "Альбатросе" к его приезду. Хотелось хоть немного отдохнуть после ночи в душном поезде. Хотелось вернуть те привычные ощущения жизни, от которых он отвык в больнице. И он пошел к кораблю, спиной чувствуя, что Бурыга стоит у окна и с тайной радостью запоминает его неподчинение...

- Ю-у-ра! - распахнутыми руками встретил его у трапа Анфимов.

Обнял, уткнувшись рыжей головой в плечо, похлопал маленькой ребячьей ладошкой по спине. Его пальцы подрагивали, и Майгатов глотком еле удержал слезы. Не хватало еще перед матросами...

- Исхудал, исхудал. - Быстрыми движениями отер Анфимов подглазья, и только теперь Майгатов увидел, как постарел за пару месяцев командир.

Прежними остались лишь медные, с отливом, волосы да улыбка, но на улыбке уже лежала новая сеть морщин, похожих на паутинку, которую Анфимов вроде бы сорвал лицом с ветки

да так и забыл отереть с лица. И глаза, хоть и лучились радостью, были в такой же сеточке, только красной.

- Ну, пойдём ко мне в каюту, - пропустил Майгатов первым на сходню, хотя по флотским законам первым как командир должен был на борт подниматься он.

И в каюте так же, совсем не по субординации, попытался посадить Майгатов на свое место, но тот отказался, сев привычно на диванчике напротив. И каюта, и стол, и сам Анфимов казались миражом, казались чем-то нереальным. Он так отвык от "Альбатроса", что все воспринимал на нем как нечто еще неовеществившееся, неустоявшееся, готовое вот-вот пропасть. И поверил в то, что он все же вернулся, только в тот момент, когда правым виском врезался во что-то твердое.

- Полка? - не поворачивая головы, спросил Анфимова.

- Она самая, зараза! - улыбнулся командир, хотя этого и не требовала его и без того улыбочивая физиономия. - Сто раз хотел ее отвинтить, а теперь вот пригодилась... Телевизор с командировочных купил.

Искоса Майгатов прочел на передней панели - "Юность".

- Цветной?

- Да что ты! Черно-белый... Знаешь, сколько "дырок" дома, хоть чуть-чуть какие-то заткнул с этого похода.

Он выдвинул верхний ящик стола, ключом открыл миниатюрный, размером с обувную коробку, сейф и достал оттуда несколько зеленых бумажек.

- Это - твои, - и веером разложил их перед Майгатовым. - Четыре сотни с копейками.

- Откуда? - удивился Майгатов.

- За поход.

- Вот так прямо и дали... наличными?

- Хых, да-али, - иронично покомкал обветренные губы Анфимов. - Когда это у нас что-то хорошее прямо так давали? Еле вышибли из финансистов в Латакии. И не доллары, а сирийские фунты. Ну и за то спасибо...

- А откуда же доллары?

- Мужики с плавмастерской научили. Она в Латакии уже сто лет стоит. Закупили на все жвачку, по приходу сдали в Севастополе оптовикам - все...

- Прямо бизнес какой-то, - все еще не веря в увиденное, Майгатов сложил доллары в тоненькую стопочку, не считая сунул в боковой карман. Раньше проще было: "бонами" давали...

- Раньше все было проще, - поддержал его Анфимов. - Ты зайди к финансисту, купоны за все месяцы получи. Там, если в доллары перевести, ерунда, конечно, но все-таки... - Помолчав, посмотрев через иллюминатор на берег, начал ковыряться в сейфе. - Бурьга - чего? Из-за секретки вызывал?

Майгатов кивнул, но Анфимов, сосредоточившийся на закрывании сейфа, даже не поднял головы.

- Отговаривал я его. Ты ж еще так слаб. А он - одно: у него алиби, пусть он и занимается. Угораздило ж меня тогда подать твою фамилию в приказ по бригаде! - сокрушенно мотнул огненно-рыжим шаром головы. - Надо было Кравчука или того же Кима...

Каютная духота тяжелила веки, клонила ко сну, и только вопросы, которые он еще не задал командиру, удерживали от дремы.

- Ты же, кажется, как дознаватель, еще дел не вел? - никак не мог справиться с замком Анфимов и оттого по-стариковски кряхтел над сейфом.

- Нет, не вел.

- Тогда вон, - показал острым подбородком на полочку. - Поищи, там приказ министра. Брошюрка такая белая, на скрепках.

Майгатов поднялся, безразлично пораздвигал пальцами бумажные заросли и, найдя нужный приказ с длинным-предлинным названием, достал его с полки.

- Чуть какая-то: приемник украли. Тот матрос, что его свистнул, уже, наверное, давно выручку пропил, - скептически поразмышлял вслух Майгатов. Только от того и суета, что секретка, а не строевая часть.

- Да-а. Раньше бы особисты всю бригаду на уши поставили. Шпионов бы искали. А теперь...

- Нет, точно: пустяшное дело. И Бурьга сказал: хоть бумажки для вида собери.

Ключ, наконец, повернулся. Анфимов с удовольствием толкнул от себя ящик и тот с грохотом вошел на штатное место.

- Может, пустяшное, а может, и нет. Я вон тоже думал, что сразу замок открою, да не вышло. Бородка, что ли, стесалась? - повернув на свет, к иллюминатору, рассмотрел тяжелый сейфовый ключ.

- А что у нас нового? - опять попытался вопросом отмахнуться от дремы Майгатов.

- Нового? - поискал глазами под льдистым плексигласом список офицеров и по нему, как по шпаргалке, начал перечислять: - Кравчуку вот и Клепину дали капитанов третьего ранга...

- А разве им положено? - вот теперь уж точно отогнало этой новостью, как ветром, сонливость. - По штату же...

- Теперь - можно. Там какие-то есть приказы по тем, кто уже два срока отходил... Та-ак. Абунину... посмертно... орден.

Майгатов молча покачал головой, словно не хотел верить в жуткое слово "посмертно".

- Штурман ушел на повышение, в другую часть. А вместо него...

Пауза не понравилась Майгатову.

- Что: вместо?

- Да сплывили к нам, понимаешь, химика одного...

- Химика - штурманом?

- А чего ты удивляешься? Мы теперь раньше, чем через год, в моря не потопаем. В машинах все менять надо. Все, Юра, на мертвый якорь встали мы...

- А почему - химик?

Анфимов рывком встал, захлопнул дюралюминиевую дверь каюты и все-таки шепотом пояснил:

- Пьяница он. Ему год до пенсии. Решили у нас додержать.

- Да-а, с таким соседом...

- Бурыга тоже... Орден отхватил. Хотел еще и звание, но срок не выходит, и возраст к тому же...

- А вас-то как? - беззаботно спросил Майгатов.

Анфимов почему-то обернулся к полке, подравнял строй тощих книжек и с излишней озабоченностью поинтересовался:

- Ты приказ-то нашел?

- Да вот же он! - показал Майгатов.

- Это хороший приказ. Там все разжевано... О-о, а у тебя глаза совсем поплыли! Знаешь что: иди-ка ты подреми с часок...

- Так вам что: ничего? - удивился Майгатов.

Спросил и вдруг понял, что зря. Наверно, дрема, эта липкая, неотвязчивая дрема притупила чувства. И он сам, спасая ситуацию, перевел разговор в другое русло:

- А в бригаде что нового?

Анфимов встрепенулся, сразу как-то весь подобрался и, обрадовавшись вопросу, затараторил:

- Что в бригаде? Да завал на завале. Для дежурств еле на один корабль матросов наскребают. Стрельбы все отменили. Половину выходов - тоже. К тому же соляр, который должна была получать бригада, куда-то пропал. Тут уже пару комиссий работало. Концов так и не нашли.

- Соляр? - задумчиво повторил Майгатов. - При мне Бурыге про какой-то соляр звонили.

- Во-во! До сих пор еще тыловики цепляются. Ушел соляр. В неизвестном направлении... Ну и теперь вот еще эта секретка... О-о, ну ты, Юр, совсем готов!..

Поплывшую вниз голову Майгатов рывком рванул вверх, осоловело поморгал и начал вставать.

- Пойду я. И вправду, что-то в сон клонит, а дел еще...

2

Даже после третьего прочтения он ничего не понял, кроме одного - что ему на эту самую "досудебную подготовку" дано десять суток.

Он лежал на потертом зеленом одеяле в своей каюте, и мелкие буквы приказа то наплывали на него, увеличиваясь до мути, то отодвигались вдаль, превращаясь в такую же муть. Наконец, руки не выдержали, будто удерживали пудовый фолиант, а не брошюру в восемнадцать страниц, и положили ее на грудь, обложкой наверх.

Перед закрытыми глазами постояла последняя из прочитанных страниц со строчкой "тайное похищение личного имущества граждан (кража) - ч.1 ст.144 УК РФ" и, почернев, отпустила Майгатова в тьму, в забытье. Он, не сопротивляясь отдался этому падению, но тут сбоку, у головы, что-то грохнуло, толкнуло его в плечо, и Майгатов, подняв тяжелые, склеивающиеся веки, увидел в своей каюте незнакомого офицера.

На его высокой, сутулящейся фигуре ведром - так, что под него еще одного такого же засунуть можно - висел потертый китель с изжевано-мятыми капитан-лейтенантскими погонами, а когда-то красивое, с маленьким ровным носиком, с яркими выразительными глазами и по-девичьи пухлыми губами, лицо было навек испорчено землисто-бурым цветом кожи и большими, совсем не идущими под маленькие звездочки погон, мешками на подглазьях.

- Сачкуешь, помоха? - беспардонно спросил он таким тоном, словно они были знакомы сто лет. - А комбриг наверху, у секретки, разоряется, что дознание не ведется. Дуй обходным путем туда, а то он об тебя ноги вытрет. И не поскользнется.

Майгатов с усилием сел. В голове мутной жижей все еще колыхалось забытье.

- А ты... вы, - все-таки на одну звезду больше. - Вы кто? - еле выдавил он.

- Далекий родственник Менделеева и Бутлерова, - плюхнулся обладатель чудовищного кителя на кресло-вертушку и вытянул длинные палки ног в немых с рождения туфлях. - Настолько далекий, что уже и не помню, какой. Короче химик, - и, вскочив, протянул худую, с тонкими пианистскими пальчиками кисть. - Будем знакомы: Силин. Имени, наверно, нет, потому как все Силиным зовут.

Майгатов привстал и в нерешительности подержался за его сухие вялые пальцы. По штату Силин был теперь его подчиненным, но капитан-лейтенантские звездочки и то, что он чуть ли не впервые в жизни видел химика-офицера, удержали его от того, чтобы поставить нахала на место. Он, скорее, ощутил жалость, чем обиду.

А Силину, кажется, было вообще безразлично, какое впечатление он произвел, потому что уже настолько врос в свой "образ", что даже представить не мог, что кто-то еще отнесется к нему иначе, чем с брезгливостью.

- Надо бы мое новоселье обмыть, - погрузил он руку в глубокий, чуть ли не до колен, карман брюк, вытащил оттуда комок слипшихся бумажек и уронил его.

Ударившись о линолеум палубы, комок распался, и Майгатов увидел, что разлетевшиеся в разные стороны банкноты как бы рассортировались по видам: игрушечные, чуть более карамельных оберток, украинские купоны покатались к урне, пестрые, в невероятных узорах, российские тысячи тугим сгустком легли к ботинку, а в стороне от них остался серо-зеленый доллар. Точнее, присмотрелся Майгатов, пятьдесят долларов.

"Значит, у секретчицы вот такую бумажку украли", - вспомнил он слова Бурыги и постарался запомнить бородатое лицо президента в центре банкноты.

- Ты "белую" уважаешь или ударим по портвейну? - согнувшись, соскреб он длинными пальцами деньги в прежний ком.

- У меня - кишки, - показал на низ живота Майгатов.

- Думаешь, у меня их нету? А еще есть печень и поджелудка.

- Я - из госпиталя. Не могу, - засобирался Майгатов.

Жалость к химику улетучилась. Он начинал надоедать. К тому же он вряд ли врал о Бурьге, поднявшемся в "секретку".

- Что ты ломаешься, как политработник, - в свою очередь занервничал Силин. На его узком, изящном лице запульсировала толчками левая щека. - Нам не надо девятьсот. Два по двести и пятьсот. Короче, пару "пузырей" я беру, а закусь - твоя.

Не отвечая, Майгатов свернул в трубочку белую брошюрку приказа и вышел из каюты. Силин бросил ему в спину окрик, но он его не услышал, потому что слышать не хотел...

Секретчице нужно было родиться во времена Рубенса. Тогда бы великие фламандцы, забыв о своих натурщицах, рисовали бы только ее. Совершенно невероятные для ее невысокого роста бедра, на которые словно привязали по ватной подушке, мощная оперная грудь, напроочь рвущая пуговицы на тужурке любого размера, и при этом какое-то милое, озорное личико, которое можно было бы даже считать красивым, если бы не крупноватый, с заметными серыми порами нос.

- Как хорошо, что вы пришли! - с неожиданной для ее фигуры резвостью вскочила она из-за стола, катнулась из угла секретки навстречу Майгатову и заторопилась, глядя ему снизу вверх прямо в глаза: - Комбриг так кричал, так кричал! Я прямо растерялась. Хорошо, что вы пришли!

- Давайте по порядку, - зачем-то осмотрел Майгатов тужурку секретчицы с маленькими мичманскими погончиками на плечах, с колодочкой одинокой юбилейной медали над кармашком и глупой, непонятно почему пришитой на рукав круглой эмблемой боцманов - якорем и цепью. - Вы что - на бербазе служили? - вытянул у него вопрос именно этот якорь.

- Да. На шкиперском складе. Но год назад ушла.

- Из нашего экипажа фельдшер и старший боцман тоже там служили. И тоже год назад ушли, - вспомнил Майгатов.

Секретчица почему-то смутилась. "Чего это я уже допрос веду, - поймал себя Майгатов. - Пора и познакомиться". Он представился. Секретчица с придыхом ответила то ли "Гармаш", то ли "Ярмаш", но он запомнил лишь имя Татьяна.

- Расскажите все по порядку, Таня, - попросил он ее и с наслаждением сел. Усталость мешала быть внимательным, и он мотнул головой, отряхиваясь от ее липких и тяжелых ошметков.

- А вы записывать будете?

- Что? - не ожидал вопроса Майгатов. - Да-да, конечно. Дайте листочек.

В секретке было чистенько и по-домашнему приятно, хотя внешне это низкое желтое здание, крытое серым шифером, казалось убогой сельской халабудой. На подоконниках в горшках стояли цветочки, полы были покрашены красной краской, а сейфы, столы и стулья стояли такие чистенькие, что их хотелось потрогать.

- Вот. Записывайте, - положила она не только листочек, но и синюю капиллярную ручку, которую она, по тому, как мягко опустила ее на бумагу, считала своим богатством. - Вчера, в четверг, я, как и положено, опечатала все сейфы, закрыла стальную решетку, потом - стальную дверь в помещение. Опечатала. Часовой уже стоял. Со штык-ножом, как и положено. Он расписался за прием помещения под охрану. Зашла к ребятам-чертежникам, попрощалась.

- Каким чертежникам? - удивился Майгатов.

- Которые за стеной. У нас же не только секретка в этом доме.

Пару раз за все время службы на "Альбатросе" Майгатов поднимался в секретку, какие-то документы даже брал для работы, но ему почему-то всегда казалось, что в здании есть лишь секретка и еще комната-прихожая, в которую попадаешь с порога.

- Покажите все помещения, - попросил он и, хоть ноющая спина того и не просила, встал.

Вслед за переваливающейся уточкой Татьяной вышел в прихожую. Из нее, оказывается, была еще одна дверь вправо. За нею - бесхозная комната-прихожка с картой мирового океана во всю стену и моноблоком из трех стульев, явно украденных из какого-то кинотеатра. Из комнаты - дверь в коридорчик, а уже из него - в чертежку.

Грохот прыгающих ног встретил их. Три матроса, явно еще секунду назад сидевших на чертежных столах, опралялись синие робы и делали вид, что они вот только-только оторвались от горячей работенки.

- Кто старший? - спросил на всякий случай Майгатов, хотя и так уже заметил на погончике самого маленького из троих, довольно нагловатенького матросика желтую полосочку старшего матроса.

- Старш...ина второй ст...а...а К...цов, - заикаясь ответил совсем другой моряк - худощавый, со светлым ежиком волос и ссадиной на виске. Продлил удивленный взгляд офицера на погончик и пояснил: -Р...обу я постирал. Од...дел сос...еда...

Фамилии его Майгатов так и не разобрал. То ли Кунцев, то ли Концов. Это было сейчас неважно. Интересовало другое.

- А что у тебя за ссадина? - спросил Майгатов.

- Упал, - почему-то ответил за него старший матрос и зло сощурил маленькие серенькие глазки.

"Годок", - мысленно оценил его Майгатов и понял, что все-таки не ошибался. Официальный старшина был здесь в роли тряпки.

- Где вы находились прошлой ночью? - спросил у годка и на всякий случай изучил третьего матросика - плоское монгольское лицо, узкий лоб, испуганный детский взгляд. Тройка получалась пестрой: годок - тряпка ребенок.

- Здесь спали, - лениво и одновременно с удивлением, что его спрашивают о самом очевидном, ответил годок. - На столах.

- Что-нибудь слышали?

- Не-а, - снова за всех ответил годок тоном Мамочки из "Республики Шкид".

Даже сквозь усталость, которая заставляла ко многому относиться безразлично, Майгатов ощутил неприязнь к этому наглецу. Но таковы уж были неписанные законы штабов, что любой чертежник или писарь, пригретый комдивизиона или комбригом, как бы получал от него часть прав и оттого мог с презрением смотреть на какого-то старлея с "Альбатроса". Тем более, что для него и сам "Альбатрос"-то был всего лишь клеточкой в графе планов боевой подготовки, которые он вычерчивал для бесконечных флотских совещаний.

- Где вы на штате... стоите где? - все-таки не выдержал, чуть огрубил нервозностью голос.

- Мы - н...на тр...альщик...е, - кивнул на азиата старшина. - А о...о...

- ...на штате писаря, - досказал за него годок.

Так уж выходило, что из троих лишь этот неприятный тип и служил здесь по правилам, а эти двое числились на тральщике, но, скорее всего, ходили туда лишь питаться, да и то не всегда. А за них кто-то нес ходовые вахты. Хотя, возможно, и не нес, если тральщик стоял в вечном ремонте у причала. А таких в бригаде с каждым годом становилось все больше.

- И никто за ночь... по нужде? - постарался отвернуться от Татьяны.

- Не-а, - снова возник призрак Мамочки.

- Тогда... тогда... каждый пусть опишет в рапорте все, что слышал или видел за эти сутки. Включая ночь, - приказал сразу погрузневшему старшине и вышел из чертежки.

Сзади зашаркала Татьяна.

- Они - хорошие ребята. Работы у них вечно много. Сами же знаете, как у нас показуху любят. Вот они и рисуют. То схемы, то графики, то планы какие-нибудь. А старшина... ну, заика... тот и картину может. Красиво так море, корабль, чайки...

- Прямо Айвазовский, - прервал ее монолог Майгатов. - Да вы снимите тужурку. Жарко же.

Сел за стол, посмотрел на все еще чистый-чистый, не измаранный следами жизни лист бумаги и попросил:

- Рассказывайте дальше. Что было утром?

- Как что?! Ужас был! - Аккуратно повесила она тужурку на плечики в шкаф. Оправила кремовую, тоже раздувающуюся на груди рубашку. - В шесть утра с небольшим прибежал ко мне домой посыльный, сказал, что вскрыли "секретку". Я - пулей сюда. Ведь живу-то рядом. Прилетела, а тут уже дежурный по дивизиону, комбриг и матрос-часовой с перебинтованной головой.

- Перебинтованной?

- Ну да! Его же по голове стукнули!

Новость "стукнула" по голове и Майгатова. Он вдруг вспомнил, что при осмотре места происшествия и допросе пострадавших и подозреваемых должны присутствовать двое понятых.

- Где у вас телефон? А-а, вот. Я позвоню, - набрал трехзначный номер. - Кто дежурный? Ким? Здравствуй, Ким! Что? Да, я тоже рад. Передай мою просьбу Анфимову, чтобы двух моряков прислал понятыми и этого... фотографа в "секретку" дивизиона. Что? Да: фотограф - фельдшер. И чтоб с аппаратом пришел. Поторопись, а то все дело стоит...

3

Тупой звук удара и вскрик вырвали Майгатова из дремы. Он вскочил и тут же наткнулся взглядом на долговязую фигуру фельдшера-сверхсрочника с "Альбатроса".

- Йо-ко-лэ-мэ-нэ, - в ярости тер он лоб, на котором уже начинала прорастать шишка.

И в этом по-вологодски произнесенном "ко", а не "ка", и в этой сухой сгорбленной фигуре было что-то такое родное, близкое, трогающее за душу, что Майгатов сразу даже и позабыл, зачем же он вызвал фельдшера в секретку.

- Холодным надо прижать. Холодным, - вплотную подступившись к фельдшеру, посоветовал

он. - В морозилке есть что-нибудь? - спросил уже у стоящей с вытянутым, если его вообще можно было вытянуть, лицом Татьяны.

- Есть. Мясо. Кусок, - произнесла она и покраснела. - Сейчас достану.

- В полотенце заверните его, - приказал Майгатов.

Татьяна сорвала с крючка вафельное, с ярким украинским орнаментом полотенце, обернула им белесый от изморози кусок свинины в полиэтиленовом пакете и еле дотронулась этим свертком до лба фельдшера.

- Да не так плотно. В один слой, - отвернул край полотенца Майгатов и за плечо усадил страдальца на стул.

- Я ж думал, что притолока окончилась, а там... оно... решетка еще, однако, - проокал фельдшер и сел поудобней, сдвинув на груди коричневый футляр "ФЭД"а.

- Добры дэнь. Рады вас знов побачити, - отозвался от двери еще кто-то.

Майгатов обернулся и ожег взгляд огненной шевелюрой.

- Перепаденко!

- Так точно, товариш старшы лыйтинант!

- Главстаршиной уже.

- Та так зробылось, - смутился он, замаскировавшись лицом под цвет волос. - Хотилы щэ й мэдаль дати, алэ щось не склалось. Так ось главстаршыну дали.

После рукопожатия увидел, что в прихожке стоит еще кто-то высокий и крепко скроенный. Полумрак смазывал черты лица, да и возбуждение, неожиданно нахлынувшее от встречи с Перепаденко, с последним, кого он видел на борту "Альбатроса" перед забытьем, перед пленом и всеми последовавшими потом кругами ада, мешало сосредоточиться. И все-таки по усам, по одним лишь смоляным усам он узнал:

- Жбанский?

- Так точно, - шагнул старший боцман в секретку. - Здравия желаю!

Он всегда, по мнению Майгатова, был слишком военным. Но военным лишь в первые минуты общения, а чуть позже, уже через десять минут разговора, становился болтливее самой болтливой женщины. И в эти минуты уже ничего не оставалось в нем военного. Кроме, пожалуй, гренадерских, в два пальца толщиной, усов да погон.

- Да ты - старший мичман! - посмотрел Майгатов и на погоны. Хотя мысленно отметил, что не только погоны изменили внешне Жбанского, а и чуб, который он теперь зачесывал не наверх, а вниз, эдаким навесом надо лбом.

- За выполнение задания, - тоже посмотрел на три звездочки на погоне. - За спасение на шлюпке тех гражданских, с "Ирши". Мы потом с ними...

- Понятно, - остановил начинавшийся словесный поток. - Теперь вы, Жбанский, и вы, Перепаденко, - понятые. После окончания осмотра вы должны будете засвидетельствовать все факты и результаты действий, при которых присутствуете. Любой из вас вправе делать замечания по поводу произведенных действий и вносить их в протокол. Вопросы есть?

- У матросов нет вопросов, - пошутил Жбанский.

- Хорошо. Начнем с фотографирования.

Фельдшер положил ледяной сверток на стол, отстегнул кнопки на футляре, и на его груди остро блеснул объективом старенький "ФЭД".

- Теперь, кроме ушиба, ишо и обморожение будет, - напомнил о своем пострадавшем лбе, сделал странное движение головой: то ли принюхался к воздуху, то ли послушал его, и молниеносно установил выдержку и диафрагму на аппарате. - С чего начнем, товарищ старший лейтенант?

- По порядку. Общий вид. Потом... потом дверь, решетку, замки... И второй раз не грохнись. Не забывай про свои два метра...

Под громкие щелчки, предваряемые каким-то странным шипением, фотоаппарат начал свою работу по остановке времени, а Майгатов вспомнил, что Татьяна так и не досказала всю историю.

- Что дальше-то было? - грациозно поправила она крашенные под каштан волосы у виска. - Ах, да! Прибежала, а тут такое! У моряка-часового кровь на затылке. Сам еле стоит. Говорит, что его под утро кто-то по голове огрел, и он потерял сознание. Двери нараспашку, решетка открыта. Как вошла - сразу поняла: приемник украли.

- Помедленнее, - попросил Майгатов, который записывал показания и не успевал за скороговоркой Татьяны. - Какой марки приемник?

- "Океан". Хороший приемник, хоть и почти пятнадцать лет ему. Сто раз падал, кнопки все замененные, с правого боку зеленой краской замазан, а ему хоть бы хны. Работал, как миленький.

"Господи! - в сердцах подумал Майгатов. - Из-за такой рухляди сыр-бор разгорелся! - и тут же одернул себя. - Не в приемнике дело, а в том, что секретку вскрыли. И доллары еще..."

- А деньги? Где деньги лежали?

- Здесь, в ящике, - с неожиданной легкостью подскочила она к столу, стоящему у окна, рванула верхний ящик, и он, вылетев из пазов, с грохотом упал на пол.

Пустые, с давно истертыми под корень огрызками помады, пластиковые футляры, ссохшиеся в камень тени для век, ножнички со сломанными кончиками, круглые, давно вышедшие из моды клипсы, пару десятков разнокалиберных и разноцветных пуговиц, бусинок, брошек и еще чего-то яркого, пестрого, ненужного, - все это горохом сыпануло по полу. Пунцовая Татьяна, онемев, стояла над открывшейся всем тайной и смотрела на эти побрякушки с видом человека, впервые их увидевшего. Ей очень хотелось вернуть время назад, к той секунде, когда ее рука рванула злополучный ящик, хотелось, чтобы никто так и не узнал, какой хлам хранит она в ящиках, но время не хотело возвращаться. Оно было обычным и могло только усилить стыд, а не спасти от него.

- Соберите, - кивнул Майгатов морякам.

Перепаденко согнулся в три погибели и пальцами, как граблями, стал сгонять побрякушки в одну кучу. Жбанский в углу даже не пошевелился. Он оттолкнулся спиной от стены только тогда, когда Перепаденко сгреб цветной мусор в кучу. Подошел, поднял ящик, прижал его к животу и приказал моряку: "Ссыпай."

- Товарищ мичман, - хмуро попросил Майгатов Татьяну. - Не делайте никаких резких движений. Нам нужно было ящик сфотографировать, а теперь он вроде бы и не тот ящик.

- Да нет! Тот же! - ожила Татьяна, как только ящик вошел на прежнее место. - И все внутри... то же. А пятидесяти долларов там нет. Одной бумажкой.

- Откуда она у вас?

- Обменяла. На "аллейке", перед рынком...

- А что там: толчок? - как обладатель долларов, Майгатов сам заинтересовался местами, где они еще могут быть.

- Зачем же? Киоски стоят. Культурненько так. Обмен по курсу.

- По курсу? А сколько сейчас за доллар дают?

- Что значит, дают? Кто их сдает? Их только покупают... Где-то по семнадцать тысяч купонов за один доллар.

Майгатов удивился еще больше. Невидимый калькулятор в голове поделил примерно триста двадцать татьяниных ежемесячных на семнадцать и вышло...

- У тебя в месяц где-то долларов восемнадцать - весь оклад. Откуда же пятьдесят? Да еще одной бумажкой?

- А вот это... вот это,.. - кажется, начинала бороться с подступающими слезами Татьяна. - Вот это... не ваше дело, - и отвернулась, загоротив лицо маленьким пухлым кулачком.

- Я ви... ви... видел эти дол...лары, - раздался тихий, грустный-прегрустный голос от двери.

Опершись на косяк, стоял старшина-чертежник все в той же робе с погонями без лычек и смотрел на Майгатова таким отрешенным взглядом, словно сбивчивую, искореженную заиканием фразу сказал не он, а кто-то другой за его спиной, а ему приходится за нее отвечать.

- Вам нельзя здесь находиться. Вы - не понятой, - словами вытолкнул Майгатов моряка из секретки, но на бумаге пометил: "Наличие банкноты подтверждает свидетель К..цов", - так и написал, чтоб позже просто заполнить пробел нужными буквами.

- Ящик и стол все равно сфотографируй, - приказал вновь вспомнившему о шишке фельдшеру.

Тот торопливо, с грохотом положил ледяную каменюку мяса на подоконник и журавлем заходил вокруг злополучного стола.

- Мы можем дальше говорить? - тихо то ли попросил, то ли поинтересовался Майгатов.

- Мо...можем, - всхлипнула Татьяна и, мазнув платком по черной туши подглазий, заговорила, не оборачиваясь, будто рассказывала окну, а не дознавателю.

- После этого я осмотрела все ящики. Ничего больше не тронули. Только вот сейф...

- Что - сейф? - оторвался от писанины Майгатов.

- Была сорвана нитка с пластилиновой пломбы вот на этом отделении.

- А оно...

- Что - оно? - повернула она, наконец-то, лицо с красными глазами и ставшим еще больше серым, набухшим носом.

- Отделение это... Оно было открыто?

- Нет.

- А потом... потом вы его вскрывали?

- А как же! - удивилась Татьяна столь глупому, по ее мнению, вопросу. - Прямо при комбриге. Все просмотрела, проверила - документы на месте, ни один не пропал, страницы не испорчены, все в порядке.

- Вы могли его... ну, забыть... не опечатать? - уже и не знал, какие слова подбирать Майгатов, но все равно, кажется, не подгадал.

Татьяна пыхнула, как подожженная вата, всплеснула короткими толстыми ручками и закричала:

- Я - забыла?! Я - забыла?! Я - забыла?! Да я... да за год работы... ни разу, - и уткнула лицо в пухлые ладошки.

Почему-то в этот момент Майгатову захотелось назад, в больницу. Чтоб выйти чуть позже, чтоб лететь чуть дольше, чтоб поезд пришел в Севастополь с опозданием, чтоб кто-то другой, а не он...

- Прекратите истерику, - тихо сказал он в пол и, не поднимая уже не просто усталой, а какой-то намертво пропитанной, до корней волос усталостью, голову, спросил: - Что у вас хранилось в этом отделении?

- ...ах ...ух ...вах ...ых, - ответили за Татьяну ее истеричные всхлипы.

- Что-что?

- Вах... ах... вахтенные журналы, - все-таки собралась она. Но отвечала все равно окну, словно оно было ей роднее и ближе этого противного, худящего старшего лейтенанта с выгоревшими усами и вбитым боксерским носом. - Старые. Со всех кораблей. За два года...

- Кхи-кхи, - прокашлялся кто-то у двери.

- Только за два?

- А по инструкции они дольше и не хранятся, - ответила Татьяна так удивленно, словно не могла понять, как дознаватель не знает элементарных истин.

- Кхи-кхи, - опять настойчиво поскребся в их разговор чей-то кашель.

- Перепаденко, ты,.. - хотел сказать: "...ты что: простудился?", а вместо этого лишь удивленно вскинул брови.

Кашлял не Перепаденко, а стоящий рядом с ним невысокий щупленький матросик. Как он вошел, никто не слышал. Наверное, даже Перепаденко, рядом с которым он стоял, потому что старшина смотрел на это привидение в синей робе с не меньшим удивлением, чем Майгатов. Но поражало не только его беззвучное появление, которое в конце он все-таки исправил покашливаниями, а белый бинт на голове.

- Ты кто? - спросил, глядя на бинт, Майгатов, и вышло похоже, как будто спросил у бинта.

- Матрос Голодный.

В устной речи больших букв не бывает, и потому Майгатов сразу и не понял:

- Почему - голодный?

- А цэ тоби шо - йидальня чи шо? - поддержал удивление офицера Перепаденко.

- Голодный - это фамилия, - тихо пояснил моряк, который, скорее всего, за время службы уже устал всем острякам объяснять это.

Все, кроме Майгатова и все еще отвернувшейся к окну Татьяны, смягчили лица улыбками.

- Здесь идет дознание, - напомнил Майгатов. - И посторонним в помещение нельзя.

- Я - не посторонний, - еще тише, чем до этого, сказал моряк, тронул худенькими, подрагивающими пальчиками бинт, будто боялся, что он исчезнет, и прошептал: - Я - бывший часовой.

Татьяна, которая могла объяснить это уже давно, обернулась и победно посмотрела на Майгатова. Над вздернутым подбородком упрямо комкали друг друга тоненькие, видные только от того, что по ним провели помадой, губки и, кажется, вот-вот должны были отпустить колкость, но матрос опередил ее:

- Хочу дать показания, - тихо попросил он.

- Ну, давайте, - недовольно ответил Майгатов.

И без этой дурацкой фразы, произнесенной матросом, было ясно, зачем его сюда вызвали. Не песни же петь, в конце концов?

- Записываю.

- Я принял секретку под охрану в восемнадцать ноль семь...

Рука Майгатова дрогнула.

- Ноль семь?

- Да. Ноль семь. У меня часы хорошие. Точно идут. Вот, - протянул сухую, закопченную солнцем руку с какой-то гонконгской электронной штамповкой на запястье.

- Ладно. Пусть будет ноль семь. Что было дальше?

- А ничего, - так уверенно ответил матрос, будто это было главным, ради чего он пришел в секретку.

- Что значит: ничего? - возмутился Майгатов. - У тебя ж голова перебинтована.

- Так это потом было. А до двадцати двух я свою смену отстоял и ушел спать. Вернулся на пост в ноль один пятьдесят восемь...

- Ты что: из штурманской бэ-чэ? - кажется, догадался о причине такой временной точности Майгатов.

- Так точно. Электрик штурманский...

Это уже и говорить не нужно было. Только ребята из штурманов так уважают точное время. Потому как без этого ни место в море точно не определишь, ни по звездам не справишься.

- Итак, заступил...

- Да, заступил... А где-то в полшестого... уже солнце всходить начало... кто-то сзади, по затылку прямо... Я и упал без сознания... очнулся в ноль пять пятьдесят три, а секретка того... настужь. Я к чертежникам постучал...

Моряк смолк. Наверно, затылку не нравился его затяжной монолог. Но и моряку не нравилось здесь, в перекрестье стольких глаз, и он быстро-быстро закончил:

- Они не открыли. Наверно, крепко спали... Тогда я сообщил дежурному по дивизиону. Пришел дежурный, потом комбриг, потом - вот товарищ мичман, по-страусиному дернул шейей, обозначив Татьяну даже не кивком, а каким-то тычком головы. - А меня отпустили в санчасть. Кровь же текла...

Потухшим взглядом обвел матрос всех присутствующих, словно навсегда запоминая тех, кто видел его таким слабым и немощным, и дольше всех задержался на широкоплечем Жбанском. Тот стоял боком к Голодному и безразлично смотрел в окно, а моряк на него, точно не мог разглядеть человека, которому менее всего неинтересен его рассказ.

- Твой сменщик ничего подозрительного во время его дежурства не заметил? - так, для проформы, спросил Майгатов.

- Ничего, - бледное, вытянутое лицо моряка ждало избавления. - Только сказал, что после полночи кто-то прошуршал за стеной.

- Прошуршал?

- Ну да. По палым листьям.

- Он ничего не видел?

- Нет. Только звук - шуршание - услышал... Может, то и собака была. Им сейчас в городе голодно. Они и лезут через дырки в заборе в часть...

- Еще что-нибудь хочешь добавить?

- Нет-нет. Ничего, - так непривычно быстро для себя ответил матрос с необычной фамилией Голодный, что Майгатов понял только одно: моряк что-то скрыл.

4

Он не помнил ночи. Лег, закрыл глаза и, кажется, тут же их открыл. Перевел взгляд с диска иллюминатора, в котором ватой висело облако, на диск каютных часов и обомлел: без пяти восемь.

Испуг выбросил его из койки, как тот камень, что вышвыривала средневековая катапульта, вогнал в брюки, в холодные ботинки, вмолотил в настывший китель и вдруг схлынул.

Майгатов сел на край койки и громко, без слюны, сплюнул: "Да что же это я?!" Во-первых, была суббота, а, значит, не требовалось бежать на ют, на построение к подъему Военно-Морского Флага, во-вторых, даже если был бы будний день, то и тогда бежать никуда не требовалось бы, поскольку его назначение дознавателем одновременно освобождало от всех служебных обязанностей, в том числе и построений.

Из помощника командира он временно превратился в пассажира, что было необычно, неудобно и в то же время как-то интересно. Но на этом весь интерес и заканчивался. Все остальное: секретка, сорванная нитка печати, матрос с фамилией Голодный, толстая мичманша, пропавший инвалидный приемник "Океан" и мифическая пятидесятидолларовая бумажка - казались до того неинтересными, будничными, дурацкими. На любом борту

"Альбатроса" - в неделю раз уж точно! - крали то тельняшки, то сахар из провизионки, то простыни, а то и деньги прямо из каюты у какого-нибудь зазевавшегося лейтенанта, и никто не делал из этого всемирной трагедии, а, тем более, не занимался расследованиями. А тут... Стоп, это уже было, мысль прокручена, как старый фильм. Мысль одна - во всем виновата секретка. Если бы не эта нитка, сорванная с пластилиновой опечатки...

- Давай мыль лучше, не сачкуй! - гаркнул кто-то в коридоре.

Мышиное ширканье ответило горлачу сверху, с подволока. Майгатов еще раз посмотрел на часы. Ширкали не мыши, а швабры на палубе. На "Альбатросе" шла большая приборка.

Взгляд с каютных часов упал на пустые бутылки, брезгливо прижавшиеся к переборке от вида окружавших их огрызков хлеба, колбасных шкурок и ополовиненной банки кильки, из красной жижи которой торчали сигаретные фильтры. Что-то никакой пьянки за собой Майгатов не припоминал?

Встал, обернулся к верхней койке и еле сдержался от того, чтобы не скривить лицо. Какой-то зловонной смесью перегара, дешевой махры и блевотины на него дышал широко, как будто в крике, открывший рот Силин.

- Можно? - тихо спросила дверная щель.

Майгатов рванул гнутую, в миллионе вмятин, дюралюминиевую створку и этим резким открытием отбросил худенького человечка от двери.

- С приездом, - переборков только что прочувствованный испуг, поприветствовал его Молчи-Молчи.

Майгатов поздоровался, с удивлением глядя на восковое лицо особиста, которого он менее всего ожидал увидеть на корабле. Ведь на дальние походы в океан, на боевую службу, назначить на борт могли любого из отдела, следящего за их бригадой, и после прихода в базу Молчи-Молчи становился как бы уже и не своим. А ведь пришел за чем-то. И стоит, никак порожек комингса не переступает, будто и хочется ему кого-то "заложить" и жалко, что приходится это делать такому мелкому по званию и должности офицеру, как Майгатов.

- Проходите, присаживайтесь, - прижавшись спиной к верхней полке, предложил особисту сесть на стул-вертушку.

- Благодарю, - мгновенным, каким-то вспыхивающим взглядом охватил тот следы пьянки на столе, бурое лицо Силина с черной пропастью рта, укоризненно посмотрел на Майгатова и только потом, тихо скользнув мимо, беззвучно сел на вечно скрипящий стул.

Майгатов ни в чем разубеждать его не стал. Человеку, наверно, приятно, что есть о чем доложить, в том числе и о Майгатове, так зачем его лишать такого удовольствия?

- Как расследование? - зачем-то спросил Молчи-Молчи. Как будто ему уже все не доложили в тонкостях.

- Потихоньку, - тоже присел на деревянный ограничитель койки.

Помолчали. Каждый - о своем.

Молчи-Молчи сидел мумией. Выходило похоже, что это Майгатов пришел к нему, и теперь особист, тяготясь его присутствием, ждет, когда же он уйдет. И вдруг маска мумии дрогнула. Звонок, вонзившийся в каюту, по трансляции, дернул его щеки, блеклые, птичкой, губы, оживил серые капли глаз. После паузы прошел второй звонок, третий... На них особист уже не реагировал. Наверно, как и Майгатов, мысленно считал... Четвертый, пятый... Тишина,

чуть дольше обычной паузы тишина. Пять - это комбриг, Бурыга. Вахтенный старшина на юте, упреждая командира корабля о его приходе, привычно дал сигнал. Хлопнула дверь, прошлепали сандалии Анфимова. Чего это Бурыгу сюда принесло? Неужели тоже по его душу?

Обратные шаги Анфимова и глухой, как удар кувалдой, топот Бурыги не замерли у его двери, продолжились дальше, явно до командирской каюты.

Внутреннее напряжение спало. Наверно, и у Молчи-Молчи тоже, потому что он вдруг чуть громче своего привычного пришепетывания спросил:

- Тебе этот матрос... Голодный... как?

Майгатов ответил пожатием плеч.

- А мне он не нравится. Я врача в санчасти попросил у него кровь на анализ взять. Он даже не понял, зачем...

Майгатов тоже не понял, зачем?

- А чертежники тебе - как?

- Они дали показания, что спали. И спали, видно, крепко, раз часовой их не мог разбудить...

- А, может, не спали? - и собрал хитрые-прехитрые морщинки возле углов глаз.

- Думаете, это... они?

- Я не думаю. Я прорабатываю версии...

- Ради старого радиоприемника? - подначил Майгатов.

Но мумию трудно подначить. Только глаза стали уже, а губы сжались плотнее, как у волка перед атакой на отбившуюся от стада овечку.

- Ради истины.

- А вы ее знаете?

- Пытаюсь понять. И, боюсь, она - в сейфе...

- В каком? - зачем-то посмотрел на старенький ящик-сейф в своей каюте Майгатов.

- В том, с которого сорвана печать.

- Но там же все на месте.

- А, может, хотели взять то, чего там не было...

Майгатов задумчиво сдвинул брови, и тут дверь отшвырнули нараспашку. Она с грохотом ударила по койке со сразу всхрипевшим Силиным и открыла вид на разъяренного Бурыгу, за которым еле угадывалась огненная шевелюра Анфимова.

- А-а, товарищ Сюськов, - смягчился Бурыга.

Оба офицера стояли по стойке "смирно". Только Майгатов одной спиной, вдоль по стальному брусу старался задвинуть шторку над верхней койкой.

- Как расследование? - не входя, бахнул из коридора Бурыга. Он даже пустых бутылок на

столе не замечал.

- Идет по плану, товарищ капитан второго ранга! - по-солдафонски четко доложил Майгатов, который уже успел закрыть вязкой шторой лицо Силину и полтуловища.

- Вечером доложишь! А ты, - повернулся к Анфимову, - со своей секреткой разберись. Бардак по высшему сорту! Хранишь то, что давно положено сдать. Мне уже сверху пригрозили проверкой всех секретных частей на кораблях. А ты, - снова вспомнил о Майгатове, - не тяни резину с этим делом. Купим этой дуре новый приемник - и ныть не будет. Короче, в двадцать ноль-ноль - ко мне с докладом, - и загрохотал по мыльной, поканой палубе "Альбатроса" к берегу.

5

Перо дернулось и выпустило из-под себя черную каплю.

- Ну, ск...олько м...ожно мочалками р...исовать, - возмутился старшина и в сердцах швырнул ручку о стену.

Клякса жирным, дегтевым пятком висела в той колонке, над которой стояла надпись: "Хищения личного имущества". Чертежники уже вторые сутки рисовали огромную, в три метра длиной и два метра шириной, план-схему состояния воинской дисциплины в бригаде за девять месяцев года. Больше всего времени ушло на графу "Самовольные отлучки и уклонения от воинской службы". Немаленькой вышла и графа "Хищения государственного имущества", которую закрывала самая свежая надпись: "Пропажа горюче-смазочных материалов (следствие закрыто ввиду отсутствия доказательств)". А вот колонка "Хищения личного имущества" была, как и год, как и два года, как и десять лет назад, девственно чиста. Пропавшие деньги, часы или "гражданка" офицеров никогда не волновали командиров высокого уровня, а потому и не заносились в схему. А если бы их однажды записали, то перетяжеленная бумага, наверное, грохнулась бы оземь со стены. И вот теперь приходилось по приказу Бурьги записывать в пустую колонку глупую фразу про приемник и пятьдесят долларов.

- Ты... просил выдать н...новые перья... Без т...толку, - уже потише проговорил старшина.

- Чего ты психуешь? - грубо спросил сидящий на пустом столе годок и сощурил и без того маленькие, как смородинки, глазки. - Небось, от того старлея в штаны наложил?

- Да не-е, Т...аньку жалко...

- Ну, пойдя ее пожалей. Только чихать она на тебя хотела. У нее свой ухажер есть. Такой амбал, что тебя одним пальцем завалит...

- Моя пайку плинес! - ввалился в комнату бурят с нанизанными на стальной держак кастрюльками. - Жрать ужасно будем!

- О! Побакланил! - ловко спрыгнул годок со стола, приподнял крышечку и втянул носом запах.

- Рассольничек! А там?

- Гречка с мясом, - ответил бурят с таким важным видом, будто он сам ее варил, а теперь вот соизволил угостить.

- Не туфти! Откуда там мясо? Если есть пару ниток - и то хорошо. Короче, я их "забил"...

- Хоросо, - обреченно согласился за обоих бурят, который и без того уже знал, что мясо, - если оно попадет, - годок все равно заберет себе.

- Может, р...ассказать все этому ст...тарлею? - тихо, словно у самого себя, спросил старшина.

- Ага! Пойди, посиксоть! Потом мамочке будешь из зоны письма катать. Ушел, мол, мама, в дальний поход, в такой дальний, что должны мне за него орден дать... Татуированный. На груди...

- Зачем ты?!

- А то, что притухни! - гаркнул годок, грохнул кастрюльку на стол, ссыпал пластиковые тарелки и приказал, хоть и не был он здесь старшиной: Садитесь хавать! "Баклан" стынет.

Заика подчинился.

Три ложки работали вразнобой. Две быстро, как ковши у землечерпалки, а третья - точно в замедленном кино.

- Все р...авно Т...аньку жалко. От...странят теперь ее от дол...лжности. Сто пр...оцентов, - глядя на обод синей пластиковой тарелки, почти прошептал старшина.

- Еще один значок на память подвесить? - раздраженно покачал головой годок. - Или так врубишься?

- Иешь, зэма, иешь, - попытался успокоить старшину бурят и посмотрел на красного червячка ссадинки на его виске.

Но "зэма", а именно так половина матросов звала друг друга, хотя не были они "зэмами", то есть земляками, аппетит потерял напрочь. Он встал из-за стола, с грохотом завалив на бок тяжелый, грубо сколоченный деревянный стул и вышел из чертежки.

- Ты куда?! - попытался остановить его вопросом годок, но не смог.

Старшина прошел к красной двери секретки, крючком поднес к захлопнутому окошечку согнутый, подрагивающий палец, подержал его несколько секунд на весу и тихо-тихо постучал.

- О-обед! - крикнула изнутри Татьяна.

Он снова, уже больнее для костяшек указательного пальца, постучал по металлу. Он не видел краем глаза (мешала часть стены), но всем телом, всеми клетками своего худенького, мелкокостного тела ощутил, что справа и чуть сзади от него стоит годок. И он ударил в дверь кулаком, зажмурившись и ожидая, что кулаком сейчас врежут и по его голове.

Но створка окошка упала внутрь секретки, и он так и остался перед Татьяной зажмуренным и сгорбленным.

- А-а, эт ты... Я ем... Чего тебе?

Из окошка ударило запахом сала, чеснока, духов, каких-то цветов, и старшина распрямылся, будто эти запахи ветром смели с него груз страха, висящий на плечах, и, ни разу не заикнувшись, выпалил:

- Я твой приемник нашел. Он в кустах возле спортзала лежит...

В тишине за спиной хрустнули стиснутые в кулак пальцы годка.

6

Говорят, что законы для того и пишутся, чтобы их нарушать. Хоть и есть в приказе министра

статья о том, что офицер, назначенный дознавателем, на время следствия освобождается от своих служебных обязанностей, но выполнить ее не легче, чем поспать на потолке.

- Юра, нужно съездить старшим с нашим секретчиком в штаб флота. Понимаешь, мы отчет по боевой службе до сих пор не сдали, а тут из-за этого ЧП проверка ожидается. Бурыга... ну, ты сам слышал, уже психовал, что у нас есть нарушения по секретному делопроизводству... Поэтому отчет нужно срочно... В общем, получи пистолет и снаряжение... Ты пойми, у меня все офицеры и мичмана если не на дежурстве, то еще где-нибудь заняты...

Майгатов сопротивляться не стал. Он бы вообще сменил тягомотину расследования, больше напоминающее работу бухгалтера: бумажки, бумажки, бумажки, - на обычную жизнь помощника командира "Альбатроса". И приказание Анфимова совпало с его желанием, а, совпав, только ускорило его намерения хоть на время отвлечься, уехать из бригады...

Из Стрелецкой бухты до штаба флота они добрались довольно быстро. Секретчик, маленький, стриженный под бокс крепыш с плечами, явно знакомыми со штангой, с безразличным видом, будто он не просрочил время сдачи документов, а вообще привез их чуть ли не раньше положенного, положил на окошечко секретчицы серую папку. Та с таким же безразличием, точно ей тоже были до лампочки все сроки, проверила нумерацию страниц с отчетами командира корабля, командиров и начальников служб, докладом по разведке и кальками со штурманских карт, расписалась в приеме и сухо попрощалась:

- Вопросов нет. Больше так не затягивайте. До свидания.

Майгатов, стоящий рядом с секретчиком, стоящий с грозным пистолетом на боку, посмотрел на папку, исчезающую в пасти сейфа, и подумал, что в ней, скорее всего есть и его фамилия, а, может быть, даже и весь рассказ о его пропаже, о плене, о пиратах-наркодельцах, и он с сожалением ощутил запоздалое желание все-таки прочесть эти строки отчета о себе. У него словно забрали часть жизни и, вогнав ее между пыльных, пожелтевших папок, навсегда закрыли от него мощным сейфовым ключом.

Он отвернулся, чтобы не видеть даже этого сейфа, и вдруг понял, что не могло все войти в отчет, что остался вне его сухих, канцелярских страниц самый лучший кусочек его жизни - встречи с Леной. Майгатов улыбнулся этому открытию, чем очень удивил секретчика, застегивавшего опустевший портфель-папку и после избавления от важных документов как бы и секретчиком быть переставший.

- Та-ац старший лейтенант, - попросил он, на время утратив свою важность, - разрешите домой, в Москву, позвонить?

- В Москву? - задумчиво повторил Майгатов, и этим словом еще раз напомнил себе о Лене. - А ты в самой столице живешь или в пригороде?

- В самой, - с гордостью ответил моряк. - В Орехово-Борисово.

- А вот это... посмотри, - достал он из нагрудного кармана кителя бумажку с номером телефона, - это где: в центре, на окраине или в пригороде?

- Единица? - по первой цифре определился москвич. - Это - центр. Ну, может, еще Юго-Запад быть. Но не пригород - это точно...

- Хорошо. Пошли звонить...

После отъезда Лены в Эфиопию он потерял с нею связь. В больнице ее новый адрес не знали, а сама она Майгатову ни разу так и не написала. То ли постеснялась, то ли и вправду ничего у них такого серьезного не было.

И вот теперь, накручивая диск телефона в душевой кабинке городской междугородки, он волновался как перед экзаменом в школе. Волновался, хотя твердо знал, что вряд ли она вернулась уже из Эфиопии в Москву. У нее же контракт...

В соседней кабинке гоготал матрос-секретчик, узнавший что-то веселое из Москвы, и этот бурный клокочущий смех, наслаивающийся на безответные гудки в трубке Майгатова, раздражал его.

Дежурная телефонистка, миленькая девочка с задорным светлым хвостиком волос, из своей загородки, оказавшейся как раз напротив, с такой жалостью смотрела на Майгатова, будто понимала его состояние. А, может, она вообще еще не огрубела душой и на каждого, кто не мог дозвониться, смотрела так, точно это она одна виновата в этом.

Рука Майгатова нервно дернула за рычажок. Торопливые пальцы набрали вновь код и номер телефона. Нет, вновь одни гудки. Он перевел взгляд с исписанной номерами, фамилиями и кличками стенки кабины на загородку дежурной, чтобы ощутить хоть какое-то сочувствие, но лицо девушки оказалось скрыто широкой мужской спиной. И эту спину, эту серую куртку-ветровку, усыпанную у воротника густой перхотью, он сразу возненавидел.

Взглядом он поторопил спину, чтоб она быстрее исчезла, но мужчина, вместо того, чтобы уходить в свою кабинку, тряхнул пепельно-серыми волосами и обернулся.

Гудки исчезли. Трубка исчезла. Нет, наверное, гудки все еще сыпались мелким монотонным горохом, еще лежала в мокрой ладони пластиковая трубка, но Майгатов уже ничего не слышал, и не чувствовал. Сквозь огромные очки в роговой оправе на него смотрел Майкл Пирсон, корреспондент то ли Франс-Пресс, то ли Рейтер, и только три вещи отличали его от того Пирсона, что брал у него интервью в больничной палате, - более короткая стрижка, отсутствие бороды и куртка-ветровка.

В уменьшенных минусовыми линзами очков зеленых зрачках Пирсона стояли удивление и ужас. А, может, таким виделся его взгляд Майгатову, а, на самом деле, он был просто недоумевающим от вида офицера с ошарашенным лицом и пристальными из-за невозможности рассмотреть сквозь слабые стекла все до деталей.

Мужчина отвернулся, что-то, судя по движению белобрысой головы, сказал дежурной и шагнул влево. Шагнул так быстро, что Майгатов даже не увидел его в профиль. К тому же у окошка появился какой-то парень в обнимку с девушкой.

Трубка выпала из рук. Выпускаемые ею гудки вытекали и вытекали в густой, жаркий воздух кабинки, но уже никого не могли ни раздражать, ни удивлять.

Майгатов и не заметил, как он вылетел на улицу. По правой стороне вниз, к площади Революции, шел Пирсон.

- Товарищ офицер! - заставил Майгатова обернуться тоненький голосочек.

- Вы же купоны забыли. За разговор.

Дежурная телефонистка умоляюще смотрела на него. В ее подрагивающих пальчиках обертками конфет краснели пятитысячные бумажки купонов, которые он оставил у нее, поскольку по новым правилам разговор велся, как говорили теперь, "в кредит".

- Связи же не было, правильно? И компьютер показал, - она готова была расплакаться.

То ли от того, что на нее не обращают внимания, то ли от того, что ей жалко было расставаться с таким симпатичным офицером.

- Спасибо, - грубо вырвал он у нее бумажки и побежал за Пирсоном.

Тот уже прошел мимо кинотеатра и, спиной чувствуя угрозу, обернулся. Вид офицера с кобурой на боку, бегущего за ним, заставил его сделать то, на что решился бы любой, за которым гнался вооруженный военный. Пирсон тоже побежал.

Уже метров через тридцать в бок у Майгатова кольнуло. Рана, оставленная амебами, напоминала о себе. Он чуть замедлил бег, и бок с благодарностью отозвался чуть менее острыми покалываниями. Но тут Пирсон бросился через улицу, прямо перед взбирающимся от площади Революции троллейбусом, и кишкам Майгатова пришлось нелегко.

Взгляд чуть не потерял серую куртку в толпе на площади. Но "РАФ"ик, за который она пряталась, тронулся с места, открыл Пирсона, и Майгатов бросился к нему, мысленно просчитывая, что путей отхода у того - три: налево, к рынку, вниз, к центральному универмагу или вправо, к остановке у кондитерского. Все три места были людными, но Пирсон выбрал самое людное рынок, и уже по одному этому Майгатов догадался, что он здесь - далеко не турист.

Пирсон учел многое, но только не то, что густая толпа у рынка первым затормозит его. Как льдины на Севере останавливают корабль, идущий первым. А вот Майгатов с пистолетом в руке, который уже и не помнил, как вырвал из кобуры, был больше похож на ледокол, перед которым расступались люди. Точнее, разбегались. Никому не хотелось оставаться на пути у красно-бурого старшего лейтенанта с перекошенным яростью лицом.

Он нагнал его на ступенях мясного павильона. Схватил мокрыми пальцами за рукав ветровки, рывком развернул к себе и ткнул в живот ствол.

- Вс...се, г-гад, отбег...гался, - прихлебывая слова глотками горячего севастопольского воздуха, бросил в лицо Пирсону.

- В чем дело? - возник сбоку, из уже стягивающейся вокруг них толпы лейтенант-милиционер.

- Что? - не понял Майгатов.

- Уберите оружие, - потребовал милиционер, все же с опаской поглядывая на "макаров" в колышущейся руке этого возбужденного старшего лейтенанта.

- Выз...вызывайте патрульную машину, - в свою очередь потребовал Майгатов. - Я задержал американского журналиста, шпиона и бандита, выпалил он единым духом, и в глазах даже потемнело. То ли от того, что вправду не глотнул воздуха, то ли от слабости, звоном отдающейся в голове, то ли от злости на глупого милиционера.

- Не много ли ярлыков? - на чистом русском языке, с вызовом спросил уже избавившийся от одышки Пирсон. - И почему если шпион, то американский? Севастополь - закрытый город, и сюда просто так не попадешь.

Удивление сделало Майгатова немым.

- Ваши документы, - протянул к Пирсону маленькую узкую ладошку милиционер. - И ваши тоже, - посмотрел на распаренное, усеянное на висках потом лицо Майгатова.

- Вот. Пожалуйста, - даже с каким-то вызовом отдал паспорт в прозрачной полиэтиленовой обертке тот, которого Майгатов принял за Пирсона.

- Товарищ Зубарев? - помелькал взглядом милиционер с лица мужчины на его фотографию в паспорте. - Прописка севастопольская? - пролистал до четырнадцатой страницы. - О! Вы - из Москвы? А-а, понял, понял, - захрустел командировочным удостоверением, на которое

показал Зубарев. - Та-ак, ну что: штампы в порядке, не просрочено, - вернул документы, щегольски козырнув. - Можете быть свободны... Извините, а это что у вас?

Только теперь Майгатов заметил, что под мышкой у мужчины - какой-то прямоугольный сверток.

- Это? - сымитировал удивление Зубарев. - Да пустяк, можно сказать, народное творчество. Купил вот картину у самодельного художника и теперь хотел в милиции справку на вывоз через границу взять. Таможенники все-таки...

Он хрустнул разрываемой газетой, и Майгатов сбоку, под углом, но все же рассмотрел небольшую, в простенькой белой раме картину: море, корабль, чайки. Чушь какая-то!

- А-а, ну такую картину через границу пропустят, - оценил с высот своего профессионализма милиционер и повторил уже произнесенную сегодня фразу: - Можете быть свободны.

Будто от того, что сказал два раза, этот Зубарев стал свободнее.

Пока поворачивался к Майгатову, лицо из благостного, с сусальной улыбкой, превратилось в грубое, злое, как бы зачерствело. Милиция в Севастополе традиционно не любила моряков, а моряки, в свою очередь, не любили милиционеров.

- Да уберите пистолет!

"Макаров" нехотя скользнул вниз, в черную пропасть кобуры. Щелкнула кнопка.

- Не отпускайте его, - уже не просто попросил, а взмолился Майгатов.

- Не имею права, - с удовольствием ответил милиционер, и Зубарев, отпущенный окончательно этой фразой, спиной упал в толпу, как в воду, и канул в ней.

- Вот вас бы я задержал. За угрозу применения оружия в людном месте. Да связываться не хочется, - протянул внимательно изученное удостоверение личности.

Майгатов вырвал его из худых пальцев милиционера, вбил в наружный карман кителя и, не прощаясь, отвернулся от лейтенанта и медленно пошел по рынку. Взгляд искал серую куртку-ветровку среди пестрого многолюдия овощных рядов и продуктового толчка, но не находил. А милиционер, достав блокнот, что-то записал туда, тщательно выводя печатные буквы.

7

Наверное, контрольно-пропускные пункты в воинских частях ставят для того, чтобы любой дурак знал, где легче всего попасть на территорию части. Во всяком случае, КПП в Стрелецкой бухте ежедневно подтверждало эту парадоксальную истину. Мимо сонного сверхсрочника-дежурного и еще более сонного матроса-дневального можно было на руках вынести корабль, и они бы этого не заметили. Потому что не дежурили, а отбывали дежурство. Майгатов, твердо зная, что никто не спросит ни пропуск, ни удостоверение, ни цель посещения, шагнул с солнцепека в низенькое желтое здание КПП и уже взялся рукой за алюминиевую трубу "вертушки", как вдруг его остановил тихий, безразличный голос:

- Та-ащ стащ ли-инант, вас вызывают...

В спину остановившемуся Майгатову ткнулся секретчик. Всю дорогу от переговорного он молчал, потому что мыслями был в Москве, и, пожалуй, лишь этот толчок вернул его в Севастополь.

- Чего? - нагнувшись к окошечку, Майгатов наконец разглядел сквозь засиженное мухами стекло сонную физиономию дежурного, но не сверхсрочника, а старшего мичмана Жбанского.

- Ты заступил, что ли?

- Да вот поставили на подмену пару часов назад.

- А что стряслось?

- А-а, ерунда: комбриг на своих "жигулях" из части выезжал, а дежурный придремал... Ну, и не сразу открыл ворота. Он его и снял с дежурства...

- "Жигули"? Бурыга машину купил?

- Так точно. "Шестерку". Почти новую, - с таким удовлетворением ответил Жбанский, будто это он купил машину. - Теперь обкатывает. Ну, и сам учится...

- И сколько она?..

- Чего - сколько?

- Стоит - сколько?

- Н-не знаю. Но у меня сосед такую же брал, говорил, что на пару тысяч баксов "потянула"...

Майгатов примерял к этой сумме свой доход в четыреста "зеленых", полученных от Анфимова, и опять ощутил раздражение к Бурыге. Нет, он не завидовал его деньгам, он не мог понять, откуда они. Хотя, по нынешним временам, об этом не спрашивали. Полфлота "крутилось" в бизнесе или около него, и Бурыга вряд ли мог устоять от таких соблазнов.

- Вора-то нашли? - спросил Жбанский и сдвинул чуть ли не на нос козырек черной фуражки.

- Какого? - не сразу вырвался из плена прежних мыслей Майгатов. А-а, секретка... Ты чего говорил-то: вызвали меня куда-то?

- Так точно. В особый отдел. Сюськов просил зайти. Они ж приемник нашли...

- Приемник? - не понравилась новость Майгатову. Но еще больше не понравилось, что какой-то мичман, пусть даже бывший понятой, знал больше, чем он - дознаватель. Как будто шло не тайное следствие, а забег на стадионе, и каждый из болельщиков знал, на какой минуте что случится с бегуном.

- Хорошо, - подытожил Майгатов, хотя и не ясно было, что же во всем этом хорошего. - Иди на корабль, - приказал секретчику, а сам направился к особому отделу, на ходу думая о том, что надо уже сегодня расквитаться с этим дурацким делом о приемнике...

В кабинете Сюськова стоял ледяной холод. Если бы не разглядел в углу ящик кондиционера, поверил бы в то, что холодом веет от самого особиста.

Тот сидел за пустым столом в позе сфинкса: застывшая в одном монолите с туловищем голова в парадной, с чуть вздернутым подбородком, позе, руки, лежащие на плахе стола со стиснутыми кулаками параллельно друг другу. На мгновение даже стало страшно, что эта скульптура может заговорить.

- Как дела? - тихо-тихо, почти шепотом, спросил Сюськов.

- Какие, товарищ капитан-лейтенант? - действительно не понял Майгатов.

Сюськов не предложил ему сесть, и от этого их дистанция в званиях стала как бы еще

больше.

- Я имею в виду дознание.

- Работаем, - по-матросски ответил Майгатов и ему стало стыдно за собственную растерянность.

- И много наработали?

Ну так тихо опять сказал, что и непонятно: есть издевка в голосе или нет?

- Протокол составил. Есть объяснительные...

- А обвиняемый есть?

- Пока... пока нет, - с трудом выговорил.

- А у меня - есть, - еще тише ответил Сюськов, и Майгатов так и не понял, действительно он сказал эти слова или ему только показалось.

Кулаки скользнули по полированной крышке стола на колени Сюськову. Он откинулся на спинку стула и, глядя сквозь Майгатова, проинформировал:

- Обвиняемые - чертежники.

- Кто? - даже подался вперед Майгатов. Ему почему-то вспомнились два из трех моряков: длинный, со смешным ежиком волос, и маленький, с наглой ухмылочкой. Но эта картинка выглядела какой-то неполной, потому что память никак не могла подсказать, кто же из них - старшина.

- Длинный, - вдруг сказал Сюськов, и от этих слов Майгатову стало еще холоднее. Неужели особист мог читать мысли? - Да, именно длинный чертежник, их старшина, признался секретчице, что они нашли ее приемник. Я, как узнал, сразу пошел туда, хотя тебе нужно было находиться в это время там, - с тихим раздражением проговорил он, не отрывая глаз от кобуры на боку Майгатова.

- Документ... в штаб флота...

- Знаю. Хотя тебе не положено было ехать. Ты же освобожден от служебных обязанностей...

"Ну чего он Америку открывает! - мысленно огрызнулся. - Я, что ли, не знаю..."

- При мне чертежники раздвинули ветки. У забора, на земле, лежал приемник "Океан". Я приказал аккуратно, не притрагиваясь к нему пальцами, упаковать его в целлофан. Снимем "пальчики"...

- А какой в этом смысл?

- Я еще не досказал... Секретчица приемник опознала. С чертежников я взял объяснительные. Двое твердят, что ничего не знают. А длинный... ну, старшина, сообщил, что увидел его случайно. До ветру его, мол, потянуло. Вот он и пошел к кустам...

- И это - обвиняемый? - удивленно вскинул брови Майгатов.

- Конеш-шно, - не замечая этого удивления, прошипел Сюськов. - Ведь именно он опоил часового, чтобы тот уснул...

- Опоил?! - вот тут уж точно от удивления сел бы, но стулья стояли далеко, да и та

сверхофициальная обстановка, в которой принимал его особист, к таким сценам не располагала.

- Мне принесли из госпиталя анализ крови часового. В ней зафиксировано вещество, - перевел с кобуры взгляд на сейф, где, скорее всего, как раз и лежала эта бумажка с названием забытого вещества, - ...в общем, химическое соединение, вызывающее глубокий сон. Оно наркосодержащее...

- У чертежника - и наркотики?! - попытался его защитить.

Только, кажется, это было напрасно. Сюськов относился к тому типу людей, которые очень любят свое мнение и его не меняют. Тем более перед каким-то старлеем-неудачником, которого Бурьга, скорее всего, скоро "съест" по службе.

- Чертежник отрицает мою версию. Часовой по фамилии Голодный - тоже. Но у меня есть рычаги. Я выведу их обеих на чистую воду...

- Чистую?! - все-таки не сдержался. - А вдруг она - грязная?!

Сфинкс не дрогнул ни единым мускулом лица.

Сюськов помолчал, словно обдумывая кару за дерзость, беззвучно встал, включил телевизор, сел и снова превратился в сфинкса.

"Работает программа севастопольского телевидения, - заговорил женским голосом еще мертвый экран. - Последние новости: освобожден от занимаемой должности командующий Военно-морских сил Украины вице-адмирал Борис Кожин..."

- Видишь, сняли все-таки, - прокомментировал Сюськов. - А все потому, что украинский флот развалил. Воровство кругом. И я не хочу, чтобы так же сняли нашего командира бригады. Поэтому лучше посадить матроса за мелкое воровство, чем искать офицера или, что еще хуже, какого-нибудь диверсанта. Понял?

Он говорил это в экран женщине-дикторше, а она ему в ответ сообщала, сколько в городе совершено ограблений, сколько разбилось машин, сколько было жалоб в милицию на рэкет.

- А я не верю, что секретку вскрыл чертежник, - громко сказал Майгатов.

Сидящий боком к нему Сюськов опять обратился к дикторше:

- Не портите себе карьеру. Бригаде нужно простенькое преступление.

- А сейф? Вы же сами говорили, что возможна версия с сейфом?

- Я говорил? - наконец-то повернул облитое бледностью, с иезуитскими впалыми щеками, лицо. - Я намекал. А между намеком и версией - большая разница.

- А вдруг здесь не все так просто, - Майгатов сам не мог понять, почему он упрямялся. Пять минут назад, по пути к Сюськову, готов был закрыть расследование, чтобы навеки избавиться от него, а теперь вот готов сцепиться с особистом в схватку и доказать, что тот не прав. Или, может, тот, прежний Майгатов, все-таки находился на верном пути? Не-ет, вскипело что-то внутри, всклокотнуло казацкое, буйное. - Я докажу, что вы неправы. Здесь далеко все не просто. Здесь замешаны...

"Кровавые деньги", - вставила в паузу Майгатову, подбирающему слова, дикторша. - Этот боевик идет в кинотеатре "Победа". А в "России" "Помеченный смертью".

Название было страшным. Хоть и каждый от рождения помечен смертью, но никому не хочется об этом думать. А примерь к себе, да приблизь ко времени... Ведь и за ним охотились, и он был близок к смерти, но не испугался. И что же теперь: трусить перед этим худосочным особистом?

- Я сам доведу расследование...

- Объяснительные чертежников вам принесут, - тихо, но грубо прервал его Сюськов. - Завтра до обеда дознание закроете. А иначе... Иначе я дам ход делу об угрозе использования вами оружия в людном месте...

8

Он мешком упал на койку. Усталость сдавливала тисками голову, но усталость можно было перетерпеть. Гораздо страшнее было бессилие, которое он ощущал в душе. Бессилие перед всем, что он сегодня встретил. Бандита упустил, Сюськова переубедить не смог, в милицейскую сводку все-таки попал. И ничего, ну вот совершенно ничего не получалось. Майгатов почувствовал себя настолько маленьким, настолько ничего не значащим перед тем огромным, серым, страшным, что стеной вставало перед ним, что в эту минуту он бы, наверное, не заставил себя даже шевельнуть рукой. И чем дольше думал он о себе таком, тем все огромней и страшнее становилось все вокруг и тем меньше и меньше он сам.

Сквозняком качнуло штору.

"Химик, что ли, вернулся?" - попытался узнать тихие шаги. Приоткрывшуюся дверь и полкаюты закрывала штора у койки, и он не хотел избавляться от этой шторы, хоть на время спасающей его от огромного, страшного, все увеличивающегося...

- Юра? - спросили голосом Анфимова, и то, что в его воображении химик заговорил голосом командира, вырвало из оцепенения.

Он одновременно рванул вправо штору и сел.

Анфимов. Точно - в каюте стоял Анфимов. Но не тот устало-умиротворенный Анфимов, которого он видел вчера и сегодня, а испуганно-раздраженный.

"Уже доложили", - вспомнил Майгатов об угрозе Сюськова и вскочил, приготовившись к тихому, но такому донимающему анфимовскому нравоучению.

Командир почему-то выглянул в коридор, плотно, до щелчка замка, прикрыл дверь, прошел к иллюминатору, выглянул в него, будто не знал, что от иллюминатора до борта ближайшего тральщика метров сорок дистанции, и, резко обернувшись, оглушил новостью:

- У нас секретку пытались вскрыть...

- Корабельную? - все еще не веря, спросил Майгатов.

- Да. Я же сказал: у нас... Стой! - удержал у двери рванувшегося из каюты Майгатова. - Не дергаться!.. Сядь! - властно указал на стул, подалеже от двери.

Прежнее ощущение бессилия вернулось. Огромная стена и он, маленький-премаленький Майгатов. И еще Анфимов, который, сразу и не поймешь, то ли часть стены, то ли такая же маленькая, пытающаяся помочь ему песчинка. Он безвольно, не чувствуя себя, сел.

- Пойми меня, я не хочу, чтобы Бурьга узнал о нашем ЧП, - взмолился Анфимов.

Да, он тоже - песчинка. Но только не пытающаяся ему, Майгатову, помочь, а так же в

одинокую лежащую перед стеной, которую ей ни пробить, ни перелететь.

- У нас за месяц-полтора, пока тебя не было, своих залетов поднабралось. А у меня как раз с переводом... кажется, получается...

- С переводом? - не понял Майгатов.

- Ухожу я, Юра... В штаб флота, в оперативный отдел, - как-то стыдливо ответил он. Наверное, потому что всегда уход с плавсостава на берег среди моряков считался чем-то схожим на измену.

Хотя Анфимов мог бы и не говорить с такой интонацией. Свое он уже давно отплавал. И даже с лишком.

- Понимаешь, начальником оперативного мой однокашник по училищу стал, кап-раз. Он с севера недавно перевелся. И я, Юра, понимаешь,.. не хочу, чтобы Бурыга имел основания не отпустить меня в штаб. Все-таки однокашник человек новый для Черного флота, и он может дрогнуть, если Бурыга упрется...

Майгатов все понял: должность в оперативном отделе - это обеспеченное звание капитана второго, а, может, попозже - и первого ранга. Это нормированный рабочий день, а не безразмерный, как на корабле, с сутками в двадцать пять часов. Это перспектива роста. Это, может быть, даже "УАЗик", на котором тебя будет возить на службу матрос. Это, наконец, заискивающее лицо, с которым на тебя будет смотреть прежде надменный Бурыга.

- Что нужно делать? - поняв все это, спросил Майгатов.

- Ничего, - молниеносно выстрелил ответом Анфимов, будто ждал этого вопроса больше всего и терпеливее всего.

- Но посмотреть-то хоть можно?

- Конечно-конечно, - суетно, по-стариковски, заторопился Анфимов. Идем, покажу...

Они пришли к секретке, не встретив ни одного матроса. Майгатов шел сзади и по одному затылку Анфимова определил, что тот успокоился, а, наверное, отсутствие моряков по пути успокоило его еще сильнее.

- Построение на причале, - не оборачиваясь, объяснил Анфимов тишину и пустынную коридоров и трапов. - Я попросил Кравчука, чтоб он сегодня произвел осмотр личного состава...

- Какой осмотр? - глядя на взмокшую шею командира, поинтересовался Майгатов.

- А-а, ты не в курсе... Это ввели приказом, пока ты в госпитале лежал. Почти каждый день строим моряков в одних трусах на причале. Сразу синяки видно, ссадины... Это на предмет борьбы с годковщиной...

- И что: избавились от годковщины таким образом?

- Нет, к сожалению, не избавились, - вздохнул Анфимов. - Но зато теперь следы издевательств сразу видны... Ну, вот и пришли...

Он отступил в сторону и ткнул пальцем в круглую накладку замка.

- Видишь. Пытались открыть ключом. Но то ли дубликат был не точен, то ли заело, но этот... ну, грабитель, сломал его. Посмотри...

Да, из узкой щели торчал острый огрызок обломанного ключа. Взгляд подержался за него несколько секунд и тут же скользнул влево, на густую сеть бороздок, оставленных, скорее всего, отверткой. Или стаместкой.

- Это он явно потом хотел взломать, - продолжал работать гидом Анфимов. - Вон - даже металл отогнул. Вполне мог и защелку отодвинуть, но тут секретчик из города вернулся...

- Он видел его? - вскинул голову Майгатов и близко до мути увидел грустные, оплетенные морщинками, глаза Анфимова.

- К сожалению, нет. Только шаги услышал. Говорит, что громкие шаги, в ботинках...

Майгатов посмотрел на сандалии командира - мягкие, с кожаной подошвой, в которых можно было ходить неслышно, будто летать над палубой. И все после похода на "Альбатросе" продолжали носить такие же сандалии, как бы трофеями доставшиеся им за муки в Красном море. Пожалуй, только когда офицеры и мичманы сходили на берег, они сменяли их на тяжеловесные ботинки с кирпичами-каблучищами. И теперь этот странный топот ботинок...

- Секретчик не мог ошибиться?

- Вряд ли, - добавив еще морщинок на свое лицо, попытался Анфимов представить на своем месте секретчика - крепкого, здорового по всем показателям, включая слух "шесть на шесть" метров. - Нет, он не мог ошибиться. У него слух отличный. Лучше него никто из моряков в музыке не разбирается.

- Он за ним не побежал?

- А чего бежать? Он сразу и не понял, что произошло. Только когда подранную дверь заметил. Но время-то ушло. Вскрывать он не стал. Доложил мне - и все.

Майгатов помолчал, изучая следы, оставленные отверткой, причем явно с одного бока ржавой: в некоторых бороздках на дне красно-коричневыми нитками лежали следы ржавчины.

- Его я тоже попросил, что это,.. - по-своему понял молчание Майгатова Анфимов, - ну, чтоб помалкивал о ЧП...

- Прямо эпидемия какая-то, - под нос проговорил Майгатов.

- Эпи... чего?

- Я говорю: эпидемия секреток. Решили, что ли, все подряд вскрыть? То наверху, дивизионную, теперь у нас... А это - что? - показал в угол.

Там белым комочком снега лежал ватный тампон. С ноготь размером.

- Может, случайно сюда попал, - с корточек высказал версию Анфимов. Мало ли... А, может, секретчика...

Кашлем обозначил себя кто-то за спиной Майгатова. Анфимов ужаленно вскочил, и тут же испуг схлынул с его лица.

- А-а, это ты, - успокоил его вид матроса-секретчика.

- Твой? - показал Майгатов на тампон.

- Да что я - баба, что ли? Чтоб вату...

- Открыть сможешь? - показал на замок Анфимов, с тревогой вслушиваясь в оживший, наполняющийся гулом голосов и лязгом дверей и люков "Альбатрос".

- Попробую. Я у трюмных плоскогубцы взял, - выудил он из карманов брюк и тут же начал прицеливаться к острому, торчащему из щели зубчику. О-о, держит, - с удовольствием заметил, что все-таки есть захват.

Под негромкие щелчки обломок вышел из щели.

- Тихо, не бросай! - упредил секретчика Майгатов и, достав из кармана платок, поднес его на ладони под ключ. - Все. Разжимай.

Обломок упал на белую подушку. На ней он смотрелся как антикварная ценность в музее. Впрочем, ценность у него действительно была немалая. Любитель секреток оставил первый серьезный след.

Секретчик достал свой ключ, подержал на весу рядом с огрызком. Удовлетворенно крикнул и сделал вывод:

- Один зубчик заporоли. Всего один...

- Хорошая улика! - завернул Майгатов обломок. Увидев все так же лежащий в уголке ватный тампон, нагнулся к нему, подвел под него краешек платка и быстрым движением завернул уже две улики и спрятал их в карман брюк.

- Юра, я тебя прошу, - опять напомнил о своем Анфимов.

Майгатов ответил кивком и скосил глаза на секретчика. Тот стушевался и, громко сглотнув, все-таки пообещал:

- Я буду молчать.

- Открой, - попросил Майгатов. Я осмотрю.

Замок, ощутив в своем стальном теле родной ключ, а не какого-то чужака, радостно щелкнул.

Майгатов хотел зайти в секретку, но матрос стоял, как шкаф, непоколебимо. Теперь вместо двери перед офицером была спина секретчика. Негодование чуть не заставило Майгатова нагрубить, но взгляд, упавший с затылка матроса на табличку на двери, охладил его. Фамилии помощника командира в списке допущенных в секретку, не было. Документ получить он мог, но только через окошко, а шагнуть за дверь - нет. Лишь Анфимов да замполит Кравчук, успевший за время существования инструкции превратиться в помповоспа, а теперь вот - всего лишь в помощника по работе с личным составом.

- Пропусти, - приказал Анфимов. - Под мою ответственность...

Секретчик шагнул в сторону с таким видом, словно присутствовал при ограблении собственной квартиры.

А Майгатов и входить-то не стал. Одного спокойного, скользящего с предмета на предмет взгляда было достаточно, чтобы понять: грабитель сюда не попал.

- Все на месте? - на всякий случай спросил он.

- Ага, - счастливо ответил секретчик, хотя счастлив он был, скорее всего, не от того, что ничего не украли, а от того, что Майгатов все-таки не вошел в комнату.

- А что у тебя в сейфе?

Секретчик вопросительно посмотрел на Анфимова и, удовлетворившись молчанием, отмолотил речитативом:

- Формуляр "Альбатроса", штаты, вахтенный и навигационный журналы, документы по...

- Журналы, - что-то из прошлого кольнуло Майгатова.

- Да. Вахтенный и навигационный.

- А мы их не сдали после похода? - обернулся к Анфимову.

- Понимаешь, Юр, - смутился Анфимов. - Если строго по инструкции, то сдавать их нужно в дивизионную секретку сразу, как они до конца, до последней страницы заполнены. Но никто их по одному не сдает. В конце года сразу все, скопом...

В своей короткой карьере помощника командира Майгатов с подобным ритуалом еще не сталкивался, хотя до этого во многих случаях убеждался, что здравый смысл часто бывает лучше тупого исполнения приказа.

- Посмотри, - попросил он моряка. - Из твоих личных вещей ничего не пропало?

- Я же сказал: нет, - удивился матрос.

Наверное, в его предыдущий ответ о том же по большей части входила как раз забота о личном, а не о корабельном.

Инцидент был исчерпан. Анфимов поспешил на причал, по делам ремонта, который уже, кажется, становился вечным на "Альбатросе", а Майгатов в задумчивости ушел в свою каюту.

К счастью, сосед-химик отсутствовал. Можно хоть немного побыть наедине со своими мыслями.

Он достал платок из кармана, положил на плексиглас стола и, отвернув уголки ткани, открыл взгляду обломок ключа и тампон. Вата ничего интересного из себя не представляла. Так, белый клочок с уже набившимися между ворсинок пылинками. Впрочем, были и белые пылинки. Майгатов подвинул ближе настольную лампу, щелкнул тумблером. Глаза смотрели и не могли поверить в удачу: пудра. На краю тампона белела женская пудра.

Рука сама выключила лампу. То ли резкий свет лампочки-сотки надоел, то ли при обычном освещении легче думалось...

Пудра - корабль - мужики. Откуда на "Альбатросе" дамы? Может, Татьяна заходила?

А ключ? Пальцы опять услужливо щелкнули тумблером. Ключ как ключ. Зубчики обточены аккуратно. Пройтись по пунктам "Металлоремонта"? Но такую работу вполне могли сделать и на любой плавмастерской Севастополя, и в любом цехе металлообработки. Откуда только он взял слепок? И тут Майгатова подбросило.

Вскочил с койки, пробежался к иллюминатору, жадно хватанул пахнувшего йодом воздуха. Странные бывают ассоциации. Он подумал "слепок", а в голове повторно, искаженным эхом отозвалось "слеп". И он вдруг понял, что действительно слеп. Как он не мог понять простого: охотятся за вахтенным журналом "Альбатроса". Лишь его одного не доставало в отделении сейфа, с которого была сорвана пломба. Тот, кто его ищет, знал инструкции, но не знал о здравом смысле Анфимова. Значит, этот человек либо вообще не с флота, либо не знал о неисполнительности Анфимова.

Но - слепки? Нет, этот человек - из их экипажа. Чужой не мог сделать слепок.

Он не помнил, как ноги вынесли его на ют.

Разморенный на солнце Перепаденко, вахтенный старшина, при его виде попытался придать лицу бодрый вид, но Майгатов даже не обратил на это внимания. Мир для него сузился до размера пластиковой доски, на которой отмечались плюсиками находящиеся на борту офицеры и мичманы. У тех же, кого не было, резинка отбирала эти плюсы. Находящихся на "Альбатросе" оказалось очень мало. Из офицеров на борту - Кравчук, Клепинин и, конечно, Майгатов. Из мичманов - два новеньких моториста.

- А в течении часа-двух сходил-заходил кто-нибудь на борт? - спросил Перепаденко.

- А як жэ, - с удовольствием ответил тот. - Командыр зийшов...

- Это я знаю. А из офицеров, мичманов?

- З ахвицэриў?.. Ось вы прыйшлы та щэ той... химик туды-сюды разив сто бигав. З якоюсь отвэрткою...

- С чем?! - выпятил глаза Майгатов.

- З отвэрткою...

Оставив на юте Перепаденко, вернулся к своей каюте, постоял у двери в задумчивости и вдруг решительно шагнул влево, к Анфимову. Того в своей каюте не было, но на столе, под плексигласом, лежало то, что Майгатов мог взять и без него. Точнее, не взять, а запомнить: график схода офицеров и мичманов на берег, домой.

Взглядом он нашел четырнадцатое число и быстро скользнул вниз по красным (сход) и белым (несход) квадратикам напротив фамилий офицеров и мичманов. Получалось так, что в ночь ограбления дивизионной секретки на "Альбатросе" остались спать Анфимов, Кравчук, три мичмана... нет, тех двоих, что ковырялись сейчас в трюмах вместе с Клепининым, не было, и приписанный в списке снизу, как новый в экипаже,.. Силин.

9

Почему люди едят несколько раз в день? И много-много пьют? Нет, чтоб как у верблюда: набузовался воды на месяц - и никаких проблем.

И почему в первый год службы хочется есть еще чаще, чем обычно? Словно внутри тебя заводится некто, и все клянчит и клянчит еду.

Если бы не этот некто, сосущий желудок вечной пиявкой, он бы никогда не попал в неприятную историю. Он бы перетерпел, не поддался на искуc.

- Дневальный?!

И вот еще: почему сильнее всего хочется есть ночью? Может, этот некто ведет ночной образ жизни?

- Дневальный?!

Кричат, что ли? Не услышал сквозь туман в башке, не услышал, но что-то ответить надо. Голос-то - офицерский.

- Так точно!

- Что: так точно? Я спрашиваю: ты - дневальный по кубрику?

- Я, - выставил из тени на свет бок со штык-ножом.

- А фамилия твоя?

- Матрос Голодный, - ответил нехотя, понимая, что ничего хорошего на флоте после выяснения фамилий не бывает.

- Все правильно. Тебя в секретку дивизиона вызывают.

Голодный еще чуть-чуть подался к свету и, наконец-то, увидел, что над люком в кубрик стоит лейтенант - дежурный по дивизиону "Альбатросов".

- Но я же - дневальный, - вяло посопротивлялся.

- Это - приказ. Буди сменщика. Пусть он заступит.

- Он только что сменился...

- Ничего. Еще постоит, чтоб служба раем не казалась...

Лейтенант был неумолим. Он не меньше матроса-первогодка боялся всего вокруг, но умел прятать свой страх за излишне уверенный вид и десяток флотских фраз, звучащих в его устах как-то смешно. Сейчас он боялся, что на него наорут за затяжку с выполнением приказа, и готов был сам бежать вверх к секретке вместо матроса, лишь бы никто потом не наказал.

- Ну, быстрее... Чего ты возишься?

- Все, уже отдаю штык-нож, - сунул его вместе с повязкой сонному, ничего не понимающему сменщику.

- Давай-давай. А то я тебя уже десять минут ищу...

Наверное, на плаху Голодный шел бы быстрее. Ноги стали тряпошными, вялыми. На какое-то время он успокоил себя тем, что вызывают его, может, и не за тем, о чем он думал, и ноги ожили, подтвердили, но слишком короткой была радость. Вспомнились холодные глаза того капитан-лейтенанта, что вызывал его еще утром.

- Пил ночью? - зло спросил он, зачем-то показывая ему бумажку с треугольной печатью.

- Пил, - ответил за него испуг. И тот же испуг заставил отказаться от предыдущего ответа. - Нет, не пил... В смысле, водки или вина...

- Сам знаю, - безразлично ответил капитан-лейтенант. - Я еще и не это знаю... Тебя чертежник напоил?

- Как-кой? - кажется, испугался он еще сильнее, хотя сильнее уже вроде и некуда было.

- Длинный. Старшина.

- Я не помню. Меня по голове...

- А чего ж тогда повязку снял?

- Врач... это... сказал, что и без этого заживет...

- Ты знаешь, где находишься?

- Никак нет, - сухими губами еле ответил он, посмотрев почему-то лишь на телевизор. Может,

потому, что на их корабле телевизор уже полгода не работал, и тот человек, у которого был работающий телевизор в кабинете, казался Голодному начальником невероятного масштаба.

- В особом отделе.

Капитан-лейтенант холодно помолчал, как бы ожидая той минуты, когда испуг пронизает наконец матроса от корней волос до пяток, но он не знал, что тот испуг, который поселился в душе матроса с первого дня службы, уже нельзя было сделать сильнее.

- У меня на тебя есть неплохое досье. Ведь это ты крал из провизионки сахар?

- Я... не я... я три куска... и не в провиз... провиз-зионке, а за утренним чаем... я...

- А в самоволку сбежать пытался?

- Да я...

- А в письме, помнишь, что ты о своем старшине писал?

Капитан-лейтенант не говорил, а гвозди вбивал. И все это как-то тихо, болезненно, точно вот сейчас договорит и упадет без сознания.

- Да я...

- Иди подумай. Вечером вызову. Расскажешь все как на духу. Чистосердечное признание, сам знаешь, что дает...

После такого разговора он считал за счастье стоять дневальным. В этом бесцельном, по его прежним понятиям, стоянии было теперь нечто сладостное, упоительное. И чем дольше он стоял, тем сильнее верил, что капитан-лейтенант забудет о нем, что никто его никуда не вызовет, и, обрадовавшись этим мыслям, он готов был стоять целую вечность.

Не забыл - вызвал.

Вот уже и секретка. Желтый домик под серым шифером, густо усеянным медными листиками акации. Зеленые рамы маленьких окон. Зеленый занавес над входом. Красные, как кровь полы. Распахнутая стальная дверь в секретку. Капитан-лейтенант, сидящий ко входу спиной.

Ноги сделали еще шаг и онемели. Что-то больно надавило на виски. Взгляд упал на ботинки капитан-лейтенанта и, словно именно ботинкам ему было легче всего излить душу, Голодный зататорил:

- Виноват я, та-ащ кап-линант. Не хотел я, та-ащ кап-линант. Очень есть хотелось... Ну, давно вечерний чай прошел... И уже три ноль семь ночи, а тут мужик этот постучал... Ну, испугался я, а потом гляжу: пьяный он... Говорит: служивый, дай прикурить. А я не курю... Я вообще никогда... А он мне: выпей, говорит, у меня сын, говорит, родился... А я не пью... Я ему... А он сам выпил из бутылки и говорит: рубани хоть колбаски моей... Я, говорит, знаю, как вас кормят... Рядом же, говорит, работаю, на пээмке... Я на той пээмке, то есть на плавмастерской как-то был... Там все работяги пьют... Я тут поверил ему, вышел... Он опять про водку, я не стал. Он тогда колбасы отрезал, хлеба дал, а потом это... у него в сумке вода была... Бутылка такая пластиковая. "Швепс" написано. Я такой отродясь не пил. Вку-усная, только с горчинкой... Я и выпил... Он еще со мной немного постоял и ушел... А потом... потом... заснул я... И это... когда того... проснулся, то все было в секретке настезь... Я испугался и это... сам затылком до крови, чтоб похоже было... как сзади меня...

Он всхлипнул. Ботинок помутнел, превратился в черное пятно на красном фоне пола.

Голодный поднял взгляд на лицо офицера. Это было тем легче, что сквозь слезы он видел его таким же мутным светлым пятном. И тут вздрогнул. На пятне была черная полоска. Он смахнул указательным пальцем правой руки слезы и со смешанным чувством досады и удивления вдруг понял, что перед ним - дознаватель.

- Это - честно? - подойдя к матросу вплотную, спросил тот.

А у Голодного уже не было сил отвечать.

Майгатов обернулся к замершей в углу секретки Татьяне.

- Ну вот. А ты говорила: это чертежники его по голове ударили. Не надо жить чужим умом. Я имею в виду ум Сюськова...

- Он же это... заснул. Вполне могли и чертежники зайти.

- Так не бывает. Тот, кто опоил, тот и должен был ограбить. Какой он из себя? - спросил уже у матроса.

Тот шмыгнул носом, помолчал, вслушиваясь в свои воспоминания, и ответил, кажется, все, что знал:

- Среднего роста, белобрысый... И все. Там, у порога, темно было... Да я и не думал, что запоминать его придется...

Глава вторая

1

- Идешь по следу, Шерлок Холмс? - спросила пустая каюта.

Майгатов молча прошел к стулу, крутнул его так, что потертая зеленая спинка оказалась под иллюминатором, и тяжело сел.

Звякнули кольца, удерживающие шторку. С верхней полки свесилась бурая, уже с "выхлопом", голова.

- Ни хрена никого ты не найдешь, - пообещала она. - Вот пока за приезд бутыль не выкатишь, ни хрена не найдешь. Примета такая. По сухому ни одно дело не скользит...

Майгатов, глядя на свои запыленные, поседевшие ботинки, достал из кармана пачку купонов, густо усеянных нулями.

- Тридцать тыщ хватит?

Мелькнули ноги в дырявых носках. От грохота прыжка вниз, в трюмах, наверное, плафон оторвался.

- Двадцати достаточно, - быстрыми, нервными пальцами вырвал из пачечки две серо-салатных бумажки. - Ну, еще пару тыщ добавлю. До верного, отобрал еще два сиреневых купона.

Застегнул болтающийся на худых, костистых плечах китель. Блином бросил на голову фуражку.

- Я - в темпе вальса. А это,.. - помялся у двери.

- Да бери ты все. На них и закусь купишь, - толкнул оставшиеся бумажки по льду плексигласа.

- Чтоб я так жил! - пересчитал Силин добычу. - Это ж заказ в ресторане "Дельфин"! Ну-ну-ну! - поймал ироничный взгляд Майгатова. - На "Дельфин", конечно, не тянет, но все же...

Китель колоколом качнулся на нем. Как будто беззвучно звонил о гибнущем человеке.

С хряском закрылась дверь.

Неужели - Силин? Майгатов смотрел на дверь, словно сквозь нее пытался разглядеть ушедшего химика. Мог он вскрыть секретку или не мог?

В принципе, теперь было ясно, что настоящий интерес к вахтенному журналу вовсе не у того, кто вломился в секретку, а у того, кто его туда направил. Но кому нужна эта, в сущности, канцелярская книга с монотонными ежедневными записями, кто сдал вахту и кто принял, что произошло на корабле и что не произошло, с данными погоды и координатами... Стоп!

Майгатов вскочил. Больше всего ему захотелось сейчас поделиться открытием с кем-нибудь. Вот просто взять и рассказать. И даже если бы собеседник промолчал, он бы все равно воспринял это как похвалу. Но в том-то и дело, что говорить пока нельзя было.

Несколько секунд назад он открыл главное. Тому, кто охотился за вахтенным журналом, нужен был не сам журнал, а координаты затопленной "Ирши".

Но для чего? Решили поднять судно как металлолом? Нет, не то... Пирсон... О чем спрашивал его тогда Пирсон, этот псевдожурналистический рис. Перегрузили ли они рис на "Альбатрос"? Все верно. И мешки на юте они приняли за те, что с "Ирши". Охотились они... Точно - за наркотиками. Ведь те упакованы внутрь мешков с рисом. Упаковали, наверное, неплохо. Значит...

Значит, они решили поднять груз со дна. А что тут такого? Лежит, как в сейфе. Больше половины пути уже позади. Поднял - и ты опять миллионер. Или - еще больше миллионер.

Выходит, он не ошибся. Пирсон и Зубарев - одно и то же лицо. Так, может, он сам и вскрыл секретку?.. Нет, слишком просто. Новый человек очень заметен на территории части. Тем более никто чужой не проходил на "Альбатрос" в те часы, когда кто-то ковырял дверь корабельной секретки. Значит, свой. Значит, либо Силин, либо Кравчук. Но уж точно не чертежники. Из матросов пытаются сделать козлов отпущения. И сделают, если он, Майгатов, не найдет человека Зубарева. Только от него может потянуться нить дальше. Ух, даже не нить, а толстенный швартовый канат!

Итак, подведем итоги. Двое подозреваемых. Улик тоже две: обломок ключа и тампон. Вата, как вещь для изысканно-изнеженных, как-то слабо подходила к облику Силина. А вот ключ... И еще - отвертка. Перепаденко что-то говорил об отвертке...

Майгатов подошел к левому отделению стола, к ящикам, принадлежащим Силину. В жизни ему еще не было так стыдно. Даже стыднее, чем в тот день, в детстве, когда соседские пацаны украли у него одежду на берегу реки, и ему пришлось бежать домой по кустам бесконечных новочеркасских спусков, зажимая ладошками самое стыдное из всего. Открыть, посмотреть? Руку не пускало к ящикам. Вот не пускало - и все.

Он с облегчением отошел к койкам. Странно, по фильмам ему всегда казалась интересной работа детектива, и он никогда не думал, что в этом копании в чужом так много неприятного, что нужно стать холодным, безразличным к этому, чтобы хорошо делать дело следователя. Наверное, хирург вот так же точно должен не сострадать оперируемому больному, а резать по нему скальпелем как по неживому предмету. Неужели настолько все притупляется?

Переборов себя, приподнял подушку Силина. Вскрытая пачка дешевой "Примы", грязная, без

обложки, записная книжка, скомканный платок. Опустил подушку на место и резко обернулся к дальнему углу. Оттуда как будто глаза грызли ему затылок. Нет, пусто в углу, если не считать мелькнувшего вниз, под стол, таракана. Или это он, Майгатов, смотрит на себя самого из угла?

Опять шагнул к ящикам. И опять заняло под сердцем. Поймал себя на мысли, что Сюськов уж точно бы открыл ящик. И от того, что Сюськов бы это все-таки сделал, желание не касаться ящика стало еще сильнее.

- Заказ от вас?! - под грохот двери ввалился в каюту Силин. - Заказ прибыл! С перевыполнением сообразительств!

От его груди, из разжатых объятий, сыпанули на стол свертки, сверточки, свертулечки, ни во что не упакованная буханка хлеба, красные мячики помидор, две кисти темно-фиолетового винограда, а рядом с этой горой часовым встала бутылка водки, еще секунду до этого оттопыривавшая карман брюк Силина.

- У тебя нож есть? - суетился над разворачиваемыми свертками он. А-а, ладно, у меня - свой, - он дернул на себя верхний ящик стола, и Майгатов не удержался, чтобы не посмотреть на то, что доставило ему столько моральных мучений.

Такого бедлама он не видел в жизни. Мотки проволоки, шайбы, винты, пустые пробки от водки и шампанского, ржавые гнутые гвозди, флотские пуговицы всех калибров с якорями, погоны со звездами и без, какие-то таблетки, пузырьки, несколько шприцов со сломанными иглками. Как среди этой свалки Силин за секунду нашел нож, Майгатов даже и не понял. Просто сунул руку, хрустнул чем-то металлическим, а, может, даже и стеклянным и тут же показал лежащий на ладони самодельный, с наборной пластиковой ручкой, нож.

- Гроза бандитов и шпионов! И разводящий к закусону!

Нож порезал колбасу с такой скоростью, что, наверное, даже нагрелся. Не вытирая его о бумагу, Силин начал полосовать белый, плохо выдержанный сыр. Потом тем же ножом вскрыл две банки кильки в томате, две банки минтая и одинокую, как главный приз, банку шпрот. Вспомнил про шпик, и, когда резал, каждая отваливаемая долька сала лаково блестела в нежной смеси томата и оливкового масла. Хорошо хоть перед хлебом додумался вытереть лезвие об оберточную бумагу.

- Посмотрим, где родили "белого змия", - приподнял бутылку и громко прочел на этикетке: - "Водка "Русская". "Азовский ВЗ". А на пробке? О "Белогорский ВЗ". От ты, помоха, следовательно... Так объясни мне, к кому будем предъявлять требования, ежели помрем, а?..

Майгатов безразлично посмотрел на бутылку. В эти минуты ему уже хотелось посмотреть, что лежит во втором и третьем ящиках. Хотелось, может быть, потому, что Силин и сам мог ненароком это показать.

Но тот достал стаканы из шкафчика над умывальником, дунул в них по очереди, будто там и вправду могла скопиться пыль, и налил точно по полстакана.

- Видишь пузыри, - показал на свой. - Вот если последний лопнет на сороковой секунде, значит, точно сорок градусов. А если...

Пузыри не стали так долго ждать и почти одновременно исчезли.

- От гады! Опять из нефти гонят!

- А что: на Украине нефти много? - съязвил Майгатов.

- Да ни хрена нету! Наверно, потому, что они ее всю на водку пустили... Ну-у, за твой приезд, помоха, - и влил в распахнутый рот разом, без глотков.

Майгатова покорежило от этого панибратского "помохи". Никто, даже Анфимов, не приуменьшали до такого название его должности - помощник командира. Но что-то было в Силине такое, что не удерживало долго злость на него. Наверное, в сущности, был он добряком, эдаким безвольным добряком самым распространенным типом среди пьяниц.

Первый же глоток бензиновым духом ударил в нос. Майгатов не пил с весны, и то, что за полгода, так быстро, научились гнать настолько жуткую водку, удивило его.

- Точно - из нефти, - брезгливо поставил он почти нетронутый стакан на стол.

- Ну, ты это,.. - чавкая салом, удивился Силин. - Пряма, как баба. Не нравится - иди "Смирновскую" купи. Только того, что ты дал, на нее б не хватило. И без жрачки бы остались...

- Мне все равно пока пить нельзя.

- Да не верь ты врачам. Они сами ее, заразу, хлещут за милую душу... Вот ты думаешь, помоха, почему я пью? Конечно, служба не получилась, на капитане застопорился, конечно, жена бросила, конечно, "угла" своего нет. Но я к этому уже привык. Я потому, помоха, пью, что веры нет. Ни во что! Раньше хоть в коммунизм верили, - надавил он на "коммунизм". - А теперь во что? В деньги?

"Боже мой, - подумал Майгатов. - Любой разговор сейчас заканчивается политикой. А уж пьянка..."

Силин налил себе сам, чокнулся со стоящим стаканом Майгатова и вбросил в глотку очередной пахнувшей нефтью комок (а переворачивал он стакан действительно так быстро, что водка не лилась, а комком падала вниз).

- Я, помоха,.. ух, дерет, ведьма,.. от тебя заметно отличаюсь... Я ж все-таки химик. Я все, что вокруг вижу, так, как ты, не воспринимаю. От тебе водка в голову ударила и ты просто балдеешь. А я, помоха, знаю, что в данный момент в моем организме этанол, проникший по крови в головной мозг, повлиял на разность потенциалов на мембране нервной клетки. Туда рванули хлоридные ионы. Усек?

Майгатов удивленно посмотрел на пальцы Силина, которые, макнув сало в смесь томатной пасты и хвостов кильки, отправил эту странную смесь в рот.

- От ты, помоха, здорово загорел. Все-таки на юге Аравии был. А, знаешь, почему ты стал коричневым?.. А потому, что в твоей коже, под влиянием света произошла реакция Майяра: углеводы соединились с аминокислотами. Клетки, образующие меланин, стали более активными, и сделали коричневыми глубокие слои кожного покрова. А через сутки поток этих клеток достиг и поверхности. Так что ты сначала загорел, а загар появился на второй день...

Майгатову стало скучно рядом с химиком, который оказался таким умным.

- Ну и что? - раздраженно спросил он.

- А то, что я знаю, кто вскрыл секретку, - так спокойно ответил Силин, словно на вопрос о погоде.

- Что? - чуть не поперхнулся безвкусным, как бумага, и таким же серым, как бумага, куском вареной колбасы.

- Ты как на запах диаллилдисульфида реагируешь? Терпимо? А то я его носителя обожаю...

- Ты знаешь?

В длинных пальцах Силина хрустнула головка чеснока. Вылущенный зубок он тут же освободил узким, с черной полосочкой грязи, ногтем от шелухи, и звучно откусил едкую белую мякоть.

- Та штука, что я назвал, выделяется, когда чеснок укусишь или разрежешь. В диаллилдисульфиде есть два атома серы. От они и дают такую вонь. Понял?

- Ты шутишь? - кажется, начал успокаиваться Майгатов. Во всяком случае, зубы опять принялись крошить безвкусную, состоящую, наверно, из одного лишь крахмала, колбасу.

- Про чеснок? - вытянул удивлением и без того длинное лицо Силин. - Да у меня по химии ни в школе, ни в училище ни единой четверки за все время... Только пять, пять, пять. Я же фанатом химии был... Если б не наша бестолковая жизнь, уже б какое-нибудь открытие сделал, Нобелевскую получил. Ну, если не Нобелевскую, то госпремию - точно. Я ж могу в уме любые химические реакции осуществить. Лежу, сплю, а в башке все что-то соединяется, распадается, какие-то новые молекулы рождаются...

- А про секретку?

- Какую секретку? А-а, это я тоже химическим путем допер...

- И что - знаешь? - опять перестала жеваться колбаса.

- Ну-у, не то, чтобы на сто процентов... Но на семьдесят семь и семь десятых уверен...

- Кто же это?

Силин поднял взгляд к потолку, поджал пухлые губы и, неизвестно о чем подумав, сказал все в тот же потолок:

- Не-е, не скажу... А вдруг остальные проценты не подтвердятся...

- Силин, - впервые назвал он его по фамилии и в этом уже звучала официальность, командная холодность, - вы нанесете вред дознанию, если утаите важные сведения. В таком случае...

- Да брось ты, помоха, - наконец-то прекратил он изучать пятна покраски на потолке каюты, откусил половину невымытого помидора и прочавкал, оттопыривая одну щеку: - Пош-шутил я, щчитай... Ради разговора. Шоб ты не скучал...

Пальца Майгатова раздраженно пнули стакан по плексигласу. Из него выплеснулась водка, растеклась по пластику, отливая всеми цветами радуги. Как пленка соляра где-нибудь в бухте после стравливания топлива за борт.

- Да не психуй ты. Когда надо будет, я тебе помогу. Хочешь, анекдот про химика расскажу? Приезжает как-то адмирал с комиссией в дивизию противолодочников. Встречает его оперативный дежурный, ну такой уставший, такой черный, что аж страшно на него смотреть. Адмирала его внешний вид заинтересовал. "Да от дежурства это, - отвечает офицер, - седьмые сутки без смены стою. И почти не сплю." Адмирал - в крик. А комдив в ответ: да у меня все офицеры в море, на боевой службе. "А где этот? - орет адмирал. - Где бездельник ваш? Его и поставьте на смену." "Какой?" - спрашивает офицер. "Ну, этот... флагманский химик." "Так это я и есть." А-а-ха-ха-ха...

Силин смеялся так, будто впервые услышал этот анекдот. Хотя, скорее всего, за него смеялась водка. И, возможно, страх, что он все-таки сболтнул что-то лишнее.

Майгатов нащупал под столом кнопку вызова посыльного, нажал на нее, потом, передумав, сам вышел в коридор. Идущему навстречу ему матросу-рассыльному приказал:

- Принеси мне чай в каюту.

Уходить из коридора не стал. И не только потому, что Силин раздражал его. Болтуны всегда сначала нравятся, а потом начинают раздражать. Не хотелось, чтобы рассыльный увидел пьянку, и, когда он появился в коридоре со стаканом чая в белом подстаканнике, Майгатов в каюту его не пустил. Забрал из подрагивающей, вытянутой руки рассыльного и отпустил его коротким "Спасибо".

- Не рановато на чай перешел? - встретил его то ли вопросом, то ли подколом Силин.

Майгатов потянул губами парующее коричневое пойло, пахнущее чем угодно, но только не чаем. Почти кипяток.

- Бурьгу так и не дождался? - вроде бы безразлично спросил Силин, но Майгатов опять ощутил удивление от осведомленности химика. - Он всегда такой: назначит встречу, а сам сваливает. Потому как вся служба ему давно до лампочки. Теперь новую игрушку завел - машину. Укатил хрен знает куда. Раньше завтрашнего обеда не появится.

Майгатов с раздражением вспомнил свои полчаса сидения перед кабинетом Бурьги, который так и не явился к назначенному часу. Нужна ему эта секретка! Они уже свою версию с Сюськовым придумали.

- У тебя, помоха, отвертки или там стаместки помощнее нету?

- Отвертки?

За время их бестолкового разговора, а, точнее, монолога химика, Майгатов уже и перестал смотреть на него, как на подозреваемого. В бравадах Силина, в его всезнайстве, даже в его ироничном отношении к нему, Майгатову, как дознавателю и как начальнику, было что-то такое, что не допускало мысли о причастности химика к ограблению. А, может, и не в этом даже дело, а в том, что очень тяжело сидящего рядом с тобой человека сразу признать виноватым. К тому же оснований пока к этому никаких не было. И вот - отвертка...

- Понимаешь, полдня долбил отвертками. Никак не вскрыл. Три штуки сломал. И все равно она, зараза не отогнулась...

- Дверь? - отступил к умывальнику, чтобы получше видеть лицо Силина.

- Какая дверь! Я купон уронил за кабельную трассу. Полдня кожух долбил. Все пытался отогнуть, три отвертки сломал...

- Ты уже говорил про это.

- Ну да! Тебе хорошо, а я теперь весь в долгах. Знаешь, сколько отвертка в хозмаге стоит? - кажется, и вправду обиделся он.

- А где?

- Что - где? А-а, где купон? Вон, - показал в левый от Майгатова угол.

Он обернулся и сразу же увидел ободранную, как изгрызанную каким-то чудовищем

металлическую боковину кожуха. Силин, видно, молотил по ней так, что и борт мог пробить. Это еще благо, что отвертки ломались.

- Сразу видно, что ты химик, а не физик, - съязвил Майгатов.

- А чего? - уже дурным, пьяным голосом спросил Силин.

- Сорвалась бы хоть раз отвертка - точно бы какой-нибудь кабель разодрал. А в нем - триста восемьдесят...

- Е-мое! - невидимой катапульты выкинуло из стула Силина.

Он наклонился над кожухом рядом с Майгатовым и обдал его такой жуткой смесью запахов нефтяной водки, чеснока, дешевых сигарет и лука, от которой мог спасти лишь противогаз. Может, для того, чтобы уберечься от этой химической атаки, Майгатов склонился еще ниже, а потом и вовсе лег грудью на палубу.

- А ты снизу пробовал? - вот почему он все-таки лег.

- Не-а. Он же сверху упал.

- Теперь я вижу, что ты и не математик. Не мог перпендикуляр к палубе прочертить.

- А что? - тоже попытался лечь рядом Силин, но Майгатову это не понравилось.

- Дай твой нож!

Силин нехотя выполнил приказ.

Лезвие по толщине оказалось точно по толщине щели между кожухом и палубой. Вслепую он поводит им и, ощутив легкое, почти не тормозящее ход ножа препятствие, двинул лезвие влево. Из-под кожуха вылезла желто-сиреневая бумажка. Он поддел ее острием, поднял с палубы и разгладил. На купоне легендарная девица Лыбедь, расставив руки, словно прыгунья в воду на трамплине, готовилась обнять стоящие в ряд единицу и два нуля.

- ...твою мать! - не сдержался Силин. - Это ж всего столик! На него и коробку спичек не купишь!

- А это что? - все еще лежа на полу разглядел Майгатов глубоко под столом, у самой переборки, отвертку. - Не ты потерял?

Силин нагнулся, своей длиннющей рукой выгреб ее из-под стола, внимательно изучил острый металлический конец отвертки и пробурчал:

- Ржавая какая-то... У меня такой сегодня в работе не было. А смотри, какая затупленная! Ею как по броне шуровали...

2

Шариковая ручка повисела над фамилией Силина, но ее не зачеркнула, а поставила рядом жирный вопросительный знак. Все-таки ржавая отвертка нашлась именно в его каюте, и в его отказе от нее хоть и сквозила естественность, но отмести эту улику Майгатов все же не мог. Вторым в списке стоял Кравчук. Лентяй, чиновник, бывший "пятнадцатилетний капитан".

Майгатов обернулся от стола на верхнюю койку. Силин, как был в кителе и брюках, так и спал с присвистом и пофыркиваниями. Засаленная штора была задернута, и казалось, что никто там и не спит, а просто шебуршатся и попискивают мыши.

В иллюминатор задувал холодный, явно сломающий почти летнюю погоду октября ветер. У кого-то за переборкой бубнило крымское радио, и Майгатову помимо желания пришлось прослушать новости о том, что флотская прокуратура безуспешно пытается выйти на след военнослужащих Черноморского флота, укравших партию горючего, которого хватило бы на год этому самому флоту, о том, что падает уровень жизни на Украине, а также о том, где кого ограбили, где была перестрелка и о том, что в городе завелись крутые рэкетеры, которых не могут поймать, хотя, скорее всего, никто их и не ловил.

- Команде завтракать! - оборвал комментатора хриплый голос дежурного, и то, что к завтраку звали не в семь, а в восемь ноль-ноль, вновь напомнило: сегодня - воскресенье.

Пустые, вымаканные до металлического блеска банки и комки бумаги Майгатов смел в урну, утрамбовал это все пустой бутылкой и, оглядев посвежевший, чистенький стол, пошел на завтрак.

В кают-компании сидел одинокий Кравчук и ел хлеб с маслом. Ел с такой кислой физиономией, будто ему в жизни не приходилось жевать ничего более отвратительного.

Майгатов всегда относился к замполиту безразлично и заставить себя проявить к нему интерес стоило ему немалого труда.

Он сухо поздоровался, поймав в ответ кивок щекастой головы, и принялся исподлобья изучать давящегося бутербродом Кравчука. За два месяца, как он видел его в последний раз, Кравчук стал еще толще и еще одутловатее. У него с плечей и груди словно оплыло все вниз, на живот и широкие, почти женские, бедра. Ежик волос все так же делал его похожим на городничего из гоголевского "Ревизора", но полубокс, которым он оголил затылок, превратил его в типичного крутого, что тусовались в красных и табачно-зеленых пиджаках перед севастопольскими ресторанами. Наверное, в кителе с новыми, капитана третьего ранга, погонами он бы смотрелся чуть худее и чуть солиднее, но в свитере он никакого уважения не внушал. Так, хмурый толстяк неопределенного возраста и непонятно какой профессии.

Судя по свитеру, сразу после завтрака он намеревался сойти домой, на свои любимые "семьсот шагов с небольшим" до дома, и Майгатов, не думая, что он сегодня хоть что-то узнает о нем, на всякий случай решил разговорить Кравчука.

- Слышал, звание дали... Поздравляю.

Тот все-таки молча кивнул, жуя хлеб с упорством коровы.

- И Клепинину?

Второй кивок.

- А командиру что же - ничего?

Щеки Кравчука чуть опали. Он натужно глотнул глинистый комок, запил его холодным чаем и наконец подал голос:

- Надо с начальством душа в душу жить. А он поцапался из-за тебя. Потом эта яхта дурацкая, за которой он по ошибке гонялся. Хорошо еще, что с должности не сняли. А ты - про награды...

Он повернул лицо в фас, и Майгатова что-то смутило в этом привычно одутловатом, похожем на грушу, лице. Но Кравчук, как назло, опять склонился над чаем, и в профиле уже не было ничего необычного. Он пил чуть подкрашенную чем-то коричневым воду, которую никто бы на земле не назвал чаем, а толстый мизинец руки, держащей подстаканник, дрожал, точно к нему подключили ток.

- Спасибо, - привычной фразой закончил он завтрак, и Майгатов вдруг почувствовал неодолимое желание опередить Кравчука на выходе, чтобы в упор посмотреть на его лицо.

Наверное, это стремление было не без наглости, и он вновь ощутил жжение в душе, как перед ящиками Силина, но Силин был здесь, на корабле, ящики тоже никуда не убежали, а Кравчук вот-вот должен сойти на выходной.

Под удивленным взглядом гарсона, который только и успел поставить перед Майгатовым тарелку с парящей перловкой, он вскочил, обогнул стол и все-таки опередил кряхтящего Кравчука, который еле вынес в проход свой плотный, тянущий свитер, живот. Обернулся и наткнулся на хмурый, злой взгляд серых, с поволокой, глаз. Но не в глазах было дело, и не в щеках, еще сильнее устремившихся в стороны, будто они хотели убежать с лица, а в левом подглазье. На нем из-под плотного слоя пудры проступал синяк. Мощный, размером в застойный металлический рубль, синяк.

Он еле удержался, чтобы не спросить о нем. Хотя вряд ли Кравчук стал бы отвечать на подобные вопросы. "Ударился", - ответил бы он так, как любой побитый годком матрос-салага отвечает на удивление офицера. Ударился - и все. На "Альбатросе", конечно, Кравчука двинуть в глаз не мог никто, но все же...

Громко захлопнулась дверь его каюты, и этот хлопок, так похожий на удар боксерского гонга, позвал Майгатова: за Кравчуком нужно проследить. На вате, потерянной грабителем у секретки, был густой слой пудры. Такой же белой, как на синяке Кравчука.

Наверное, быстрее, чем требуется по нормативу боевой тревоги, Майгатов переоделся в "гражданку": серый свитер, синие "вареные" джинсы, белые кроссовки из кожзаменителя. Сел на стул и затих. Любой звук, кроме того, которого он ждал, нервировал. Хотелось мысленно попросить, чтобы не орала чайка за иллюминатором, не выл буксир на рейде, не лязгали по металлу где-то в трюмах. Слух вытягивал Майгатова из каюты, хотя тот монументом сидел на стуле, слух жадно ждал лишь одного звука, чтобы досыта им наестся.

Щелчок, еще щелчок. Все - Кравчук пошел в корму, к берегу. Слух стал ненужен, как ветеран, ушедший на пенсию. И сразу исчезли, пропали все жившие до этого вокруг звуки. Майгатов пошел по пути Кравчука.

Хуже всего, если бы он действительно направлялся домой. И когда Кравчук прошел мимо своей пятиэтажки с безразличным видом не живущего здесь человека, Майгатов даже обрадовался. Он вел его на дистанции тридцати-сорока метров и умолял того не оборачиваться. Кравчук, сам того не зная, эту просьбу выполнял.

У сквера он сел на троллейбус шестого маршрута, и Майгатову пришлось выполнить в кустах чуть ли не противоторпедный маневр, чтобы успеть в заднюю дверь отходящего троллейбуса. Белобрысый ежик маячил на переднем сидении. Кравчук, к счастью, так и не оборачивался. Он сидел, да и шел до этого вверх, к остановке, с таким убитым видом, что Майгатов чувствовал это даже со спины.

Тяжело, нехотя сошел на улице адмирала Октябрьского, поднялся к Большой Морской и долго стоял у входа на междугородный переговорочный пункт. Вспомнилось, что именно здесь Майгатов встретил Пирсона-Зубарева. И то, что ленивый, ничего просто так не делающий Кравчук пересек полгорода и теперь часовым стоял у массивной двери пункта, делало его пузатую, купеческую фигуру еще более неприятной.

Майгатов сделал усилие над собой и заставил относиться к Кравчуку безразлично. Вот есть человек, и за ним нужно следить. И в протокол лягут только факты, а эмоции останутся за скобками.

На воскресных улицах Севастополя было мало машин. Но виноват здесь не выходной. В город уже месяц не подвозили бензин, остатками заправляли только инвалидки. Впрочем, судя по тому, что по Большой Морской ездили в основном иномарки и "жигули" без всяких знаков причастности к инвалидам, бензин выдавался не только безногим и увечным. А, может, им и не доставался вовсе.

Блекло-зеленый "Мерседес" явно десятилетней выдержки остановился на противоположной междугородке стороне улицы, погазовал несколько секунд на месте и вяло, нехотя поехал дальше.

Стояние Кравчука стало надоедать. Да и само слежение, больше похожее на бездельничанье, не нравилось Майгатову. И он искренне обрадовался, когда Кравчук сонно поплелся вверх по улице к площади Ушакова.

Там он посидел на лавочке с таким видом, будто только что пробежал марафон, а потом встал и начал ходить вокруг коммерческих киосков, рассматривая их витрины, заставленные бутылками массандровских вин, водкой всех мыслимых и немыслимых марок, синими банками турецкого пива, сигаретами, жвачкой, "Марсами", "Сникерсами" и прочими атрибутами нового времени. Это хождение было похоже на работу испорченного телевизора, когда "картинка" то пропадает, то снова появляется. Так и Кравчук то исчезал из вида, то медленно выбредал из-за желто-зеленого бока очередного киоска с лицом экскурсанта, не по своей воле попавшего в музей.

Это мелькание получалось довольно ритмичным, и, когда отсутствие "картинки" продлилось чуть дольше привычного, Майгатов вышел из кафе, сквозь окна которого наблюдал за Кравчуком, и начал изображать из себя киномана, жадно читающего витрину кинотеатра с уже немодным названием "Дружба". Но и отсюда "объект" был не виден. Пойти прямо к киоскам? А кто даст гарантии, что он не столкнется там лоб в лоб с Кравчуком?

"Мерседес". Сквозь узкую щель между киосками он заметил блекло-зеленый бок, и в том, что он увидел его уже дважды, было что-то подозрительное. Кравчук на время перестал существовать для него. Вдруг захотелось увидеть не заднюю дверь машины, а всю ее. Он прошел от кинотеатра к гостинице и из-за отплывших в сторону киосков увидел и машину, и Кравчука.

Тот сгорбленно стоял перед двумя парнями в черных кожаных куртках и что-то быстро-быстро говорил. Один из парней лузгал семечки и демонстративно далеко сплевывал шелуху на шоссе. Второй изредка перебивал Кравчука, и от каждого его слова тот съеживался, становился меньше и худее. В "мерсе" явно сидел третий, но сквозь стекла, отражающие солнечные лучи, невозможно было разглядеть его лицо. И от того, что это казалось невозможно, Майгатову почему-то сильнее всего представилась белобрысая физиономия Пирсона-Зубарева за рулем. Он уже готов был побежать к машине, чтобы вытащить его оттуда и все-таки выяснить, Пирсон он или Зубарев, но тут парень, лузгавший семечки, швырнул их в лицо Кравчуку, с размаху ударил ногой в живот, и оба чернокурточника, словно по команде, подхватив обмякшего, превратившегося в серый, безжизненный шар Кравчука, потащили его к "Мерседесу".

Наверное, если бы Майгатов был готов к такому повороту событий, он бы успел добежать и хотя бы начать драку с парнями, но неожиданность происходящего на несколько секунд парализовала его. Он много раз видел такие сцены в кино, но когда это случилось в двадцати метрах от него, среди бела дня, под яркими лучами солнца и рядом с сидящими на лавочках людьми, а вокруг не было ничего, что бы еще хоть на йоту увеличивало нереальность, необычность события, он просто онемел.

Кожаные куртки вбили серый шар на заднее сидение. Вызывающе громко хлопнули двери.

"Мерс" тронулся тихо, точно катафалк, и в том, что он поехал медленно, спокойно, а не взвизгнул шинами, чтобы сходу набрать двести в час, как это показывали в кино, была наглость. И даже наглость к нему, Майгатову, о существовании которого трое парней, конечно, и не догадывались.

Он мог не понять сцены, но он не мог простить этой наглости, и, когда "мерс" развернулся вокруг клумбы и все с такой же черепашьей скоростью поехал в сторону центра по улице Ленина, Майгатов перебежал площадь, распахнул дверь стоящих у обочины красных "жигулей", упал на сидение рядом с водителем и прохрипел:

- Гони за "мерсом"...

Шофер, квадратный мужик с квадратным лицом и квадратными кулаками на баранке, хмуро посмотрел на ввалившегося гостя и прохрипел уже в свою очередь:

- А "бабки" есть? У меня частный извоз...

Майгатов сглотнул и, прогнав этим хрипотцу из голоса, потребовал еще тверже:

- Гони за "мерсом". Я плачу...

От слова "плачу" в квадратной голове мужика, словно в магазинной кассе, что-то щелкнуло, он плотнее вмял в миниатюрное для него сидение свой квадратный зад, крутнул квадратной лапцей ключ зажигания и навеки вылуженной водкой гортанью прохрипел:

- Хоз-зяин - барин. Куда заказ, туда и везу...

- Вот за тем, зеленым, - показал пальцем на уже исчезающий за поворотом "мерс"...

Где-то примерно на уровне лестницы, спускающейся от массивного здания штаба флота к улице Ленина, они догнали беглецов, но мужик вдруг надавил на тормоз всей мощью своего квадратного тела, и "жигуленок" под визг шин замер. Перед ним торчал капот "шестерки", только что вынырнувшей с Минной стенки и пытавшейся вырулить на улицу под носом у их машины.

- Дурак безмозглый! Козел, мать твою! - заорал мужик в окно, и Майгатов с ужасом увидел, что за рулем "шестерки" сидит в новеньком, с иголки, коричневом костюмчике Бурыга с раздувшимся, оплывшим от крови лицом.

Мужик еще что-то орал, а Бурыга уже выбирался со своего места, чтобы переорать его, а, может, и выместить все на Майгатове, и он гаркнул в ухо мужику, гаркнул прямо в густой квадратный пучок черных волос, торчащих из уха:

- Гони за "мерсом"! Я плачу! Гони!

Магическое слово "плачу" опять на что-то там надавило в голове мужика. Он захлопнул рот, помягчел лицом и, будто ничего, ну вот ничего не произошло, спокойно переключил скорость, дал задний ход и, осмотревшись, объехал "шестерку", точно неинтересную для него кучу мусора.

- Майга!.. - только и бросил им вслед Бурыга, с шеи которого красным языком свисал галстук, так не идущий по цвету к костюму.

Он не обернулся на окрик. Будущее после такой встречи с комбригом вряд ли могло быть радужным, но он не хотел об этом думать. Кроме лишних мук это ничего бы не дало. А их уже и без того хватало.

Новых команд мужику давать не надо было. Уже без напоминаний он "вцепился" в багажник "мерса" и вел его на мертвом поводке. "Наверно, из мичманов", - подумал о нем Майгатов. Мичмана всегда казались ему самыми практичными, самыми ноющими и самыми безвольно подчиняющимися людьми на земле. Может, они, конечно, были и другими, но других он в своей жизни почему-то не встречал.

"Мерс" шел в сторону Стрелецкой бухты, шел туда, откуда и Майгатов, и Кравчук приехали, но на площади свернул влево, к Камышам. Узкое шоссе с одинокими троллейбусами то взбиралось на известковые холмы, то ныряло вниз. Машин встречалось так мало, что с "мерса" их вполне могли заметить, но, то ли не привыкли еще в Севастополе к погоням, то ли наплевать было кожаным курткам на них, но только зеленая машина шла с безразличной к преследователям скоростью в шестьдесят-семьдесят километров в час.

В Камышовую бухту они тоже не заехали, а направились дальше, к Казачьей. Уродливые строения, больше похожие на обложенные кирпичом ракеты, чем на дома, густо усеивали распадки, поделенные на стандартные - в три сотки - дачные участки. Город заканчивался, и Майгатов с неудовольствием думал о том, что куртки сейчас свернут к этому столпотворению домиков, сарайчиков, халабудок, и он просто потеряет их из виду. Но в "мерсе", словно уловив его тревогу, никуда сворачивать не стали. Проехав мимо длинного забора бригады морской пехоты, машина направилась в объезд бухты.

Никогда еще Майгатов здесь не был, предугадать маршрут "мерса" не мог, и это встревожило больше, чем предыдущее предположение о дачах.

"Жигуль" пошел медленнее.

Невольный взгляд на счетчик топлива успокоил, но мужик решил почему-то иначе и утопил педаль тормоза.

- Все, хозяин. Дальше не поеду, - уже привычно прохрипел он.

- Почему? - опять посмотрел на приборы Майгатов.

- Они в дельфинарий едут. А там - режимный объект. Внутрь никто не пустит. Давай расчет по полной форме...

Метрах в трехстах впереди огороженный высоченным забором дельфинарий проглотил ставший маленьким зеленым яблоком "Мерседес" и закрыл за ним стальные челюсти ворот. Гонка окончилась. Приз достался другим.

- Ты там был когда-нибудь? - так, на всякий случай, спросил Майгатов.

Мужик хмуро кивнул, пожевал квадратной челюстью, и Майгатов почувствовал, что это - не тупик, что гонка еще не закончилась.

- На, - сунул он в толстые, усыпанные смоляными завитками волос, пальцы мужика пятидолларовую бумажку. - Хватит?

Тот недоверчиво посмотрел ее на просвет, зачем-то прочел номера, понюхал и только после этого ритуала убрал морщинки со лба и обрадованно кивнул:

- Хватит.

- Так ты был здесь? - по-своему понял осведомленность мужика.

- Я в дельфинарии еще срочную служил, матросом. Его только строили.

- Режим?

- Знаешь, в "застой" там все круто было: вооруженная охрана, ток по проволоке над забором, камеры слежения по всем углам... Все-таки дельфинов для диверсий готовили... А сейчас... Даже не знаю. Он теперь - под Украиной. Дельфинов, гооврят, почти нет. Народ от таких заработков разбегается... А охрана?.. Хрен его знает, может, и стерегут по инерции...

- А со стороны моря?

- Моря?.. Ну, там бетонный забор метра на три в воду уходит, а дальше... Да вроде ничего дальше и нет. Может, сети какие...

Майгатов осмотрелся. Они стояли у кирпичного, явно казарменного вида, здания. Матрос, выглянувший из окна и тут же исчезнувший, только подтвердил догадку, а влево и вправо тянулась голая, желтая от мертвой травы степь.

- Ты что: туда решил забраться? - удивленно прохрипел мужик.

- Понимаешь, - помолчал, подбирая слова, - это что-то типа расследования. В общем, ты должен меня здесь подождать, понял?

Теперь у мужика квадратными стали и глаза.

- Этим ты поможешь следствию, - опередил Майгатов мужика в его сомнениях и выбрался из пропахших плохим бензином "жигулей".

- А ты это... надолго? - просительно кинул ему в спину мужик.

- Нет! - соврал он.

Ну кто сейчас мог знать, сколько это продлится.

3

Степью, распугивая серых жирных сусликов, он вышел к берегу. У перевернутого на песке дырявого ялика разделся до плавок, сложил под лодку вещи. Смерял глазом - метров двести до края забора, уступами спускающегося, тонущего в соленой воде бухты. Обернулся к шоссе. Из-за казармы торчал красный передок "жигулей". И это успокоило сильнее, чем тишина над бухтой, на противоположной стороне которой белели здания морских пехотинцев.

Нога осторожно коснулась воды и тут же ожглась о нее. Градусов десять-двенадцать. Меньше всего ему сейчас хотелось плыть. И только тревога за Кравчука да раздражение на парней, которые так спокойно, даже с подчеркнутой небрежностью к нему, ушли от погони, толкнули его в воду. Он вошел, отдавая тело по частям холоду и, только когда плечи перестали ощущать солнце, оттолкнулся от вязкого, илистого дна и поплыл тихо, своим любимым брассом.

Тело медленно привыкало к воде, но холоднее всего почему-то было голове, хотя воздух прогрелся градусов до двадцати. Наверное, до забора можно было догрести минуты за четыре, но какая-то тревога сдерживала его. Он не знал, охраняется дельфинарий или нет, а если охраняется, то насколько сильно, куда делись парни с Кравчуком, и почему они заехали именно сюда. Он плыл и плыл, а слева все разворачивалась и разворачивалась панорама дельфинария с угрюмыми корпусами зданий, с береговыми мостками и вольерами, огороженными сетями, с какими-то странными далекими шумами.

Из воды Майгатов выбрался сразу за забором. Пригнувшись, перебежал к голым, уже

обсыпавшимся кустам. Шум стал резче, грубее. Какое-то странное животное кричало низким, утробным голосом, и этот голос так несоответствовал яркому солнцу, голубой воде бухты, чистеньким отполированным галькам берега, что хотелось прервать этот крик. Но вот к нему добавился еще один, не такой громкий, но еще более душераздирающий, и Майгатов побежал за бруствером из кустов по направлению к этому звуку.

Голоса, прорежаемые смехом, остановили его. Он сел еще ниже, хотя высота кустов этого и не требовала, и попытался что-нибудь рассмотреть сквозь сплевшиеся густо, как в корзине, ветки кустарника. Кажется, на мостках у ближайшего вольера кто-то стоял. Рукой Майгатов раздвинул жесткие, колючие ветки и ощутил что-то похожее на радость, хотя радоваться было нечему.

На деревянном мостке, опершись грудью на перила, стояли те два парня и смотрели вниз с таким видом, точно рыбалили. Да и с перил свисала в воду веревка, правда, настолько толстая, что на нее можно было ловить лишь кита. В воде вольера слышался плеск, но нужно было знать тайны дельфинария, чтобы понять, что там происходило. Майгатов уже решил подобраться поближе, чтобы утолить собственное любопытство, но тут парни с усилием потянули веревку вверх, а уже через пару секунд он услышал голос Кравчука:

- А-ах, па-а-ах! Я достану,.. я принесу, но... не... сейчас не мом-гу, не... а-а-ах! - и замолчал, словно в рот ему воткнули кляп.

"Я принесу," - эхом повторилось в голове Майгатова. Что принесет? Как что?! Вахтенный журнал! Значит, он - Кравчук! Ну, тихоня, ну, лентяй!

После того, как загадка была разгадана, Майгатов вдруг остро ощутил, что где-то рядом - Пирсон-Зубарев. Неужели опять остался в машине? Майгатов продлил взгляд до самого дальнего вольера, до площадки для дельфиньих представлений - нет, "мерса" нигде не было. И упорно молчал Кравчук.

Раздирая тишину, опять ворвался со стороны бухты урчащий, утробный крик какого-то чудовища. Внутри у Майгатова похолодело. Его испугал не сам крик, а неожиданность его появления. А внутри этого испуга, словно косточка внутри абрикосины, колюче и объемно лежало удивление. Он не мог даже представить, что же это за животное могло издавать такие резкие, душераздирающие крики. Насколько он помнил, дельфиньи щелчки и попискивания на этот рев не походили даже отдаленно.

На противоположной от мостков стороне вольера он заметил нечто похожее на огромные носилки. Может, это и были носилки, например, для перевозки дельфинов, но это казалось сейчас совсем не важным. Он видел не носилки, а укрытие. И укрытие неплохое.

Майгатов переполз за него, брезгливо ощущая животом не только грязь асфальта и прибрежных галек, но и сплюснутые пивные банки, пробки и похрустывающие целлофановые обертки от сигарет и печенья. Выглянул - и почувствовал, что глаза становятся квадратными, как у того мужика.

Над срезом воды торчали вверх туфлями ноги Кравчука. Торчали, словно у спортсменки из группы синхронного плавания, и, наверное, в этих ботинках, в волосатых ногах, с которых сползли до колен брюки, была бы своя комичность, если бы Майгатов не вспомнил, что Кравчук не умеет плавать. Еще чуть-чуть приподнявшись из-за укрытия и наверняка рискуя стать увиденным, он наконец разглядел, что погруженного в воду Кравчука, который почти и не делал никаких движений, пытался вытолкнуть наверх, к спасительному воздуху, юркий серый дельфин. И эта бодливость дельфина больше всего веселила парней.

- Смотри-смотри! Не-е, сорвался... Я уж думал, что сейчас башку-то вытолкнет...

- Он к этому не приучен.

- Да он у тебя вообще ни к чему не приучен. Только играть...

- Ну да! - обиженно ответил более высокий из парней, и Майгатов узнал в нем любителя семечек и нокаутирующих ударов в живот. - Его как раз и готовили для уничтожения подводных пловцов. Штуку такую с ножами на голову закрепи - и он кого хошь в воде почикает... Правда, Терминатор?

Но дельфин, как и все дельфины на планете, человеческого голоса не понимал. Он видел перед собой лишь непрошеного гостя, который нагло вторгся в его родной вольтер, и, поскольку из-за плохой кормежки настроение в последние месяцы у него было препоганейшее, выталкивал этого гостя, который вполне мог отобрать и ту жалкую рыбешку, которая иногда дельфину все-таки перепадала.

- Все. Минута прошла. Пора харю просвежить, - напомнил более низкий из парней и по тому, как хватко и мощно он взялся за веревку, как скоординировался, Майгатов почувствовал в нем спортсмена. Нет, не боксера. Наверное, борца. Но когда парень повернулся боком, Майгатов отказался от этой версии. Такие аккуратные уши у борцов не бывают. Значит, либо гребец, либо яхтсмен. Второе больше подходило для Севастополя, и Майгатов так и пометил его для себя яхтсменом. А любителя ударов в живот окрестил кикбоксером.

Под плеск воды показалась налитая кровью, какая-то разбухшая голова Кравчука.

- Ну что, сволота, понял свою ошибку? - зло спросил кикбоксер.

- А-а-ах, а-а-ах... По... по... пон-нял... Отпустите... Не мо... гу... Сердце...

- Жрать меньше надо. Во-он какую харю наел, - посоветовал яхтсмен, хотя сам, судя по набирающей жирок фигуре, жрал не меньше.

- Я... я принесу... Дайте еще... ну, еще пару дней... И я точно принесу...

- Поверим? - спросил яхтсмен у кикбоксера. Кажется, он был чуть подбрее.

- Он уже дважды обещал, - напомнил кикбоксер и сплюнул прямо на мокрый живот Кравчука, с которого свитер сполз на грудь и вот-вот мог закрыть голову и задушить своего хозяина. - Первый раз ни хрена не получилось. Второй раз заменжевался. Слушай, жлоб! - крикнул он вниз. - То, что мы тебя в водичку окунаем, это еще разминка. Скажем так, маленький заплыв в толщину. А вот когда мы тебя достанем, начнется бокс. Ты в детстве в цирке был?

- Я не... мо-огу... отпустите... Через два дня принесу... Не могу я сегодня...

- Так был или нет? - зло дернул он за веревку.

- Бы... был...

- О! Значит, сивучей видел... Знаешь, как они драться любят?

- Правда, что ли? - не поверил яхтсмен.

- В школе надо было лучше учиться, - съязвил кикбоксер. - Сивучи - это родители медведей. У них боевой инстинкт. Если видит, что его атакуют, он сам идет во встречную атаку. Ты думаешь, для чего здесь сивучи? Мы ж их готовили для атак на подводных диверсантов. Усек?

- А чего ты придумал? - кивнул вниз яхтсмен.

- Выкупаем нашего пузанчика, вытащим, подсушим и запустим в вольер к сивучу. Знаешь, как тот драться будет?

Словно подтверждая слова кикбоксера, еще истошнее, чем прежде, заорало то чудовище, которого так испугался Майгатов, но теперь испуга он не ощутил. И удивления тоже. Потому что увидел за спинами парней, в клетке над следующим вольером, огромную, в два взрослых медведя размером, коричневую тушу сивуча.

- А не убьем? - с тревогой спросил яхтсмен.

- Заволновался? Он что: твой родственник? - он бурно выругался и выпустил веревку из рук.

Яхтсмен не ожидал такого и тоже машинально, под весом Кравчука, выпустил канат.

Из угла вольера серой молнией метнулся к надоевшему чужаку дельфин. Игра повторялась.

А Майгатова встревожило упоминание Кравчука о сердце. При его весе и таком истязании оно действительно могло не выдержать.

Именно страх за Кравчука, а не злость на парней, подняли Майгатова. Он встал, стряхнул с груди и бедер налипшие камешки, ракушки и грязь и, словно одновременно стряхнув с себя сомнения, неторопливо пошел вокруг вольера. Наверное, если бы побежал, парни бы сразу все поняли, но в его размеренной походке, в его внешней беззащитности человека в одних-единственных плавках было что-то успокаивающее. Эта небрежная уверенность подчеркивала, что он здесь - свой, что он уже тыщу раз видел дельфинов, что он просто решил искупаться, поморжевать в стылой октябрьской воде и вот сейчас пройдет мимо и поднимется в родной штабной корпус. И когда он резко свернул на мостки, парни, скорее всего, мысленно все еще считали его своим, человеком из дельфинария.

Первой пробежала тревога по лицу кикбоксера. Наверное, он слишком хорошо знал всех в дельфинарии, чтобы понять их оплошность. Он что-то крикнул яхтсмену, но Майгатова это уже не интересовало. Он прыгнул навстречу и этим прыжком оттолкнул, словно газ под ударом поршня в цилиндре, сразу обеих парней с привычных мест. И так уж вышло, что в этом отступлении один оказался трусливее и отбежал дальше, а второй - смелее и отошел лишь на шаг. Этим глупым, бравирующим прыжком Майгатов разорвал пару и облегчил себе задачу. И, пока второй, а им оказался кикбоксер, избавлялся от страха, он пробил неловко выставленные толстые руки яхтсмена правым боковым и под резкую боль в костяшках пальцев ощутил, как тот осел на мостки. Кажется, это был всего лишь нокдаун, потому что яхтсмен успел ухватиться за вертикальный брус перил и безуспешно силился подтянуться на нем.

Майгатов прыжком преодолел первое препятствие и тут же чуть не попал под рассекающую воздух ногу кикбоксера. Пришлось сделать ответный замах и только им одним отбросить явно трусливого парня еще на три метра вглубь мостков. Судя по стойке, боксером он не был, а в манере драться ногами чувствовалось что-то из детства, где он, скорее всего, именно так прокладывал дорогу к лидерству.

Ощущая спиной, что там еще нет опасности, Майгатов безоглядно пошел в атаку и просчитался. Все-таки ноги у кикбоксера были самой развитой частью тела, потому что "выстрелил" он так быстро, что Майгатов сначала ощутил дикую, ослепляющую боль в левом бедре, а уже потом понял, что это был ботинок парня. Грязно-синяя полоса на коже разъярила его. Майгатов хромающим, болью бьющим от бедра в голову, прыжком бросился на кикбоксера. У того уже не было времени на замах ногой и он просто бросил вперед руки.

- Чего тебе?! Чего?! - истерично орал сцепившийся с Майгатовым кикбоксер и все время пытался лягнуть соперника хотя бы коленкой.

- Где Зубарев?! - в свою очередь заорал Майгатов и тут же поскользнулся.

Падая, он разжал руки, и кикбоксер, затягиваемый этим движением вниз, тоже попытался спастись от падения, а не от соперника, но на пути его головы встретилась балка перил. С гулом врезавшись в нее лбом, он отвалился на край мостков и, не удержав равновесия, скатился в воду. Плеск его упавшего тела напомнил Майгатову о том главном, ради чего он ворвался сюда и о чем забыл в схватке - о висящем Кравчуке.

Он прихромал к веревке и, не зная, сколько же времени Кравчук пробыл в этот раз под водой, начал вытягивать его, зачем-то мысленно отсчитывая секунды: один, два, три... семь...

- А-а-ах, п-п-а-ах, - прервал счет знакомый голос. - Братцы, братцы... а-ах... я на все согласен... сегодня же принесу... сегодня...

Руки тянули, а глаза сами косили вправо: лежит, лежит еще яхтсмен, и кровь стекает с уголка рта. "Минус два зуба," - холодно, по-боксерски предположил Майгатов, хотя важнее этого были для него глаза яхтсмена. В них еще стояла мутнинка, а, значит, он имел еще несколько секунд на спасение Кравчука.

К счастью, у того оказались не связаны руки и, когда Майгатов перехватил его ноги, Кравчук умудрился напрячь живот, согнуться и зацепиться руками за вертикальный брус перил. Кажется, при виде своего сослуживца он испугался еще сильнее, чем при нырянии в вольере.

- Где Зубарев?! - крикнул ему в лицо Майгатов.

- Ки... ки... кто? - хватал Кравчук воздух и все пытался оправить мокрые, тяжелые брюки и свитер.

- Главарь!

- Как... кой гла... где?

- Белобрысый, в очках!

- Я не...

Он безвольно закрыл покрасневшие от соленой воды глаза, и Майгатову пришлось тряхнуть его за грудки.

- Тре... третий... со шрамом... в этой... машине, - не открывая глаз, ответил Кравчук.

- Шрам? - попытался вспомнить хоть что-то похожее на шрам на округлом лице Пирсона-Зубарева и не смог. - Они говорили, для кого им нужно достать журнал?

Глаза Кравчука резко открылись. В них стояло невыразимое удивление. Наверное, такое же выражение могло быть только если бы Майгатов стал невидимым.

- Ты чего, Юр? - жалостно спросил он.

- Они требовали вахтенный журнал? - вдруг засомневался Майгатов.

- Это - рэкет. Они деньги требовали. За два моих киоска на аллее перед рынком...

Толстая змея кольцом охватила шею. Майгатов попытался проглотить хоть немного воздуха и не смог. Перед глазами стали загустевать сумерки, а виски сжала тисками невыразимая, дикая, отнимающая разум боль. Он впился ногтями в эти удавьи кольца, но от этого они стали еще сильнее. И тогда он локтем с замаха ударил во что-то мягкое сзади. Удавка

ослабла, и он ударил еще раз. Что-то хрустнуло, и выпавший из змеиного кольца Майгатов догадался, что он все-таки сломал ребро душившему его яхтсмену.

Задом отскочил от места схватки, по-рыбьи хватая воздух, которого все еще не хватало, и ему вдруг стало жаль скорчившегося парня.

- Вставай! - крикнул он Кравчуку, и капитан третьего ранга безвольно подчинился старшему лейтенанту.

Он загрохотал по вибрирующим серым доскам, чувствуя по сбиваемому ритму, что сзади по-своему раскачивает мостки плоскостопый, тяжелый Кравчук. Яхтсмен на такую пробежку с поломанным ребром не решился бы. А кикбоксер?

Майгатов с плохим предчувствием обернулся, но, чтобы успокоиться, ему пришлось перебросить взгляд со сгорбившегося, постаревшего Кравчука на воду вольера. В ней барахтался кикбоксер, которого упорный дельфин со страшным именем Терминатор все толкал и толкал в бок от мостков, и каждый такой удар заканчивался навалом узкого серого тела на черную пузырящуюся куртку парня. Терминатор всю пытался оправдать свою кличку, но сцену схватки, годящуюся для учебного фильма, они не успели досмотреть.

- Третий! - закричал Кравчук.

Майгатов повернул голову к главному корпусу дельфинария и под новый грубый крик сивуча увидел бегущего длинного, под два метра ростом, мужчину в такой же, словно это у них была спецодежда, черной кожаной куртке. После того, что он узнал от Кравчука, знакомиться с ним не хотелось. И он тоже побежал, прихрамывая на левую ногу.

У края забора, разбрызгивая холодные капли, вбежал в воду и махнул Кравчуку.

- Я не умею плавать! - истерично закричал тот.

- Я научу, - тихо, но властно сказал Майгатов и капитан третьего ранга вновь подчинился старшему лейтенанту.

Он вбежал в воду, смешно поднимая ноги, будто боялся намочить уже насквозь промокшие брюки. Руки Майгатова развернули его, подхватили под мышки и увлекли за собой. Одна из них обнимала непомерную грудь Кравчука, а вторая отрабатывала двойную норму гребца. Медленно, по-черепашьи они обогнули притопленную часть забора, и последнее, что увидел в дельфинарии Майгатов, - убегающую назад, к вольерам, серую спичку фигуры.

В эту минуту ему пришла в голову самая плохая мысль: мужик уехал. И когда он увидел, что прямо у забора, со стороны степи, стоят красные "жигули", он чуть не бросился его обнимать.

- Быстрее, хлопцы! - подхватил мужик выползающего на берег Майгатова, у которого после заплыва если и осталось силенок, то на самом донышке, на вдох и выдох...

"Жигули" вылетели, чертыхаясь на степных кочках, на дорогу, проскочили ее на том, что можно было выжать из машины пятнадцатилетней давности до того, как она развалится, сделали пару маневров на проселочные "грунтовки" и, только когда стало ясно, что "хвоста" нет, остановились.

- А вещи? - вдруг ощутил себя в одних плавках Майгатов.

Когда драпали, об этом почему-то не думалось. Наверное, оттого, что жизнь всегда важнее одежды.

- На заднем сидении, - кивнул на Кравчука мужик, и бывший замполит только тогда заметил,

что припечатал мокрым задом одежду Майгатова.

- Ну ты обстоятельный! На складе, что ли, служил? - натягивая на голову майку, спросил Майгатов.

- На топливном, - подтвердил мужик.

- Не надо мне огромного оклада, вы дайте мне ключи от склада, - ожил Кравчук, любитель анекдотов и побасенок.

Мужик хмуро промолчал.

- А у длинного... ну, что со шрамом... есть пистолет, - зачем-то сказал Кравчук и сразу посерел. - Они не отстанут. Теперь мне хана...

- Закроешь киоски, - хмуро приказал Майгатов. - Для тебя капитализм кончился.

- Я туда все деньги от похода вложил. Все, - невидяще смотрел перед собой он.

- Ну, тогда заяви на них в милицию.

- Ты что! - отмахнулся он от этой мысли, которая, видно, и его самого беспокоила назойливой мухой. - Бесполезно. Только еще хуже будет.

- Тогда и не дергайся, закрывай! - прохрипел мужик. - Меня тоже одни уже достали. Завяжу, наверно. А что потом делать, не знаю. Тупик...

Майгатов устало откинулся на спинку кресла. Он и сам попал в тупик. Кравчука можно было смело вычеркнуть из списка подозреваемых. Он с раздражением посмотрел на него через стекло заднего вида. На прополощенном лице бывшего предпринимателя сочно красовался старый "фонарь". Тот самый, на который он так здорово купился.

4

Бурыга долго, мучительно лодго делал вид, что не замечает его. Раз пять перечитал длинную, явно чепуховую бумагу, звонил в какие-то безответные инстанции, вальяжно расхаживал по кабинету и за все это время даже не мог догадаться, что ни эту издевательскую затяжку, ни его самого вообще не замечают.

Да, минут десять-двенадцать назад Майгатов по вызову вошел в кабинет Бурыги, да, он понимал, что разговаривать будут далеко не о приятном, но воспринять это небрежение к себе хоть как-то, хоть чуть-чуть, он не мог, потому что находился вовсе не в этом кабинете. Мысленно он сам молча ходил перед строем офицеров и мичманов "Альбатроса" и вглядывался в их лица. Кравчук научил его не верить очевидному, и теперь он готов был считать грабителем даже Анфимова. Сломанный ключ и тампон все еще лежали в сейфе, и ниточка от них могла пойти к любому из экипажа.

- Долго еще будешь глухонемого изображать? - оборвал его неслышимые рассуждения Бурыга.

А он действительно так оглох от своих мыслей, что и слова комбрига не услышал. Только уловил, что изменилось что-то в кабинете и перевел вялый взгляд с желтого осеннего пейзажа за окном на вбитую в тесную тужурку фигуру Бурыги.

- Что с дознанием?

- Идет по плану.

Сказал и удивился собственной глупости. Какой может быть план, если в голове такая чехарда!

- Обвиняемый есть?

- Нет. Пока нет.

- А тот старшина... ну, чертежник?

- Он не взламывал секретку.

- Это - мнение или упрямство? - толстые пальцы Бурыги барабанили по темно-коричневой, отливающей лаком плахе стола.

- Это - уверенность. Я думаю, что...

- Индюк думал и в суп попал.

Услышал бы - психанул. Но задумчивость вновь потащила его далеко от кабинета, задумчивость заткнула уши и вдруг подбросила такую мысль, что он радостно улыбнулся ей.

Улыбка озадачила Бурыгу и он, сразу забыв, о чем же они только что говорили, решил нанести такой "удар", чтоб и следа от улыбки не осталось.

- А какого хрена ты чуть дорожно-транспортное происшествие не организовал? - вскочил он, толкнув кресло к стене.

- Не понял, - по-флотски спасся от вопроса, который опять не услышал.

- Ты поч-чему... на "жигулях" возле Минки?

- Я - ни при чем, - наконец-то понял, о чем речь. - Вы же сами нарушили...

- Я на... я... я... - начал закипать Бурыга.

- У нас же была главная дорога. Вы обязаны пропустить...

- Ты что учишь меня ездить?! - грузно подошел почти вплотную, дохнул перегаром. - Ты у Анфимова "добро" на сход брал?

- Да, - со спокойной уверенностью ответил он, а сам лихорадочно начал вспоминать, спрашивал он или нет, и с ужасом убеждался, что, кажется, не спрашивал.

Но Бурыгу его уверенность убедила. Он отступил и, вернувшись к столу и увидев на нем бумаги, о бумагах же и спросил:

- Протокол составил?

- Так точно.

- Мне тягомотина с расследованием не нужна. Составь документы на чертежника. Разжалуем его и - на хрен в дисбат...

- Он не вскрывал, - упрямо повторил Майгатов.

- А кто?! Может, я сам?! - впился в него плавающими в красноте глазами.

- Взломщик - из нашего экипажа.

Проговорил и обиделся на себя. Ну, зачем, зачем он это сделал? И как только язык крутанулся?

- Вашего? - про себя, уже в задумчивости, спросил Бурыга.

Майгатов ответил молчанием. Больше всего ему хотелось сейчас, чтобы и эту идею Бурыга воспринял, как и все другое, исходящее от него, то есть чтобы не согласился ни под каким соусом. Но тот весь как-то вдруг подобрался, покомкал губы, пригладил от уха к уху тонкий пучок седых, отращенных уже после похода волосин и с удовольствием приказал:

- Тогда я отстраняю тебя от дознания.

- Почему?

- Глава первая приказа министра. Общие положения, - и попытался процитировать наизусть, хотя вряд ли это у него получилось: - Дознаватель не может расследовать дело и подлежит отводу, если он... если он, вот... является по своему служебному положению начальником или подчиненным лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело... Понял? Если, как ты говоришь, из твоего экипажа, то это или подчиненный, или, как Анфимов, начальник...

- Но я же... это же... версия...

Он хватался за слова, как за скользкие камни. Ни в одном из них спасения не было.

- А если не подтвердится, тогда... тогда вы...

- Все. Я приказы не отменяю.

Руками, не глядя, подташил к себе кресло и упал в него.

- Идите. Займитесь кораблем. Анфимов, видишь ли, на берег, в штаб, сбежать решил и всю службу пустил под откос...

- Товарищ капитан второго ранга, я должен довести это дело до конца, ухватился он за последний из камней. - На меня надеются...

- Идите.

Пальцы скользнули. Он рухнул в холодную, черную пустоту.

Закрыв дверь, постоял под ощущение боли, которое было не только в занывшем левом бедре, но и в душе, и вдруг вспомнил посетившую его в кабинете мысль. Нет, Бурыга, еще не вечер!

5

Обед - лучший командир. Только он может собрать всех офицеров и мичманов "Альбатроса" в кают-компании. Завтракают те, кто был на сходе, дома. Ужинают те, которые сходят на берег, тоже дома. На вечерний чай вообще может никто не прийти. А обед, как царь, призывает к своему трону всех...

С ночи "Альбатрос" уже покачивало у причала. Холодный северо-восточный ветер, разбежавшийся от Арктики по пространству России и Украины, гнал волну, и та, беспрепятственно попадая в открытую с моря Стрелецкую бухту, рвалась к берегу, но, встретив на пути стальные, густо обросшие лишайниками и водорослями днища кораблей, вымещала на них все зло от неудачной попытки встречи с причалом.

Эти удары отдавались ритмичным покачиванием и поднимали маленький шторм в тарелках

борща, которые матрос-гарсон ставил на стол перед офицерами. Мичманы сидели в дальнем углу кают-компании за отдельным столом и угрюмо ждали, когда до них дойдет очередь.

Майгатов со своего места напротив командира обвел взглядом склонившихся над борщом офицеров. Анфимов ел медленно, о чем-то думая, и, наверное, даже не замечал, что же он ест. Сидящая по левую руку от Майгатова троица офицеров была похожа на тройку хоккеистов, на всех парах несущуюся к воротам противника. Все такой же худенький и такой же перепуганный лейтенант-торпедист, загоревший чуть ли не до негра Ким и насквозь пропахший спиртным Силин работали ложками, будто соревновались, кто быстрее опустошит тарелку. Сидящие справа Кравчук и Клепинин ковырялись в борще с видом капризных дегустаторов. Выловив бурый кусок свеклы, Кравчук долго смотрел на него с отвращением и, наверное, только когда вспомнил о том, что время "Смирновской", салями и немецкого баночного пива прошло, заставил себя проглотить его. Клепинин же всегда был мрачен, а после того, как на его погон взамен четырех маленьких звездочек упала одна большая, стал казаться еще мрачнее.

- Что с турбиной? - тоже, скорее всего, заметил чрезмерную озабоченность Клепинина Анфимов.

- Плохо, товарищ командир, - сказал тот в остывшую тарелку борща. Почти все лопатки перебрать надо. ЗИПа* нет. Ни у нас, ни в дивизионе, ни в бригаде...

- А через тыл флота не пробовал?

- Глухо. У них ветер по складам гуляет. Кончилось изобилие. Вместе с "застоем"...

- Ну тогда тоже, предположим, изобилия не было, - вставил известный демократ Кравчук. - Забыл, как с языком на плече по техупрам бегал, болты выбивал?

*ЗИП (сокращ.) - запасное имущество и приборы.

- А сейчас и того нет, - не сменил точку зрения Клепинин.

Для Кравчука демократия и перестройка были благом, потому что разрешили ему ежедневно не писать по сотне планов, планчиков и планчишек идеологической, партийной и прочей работы. Для Клепинина - горем, потому что вместе с их появлением стало исчезать все железное, без чего он не мыслил своей жизни.

- Был бы "застой", уже б давно отремонтировались и "рубль" подняли, напомнил Клепинин о том, что красного вымпела на их неходовой "коробке" нет, а, значит, и морские тридцать процентов к окладу никто не получает.

- Зато свободы больше, - отпарировал Кравчук.

- Да иди ты со своей свободой!

- Прекратить! - гаркнул Анфимов. - Что за время: любой разговор на политику переходит! - и посмотрел на молчаливых мичманов, словно меньше всего хотел бы, чтобы они услышали перепалку.

Майгатов тоже повернул голову и сразу, одним взглядом, охватил семь фигур за столом. Бодрый, с распушившимися, как у кота, усами, старший боцман Жбанский - во главе стола. Остальные - по бокам. На дальней стороне, у переборки, - длинный, даже здесь возвышающийся на голову над другими фельдшер-сверхсрочник с шишкой на лбу и два мичмана-ветерана, связист и артиллерист, с морщинистыми предпенсионными лицами.

Узкими, ребячьими спинами к Майгатову - молодые, одного выпуска из школы техников мичмана-механики. Никого из них Майгатов толком не знал и тут же подумал о том, что неплохо бы сходить в отдел кадров и просмотреть их личные дела. В тихом болоте черти водятся. И среди трех тихонь вполне мог быть тот призрак, что орудовал у секреток.

- Ты про часы забыл, что ли? - повернулся к Майгатову Клепинин и полез в оттопыренный левый карман кителя.

- Часы?

Надо же: за все время, начиная с побега из того затхлого трюма, ни разу и не вспоминал о часах, спасших ему когда-то жизнь. Уже и привык обходиться без циферблата на руке. Останови его на улице, спроси о времени, определит с разницей "плюс-минус десять минут". Словно после потери часов механических внутри включились, дали ход часы биологические.

- Держи, - протянул уже забытый "Океан" на все том же широком ремешке. - Стекло заменили. А остальное - в норме...

Поблагодарил, но надевать на руку не стал. Теперь к ним опять нужно было привыкать.

Новенький матрос-гарсон, сменивший вечно небритого, ставшего уже гражданским, годка, собирал со стола пустые тарелки и раздавал уже вторые блюда, а Майгатов еще не притронулся к борщу. Он зачерпнул ложку, с усилием проглотил подкрашенную воду с куском черной картофелины и подумал о том, что более невкусного пошла даже при всем желании сотворить было невозможно. Он по инерции влил в себя еще пару безвкусных ложек и тоже попросил гарсона сменить блюда. Гречка, кажется, пахла гречкой, хоть и мяса в ней скрывалось не более трех ниток, да и то таких жестких, что из них боцманам впору было сплестать канаты.

Он хотел сказать заготовленную фразу под компот, но Клепинин засуетился, пытаясь уйти сразу после второго блюда, и Майгатов как бы небрежно спросил Анфимова:

- Сегодня документацию повезем, товарищ командир?

- Завтра утром. Секретчик не успеет до вечера все подготовить, устало ответил он.

- А журналы тоже сдаем?

- Да. Оба. И вахтенный, и навигационный... Ты бы в компот хоть сахар ложил, - упрекнул гарсона. - Моча какая-то, а не компот...

- Зато диабета не будет, - ответил Силин, которого могли бы заботить другие болезни, но только не диабет.

- А что: указание какое? - наконец-то влез любопытный Кравчук.

- Ты - о сахаре? - невозмутимо изобразил из себя дурака Анфимов.

- Не-е. Я - про секретку...

- А-а-а, - протянул Анфимов таким тоном, точно это был самый неприятный для него вопрос. - Дали указание часть документации сдать прямо в штаб флота. Секретка ж дивизиона на время дознания не работает.

- Понятно, - впитал информацию Кравчук, чтобы по политработницкой привычке заложить ее где-нибудь выше.

Остальные жевали, отхлебывали, звенели вилками и разговора как будто не слышали. Но если от этих тринадцати отнять Майгатова, Анфимова да, пожалуй, Кравчука, то никто из оставшейся десятки не обладал алиби. И кто-нибудь из них точно прослушал информацию с повышенным интересом.

6

Поздно вечером, уже после команды дежурного на проветривание, приборку помещений и задраивание водонепроницаемых переборок, в каюту робко постучали. Даже не постучали, а по-мышьиному поскреблись.

И до того Майгатову показалось, что это мог сделать только ребенок, что он даже вздрогнул, когда, открыв дверь, увидел взрослое лицо на том месте, где ожидал увидеть пустоту.

- Извините. Я - по приказу, - прямо в глаза ему смотрел щупленький, сутулящийся даже при своем среднем росте лейтенантик, тот самый, что приводил в секретку матроса Голодного.

- Какому приказу? - ничего не понял он. - Проходи. Не будем же через комингс переговариваться...

- Командир бригады приказал мне принять у вас дела по дознанию, - на ходу проскороговорил лейтенант и стал у переборки возле иллюминатора с таким видом, точно хотел от стыда и страха слиться с этой переборкой и исчезнуть с глаз такого мощного, такого усатого, такого солидного и аж старшего лейтенанта.

- Дела, говоришь? - сел на койку. - Садись, в ногах правды нет.

- Извините, я спешу. Скоро вечерняя поверка, - так и остался стоять.

Пришлось достать из верхнего ящика стола тощенькую папочку. Майгатов положил ее на стол, прикрыл сверху мощной ладонью. На разбитой костяшке безымянного пальца красной гусеницей лежала припухшая ссадина. Лежала, как дополнение к "делу", но ее ни при каком желании лейтенанту он передать бы не смог.

- Бери, - подвинул он по льду плексигласа папку. - Там - протокол осмотра места происшествия, фотографии, объяснительные... Бурыга еще что-нибудь говорил? - с плохим предчувствием спросил он.

- Так точно, - обрадовался лейтенант папке. - Сказал, что, по всей вероятности, секретку вскрыли чертежники, а главный зачинщик - старшина. Они, говорит, воспользовались тем, что часовой заснул. Потом испугались и пошли на попятную, вернули радиоприемник. А деньги... наверное, истратили деньги...

- Пятьдесят долларов? На троих? - попытался хоть немного внушить неверие лейтенанту.

- А что?

- Вот ты сколько, если в доллары перевести, получаешь?

- Я? - смутился лейтенант. - Мы считали. Если по курсу коммерческих банков, то где-то двадцать. Не больше...

- Ну вот! И ты на них месяц живешь!.. Что ж, у матросов ума хватит полста баксов потратить за сутки?

- Я не знаю... Мне приказали за два-три дня закрыть дело - и все... Разрешите идти?

Когда живешь в страхе, то главное - спастись от самого большого страха. А поскольку страшнее угрозы, чем та, что исходит от Бурьги, нет, то и лейтенант сделает все до микрона точно. Может, даже перестарается. Тогда на чертежников свалят еще пару каких-нибудь тухлых "дел" по бригаде и отрапортуют наверх об успешной борьбе с организованной преступностью. Все-таки трое - это уже организация.

- Я тебя только об одном попрошу, - уже в дверях остановил лейтенанта. - Не торопись. Чертежники - тоже люди, хоть и матросы.

Лейтенант ничего не ответил. Он был счастлив уже от того, что выполнил приказ и забрал папку. Это была радость нищего, которому дали копейку...

- Стар-ричок, во мне бушует цэ-два-аш-шесть-о! - ввалился на смену лейтенанту в каюту Силин.

- Опять? - укоризненно спросил Майгатов.

- Накажи меня, помоха, своей властью! Так накажи, чтоб я бухать перестал! От можешь?! А-а?!

- Иди спать!

Подавая пример, сам лег на койку. Прямо в кителе и брюках. Задернул штору, как будто она могла спасти от запаха сивухи и блевотины, которые внес на себе Силин.

Хрустнул стул.

- Не уважаешь ты химиков, помоха. Не уважаешь. Потому, что боишься. Я ж тебя до последней молекулы вижу, насквозь!.. А ты только это... китель мой... о, гад, замазался... У тебя выпить нету?

Майгатов закрыл глаза. Мир исчез, но Силин в нем остался. Он опять проскрипел стулом и забормотал:

- Ты не в курсе, у кого "шило" может быть?.. Молчишь?.. Я и так знаю, что у Анфимова. Но он не даст. Скупердяй ваш Анфимов... Слышь, помоха, вора-то нашел?

Глаза открылись сами. Сквозь узкую щель между шторой и переборкой виднелось буро-черное, опухшее лицо. Силин был настолько пьян, что вполне мог пойти шляться по кораблю, чтобы хоть где-нибудь, хоть у тех же молодых мичманов, живших на борту "Альбатроса", выклянчить глоток мерзкого, прокисшего вина. И тогда вся операция Майгатова с поимкой вора на "живца" сорвется.

Рука отдернула штору. Майгатова рывком выбросило в центр каюты.

- А ну ложись спать! - гаркнул он на старающегося удержать тяжелеющие веки Силина. - Или я тебя на "губу" отправлю!

- Помоха, ты ж не сволочь!.. Как-кую "губ-бу"?..

- Холодную! С цементным полом! И с решеткой на окне! А ну ляг!

- Дурак ты, помоха. И шутки у тебя дурацкие. Я ж для тебя старался... Кой-куда ходил, кой-кого поспрашал... И уже уверен не на семьдесят семь и семь, а на восемьдесят восемь и восемь десятых процента... Врубился?

- Я не шучу, - зло сказал Майгатов.

Ему не нравилось все: вид Силина, шум в каюте, дурацкие намеки, мутящий запах спиртного. Но больше всего не нравилось то, что мог сломаться план засады.

- Лезь наверх!

- Не понимаешь ты химиков, помоха, не понимаешь... Короче, не там ты вора ищешь... Не там... Вора, - он назидательно поднял вверх указательный палец, костистый, в перетяжках суставов палец, - вора надо искать в извечной борьбе и извечном стремлении друг к другу тестостерона и эстрадиола...

- Да пошел ты на хрен со своей радиолой! - не сдержал раздражения Майгатов и вылетел в коридор.

Хорошо хоть дверь не так громко хлопнула. Постоял, вслушиваясь в топот ног, идущих в одном направлении - на ют, на вечернюю поверку, и тоже пошел туда.

Наверху, на открытом воздухе, качка казалась даже посильнее, чем внутри "Альбатроса". Майгатов прошел к флагштоку, к сгорбившейся под ледяным ветром фигурке Анфимова, обменялся с ним ничего не значащими репликами, прослушал стандартные команды дежурного по кораблю, закончившиеся главной фразой: "Начать вечернюю поверку!" и под голоса старшин, называющих фамилии, и откликающихся матросов пошел вдоль строя, в полутьме уже наступившей ночи. Лиц не было видно, только в упор, с полуметра еще кого-то можно было разобрать. Причальных фонарей осталось так мало, а огонь на флагштоке освещал только сам флагшток.

- Я! Я-а-а! Й-йя! И-я! - вразнобой вплетались в шум ветра голоса.

Строй горбился, сбивался плотнее. Майгатов тоже ощутил неприятное щекотание мурашек по коже. Китель для такой погоды уже не годился.

- Товарищ старший лейтенант!

Он обернулся. Черная стена строя. Бесконечные "я, я, я" и все такой же неравномерно раскачивающий корабли у причала ветер.

- Вызывали, товарищ старший лейтенант?

Он повернулся вправо и только тут тогадался, что голос идет от этого невысокого моряка, стоящего у артбашни, в самой темной полосе на юте. Не то что лица разглядеть, а и самого человека трудно было признать в этом темнеющем пятне.

- Ты - кто?

Шагнул вплотную и почувствовал, что стало жарко.

- Ты что здесь делаешь? - узнал, наконец, секретчика.

- Прибыл по приказанию.

- Какому? Я же сказал тебе: в секретке находиться постоянно!

Пятно сплющилось - моряк вжал голову в плечи и пробормотал:

- Мне от имени дежурного по кораблю дали команду по трансляции, что вы меня... ну, вызываете на ют...

- За мной, - хрипло бросил Майгатов и понесся по правому шкафуту. Моряк тяжело затоптал за ним.

По дороге заглянул в дежурку - пусто. На едином духу пролетел к секретке и обмер. Дверь была полуоткрыта.

- Ты это,.. - показал секретчику, - закрывал?

- Так т-точно, - испуганно ответил тот.

Рука толкнула дверь. Медленно развернулась панорама пустой секретки. Матрос под рукой Майгатова нырнул вовнутрь, заглянул в приоткрытую дверцу сейфа и еле выговорил:

- Жур... жур... журна... ала нет...

- Вахтенного? - непонятно зачем спросил Майгатов.

- Д-да, - и обессиленно плюхнулся в кресло.

- Ну как дела? - испугал их бодрый, энергично поеживающийся после морозной ванны Анфимов.

- Хреново, - ответил палубе Майгатов. - План сорвался. Он все-таки украл журнал.

- Когда? - никак не мог поверить в это Анфимов.

- Скорее всего, минуточку-две назад... Может это... товарищ командир, объявим аврал, обыщем "Альбатрос"... Ведь найдем же! Гадом буду - найдем журнал!..

- Юра, мы договаривались, - твердо напомнил Анфимов. - Я с твоей авантюрой к тебе навстречу пошел только потому, что знаю: ты, если слово дал, то...

- Ладно, - устало откинулся к переборке. - Ну, змей, и шустрый... А кого на поверке не было?

- Доложили, что отсутствующих по неуважительным причинам нет.

- Неужели успел еще и в строй стать? Ну, медвежатник, ну, зверь...

- А что мне теперь делать? - чуть ли не плача, спросил секретчик.

- Не хнычь! - вдруг подтвердел голосом Майгатов. - Добуду я тебе этот журнал. Назад, в сейф, положишь...

- Что же делать? - только теперь понял Анфимов, что шила в мешке не утаишь. - Ведь точно: журнал пропал. Мне ж теперь доложить об этом нужно... Все... Все кончилось...

- Ничего не кончилось, - отрубил Майгатов. - Все только начинается...

Вошел в каюту, послушал вонючий храп Силина и с удовольствием представил рожу похитителя, так ловко выкравшего вахтенный журнал "Альбатроса", из которого вырваны полстраницы с координатами "Ирши".

7

Телефон скрипел диском, как инвалид протезом. Ему было, наверное, больше лет, чем самому старому "Альбатросу", а, может, даже больше, чем причалу в Стрелецкой. Его черную, в килограмм весом, трубку снимали еще руки лейтенантов, которые уже стали адмиралами-пенсионерами, но, наверное, еще никогда он не слышал такого странного для военного телефона разговора.

- Ало! А? Ало! Это кафедра? Я бы хотел проконсультироваться с профессором...

- Есть у нас один такой...
- Да. Я знаю. Я у вас учился, только, к сожалению, его фамилию...
- Это не важно. Профессор - это я. Что за вопрос?
- Скажите, что такое тестостерон?
- Гм-м... Это укороченная молекула холестерина, у которой сохранена кольцевая система, но, видите ли, углеводородная цепь потеряна...
- Ну, а как... чтоб попроще это?
- Проще? Запишите формулу: цэ-девятнадцать-аш-двадцать восемь-о-два... Тестостерон еще называют кетоном...
- Это очень хорошо... Но вы мне попроще, ну, вот как бы матросу объяснили...
- Молодой человек, вы в каком звании?
- Старший лейтенант.
- Тогда я вам объясню, как старшему лейтенанту. Тестостерон - это мужской половой гормон. Выделяется так называемыми клетками Лейдига при половом созревании. В общем, это то, что делает нас с вами мужиками...
- Спасибо. А вот еще, профессор, кажется,.. эсрадиола?
- Как-как?
- Ну, иксрадиола...
- Судя по логике вопроса, это эстрадиол...
- Может быть... И что это?
- Видите ли, это почти тестостерон, но без метильной группы и нескольких атомов водорода... Извините, молодой человек, но эстрадиол один из основных женских половых гормонов. Формула вам нужна?
- Нет-нет, спасибо огромное... Скажите, а как у вас.. ну, обстановка в училище?
- Извините, молодой человек, но... хреновая. Это я вам говорю, потому что чувствую, вы у нас учились. Как ваша фамилия?
- Майгатов... Старший лейтенант Майгатов. Девяностый год выпуска.
- Май... А, вспомнил: с усами, казак. Точно?
- Да. Вы мне еще двойку вlepили по отравляющим веществам. Зарин, зоман, иприт...
- Это не помню... Желаю удачи, молодой человек...

Поблагодарив, Майгатов опустил трубку, от которой уже болело ухо, и оглядел будку дежурного по дивизиону. Три ее стены были застеклены, четвертая увешана картами и графиками. В углу стоял полусонный лейтенант-дежурный и смотрел сквозь Майгатова. Меньше всего в жизни ему, судя по виду, хотелось дежурить, но что он мог поделаться, если дежурить все равно кому-то надо.

Сквозь стекла будки просматривался весь причал. На нем - где лагом, то есть бортом, где кормой - стояли "Альбатросы", дальше - тральщики со своими уродливо торчащими балками, еще какая-то мелюзга. На исчерченном полосками бурунов море покачивался одинокий "Альбатрос", корабль противодивизионного дозора. Он стоял в одиннадцати кабельтовых от берега, в той точке, где не один месяц в свое время отдежурил "Альбатрос" Майгатова. Тысячи раз в этом почти бесцельном стоянии моряки проклинали судьбу, разглядывая город в бинокли, были среди этих проклятий и несколько майгатовских, но теперь, когда службу несли другие, а их полуживому кораблю, скорее всего, суждено было умереть у заводской стенки, что-то защемило в душе. Это не было обычное и довольно странное чувство благодарности к местам, где он страдал, чувство, вызванное ощущением навеки потерянной части жизни. В этом ощущении самым горьким была потеря цели. В училище каждый год он стремился сдать экзамены и перейти на следующий курс, на "Альбатросе", когда он еще плавал, ждал повышения в должности, нового звания. Дождался, получил - и уперся лбом в стену. Ничего светлого впереди уже не маячило. Из десяти кораблей дивизиона на ходу - двое. Так и стоят на смену в точке. Офицеры увольняются под любым предлогом. А стоило заикнуться ему - и Бурыга объявил Майгатова врагом номер один. Гороскопы у них, что ли, не сходятся?..

Тестостерон и эстрадиол... Мужчина и женщина... Адам и Ева...

Что имел в виду Силин? Надо же, настолько пьян был, а проснулся раньше Майгатова и ушел на берег, в город. В прежние времена за такое поведение выгнали бы с флота за двадцать четыре часа, а теперь нянчатся. Как же: человеку до пенсии меньше года! "Да что это я? - попытался успокоить себя Майгатов. - Пусть и вправду дослужит. Все-таки девятнадцать лет жизни на кораблях - не сахар".

Мужчина и женщина. "Шерше ля фам". Предположим, что женщина - это Татьяна. А кто - мужчина?..

И тут Майгатова развернуло на стуле.

- Ну ты представляешь?! - бросил он в лицо лейтенанту.

- Что: комбриг? - встрепенулся тот, оправляя снаряжение с провисшим на ремне пистолетом и пытаясь придать бодрое выражение лицу, но ни первое, ни второе у него толком так и не получилось. - Х-где?

- Да сядь ты! Нету никакого комбрига! Ты представляешь: она же до этого на бербазе служила!..

- Бербазе?

Ну ничего не прорывалось сквозь дрему в коротко стриженную, дыней, голову лейтенанта.

- Ладно, - отмахнулся от него.

Лейтенант и не должен был узнать то, что только что понял Майгатов. Тот, кто вскрывал секретку, должен был сделать слепок с ключей, а незаметнее всего это удастся человеку, который вхож в секретку, как в дом родной. Татьяна его не выдаст из страха потерять жениха. Чертежники могут его знать, а могут и не знать. А вот то, что эта любовь старая, не одного года, а тянется еще с бербазы - вот что скрывалось в химической иносказательности Силина.

Он пошел на бербазу. А дежурный, обрадовавшись этому уходу, сел на единственный стул, который занимал Майгатов, и тут же мгновенно, за секунду глубоко-глубоко заснул...

- Мичманам и сверхсрочникам прибыть в каюту помощника командира! вяло промямлил в

динамики трансляции дежурный по кораблю.

Традиционно выждал пяток минут, просигналил коротким звонком, вновь призывая всех на "Альбатросе" к вниманию, и еще более вяло повторил команду.

Майгатов прослушал его и подумал, что, наверное, в любом дежурстве есть нечто такое, что сразу, с первой минуты, делает человека усталым и бесчувственным, будто какой вирус живет в дежурках.

Если быть точным, то и объявивший команду молоденький мичман с заостренным, пацанячьим личиком, обязан явиться в каюту. Но Майгатов разрешил ему не приходить. Он здесь не требовался. Похититель был среди остальных шести.

Первым пришлепал фельдшер-санинструктор с испуганным лицом. Он не первый год служил на флоте и твердо знал, что любой вызов - этот или раздолбон, или новое неинтересное поручение. После него появились мичманы-ветераны. Связист, как самый старший из всех, сел на единственный стул в каюте и смотрел на Майгатова так, будто это он его вызвал, а не наоборот. Артиллерист пристроился у рукомоЙника и влюбленно рассматривал свои седины в зеркале. Старший мичман Жбанский вошел чуть ли не строевым, что, впрочем, делал всегда, но уже через минуту, чувствуя, что до начала совещания еще можно расслабиться, завязал с артиллеристом совершенно глупый разговор о погоде, будто и без разговора не ясно было, что в район Севастополя надвигается шторм. Впрочем, ему, как боцману, это было важно: мало ли, могли и швартовые не выдержать нагрузки. Последними пришли два мазаных-перемазаных мичмана-механика. Грязь, масла и солидол, густо лежавшие на их узких, длинных лицах, делали их близнецами, хотя фамилии у них, естественно, были разными.

- Начнем совещание, - прервал все шевеления, разговоры и покашливания Майгатов.

В наступившей тишине стало слышно, как мерно поскрипывает на волне старичок-"Альбатрос". Покачивало ощутимо, но не до мути, и в этом было что-то снотворное, убаюкивающее, так подходящее к тому тону, в котором он хотел провести совещание.

- Вопрос всего один. Но вопрос серьезный. Долго я вас задерживать не буду. Главное, чего я хочу добиться, это сочувствие. То, что сделал один из вас, уже принесло немало бед. Одному матросу это грозит дисбатом, другой... это уже офицер... может не уйти на повышение, третий... В общем, перечислять можно долго.

Мичманы настороженно молчали.

- Прошлой ночью один из вас украл важную вещь. Впрочем, меры, которые я предпринял, сделал эту вещь для заказчика преступления совершенно бесполезной. Понимаете? - спросил он почему-то у одного фельдшера, и тот спиной еще ниже сполз по переборке, чтобы казаться ниже и меньше. - Мне не очень хочется, чтобы весь корабль, вся бригада, весь флот узнали имя грабителя. Очень не хочется. Я знаю, что украденную вещь он еще не вынес с корабля. Поэтому я прошу в течении часа положить ее где-нибудь на видном месте: в кают-компаниИ, в ходовой рубке, хоть на палубу в офицерском коридоре. Где угодно, но положить. Я обещаю, что при любом исходе дела наше ограбление не станет достоянием гласности. Что же касается другого, предыдущего ограбления...

- Что: еще одно? - недовольно пробурчал связист и начальственно насупил брови.

- Да, еще одно, - раздраженно ответил Майгатов. Он страшно не хотел называть слов "секретка", "вахтенный журнал", "радиоприемник", понимая, что грабителю и без них все ясно, а остальные, чтобы, прослушав его, так бы и не поняли, о чем же речь. - Его совершил тот же человек. Из двух пропавших вещей одну нашли. Вторую... Вторую он должен вернуть сам.

Вернуть так, чтобы это было и незаметно, и чтобы отвести угрозу от других, над которыми она сейчас нависла. Вопросы есть?

- Да какие тут могут быть вопросы?! - ответил за всех говорун Жбанский.- Если он среди нас, он все понял...

- Ошибки быть не может? - прохрипел от умывальника седой артиллерист.

- Нет! - резко встал Майгатов и, вспомнив почему-то оценочный метод Силина, отрубил: - На сто один процент точно!

Мичманы молча разбрелись по кораблю.

Майгатов послушал тишину, обрушившуюся на каюту, словно из нее шепотом могли дотечь до слуха мысли грабителя, самые яростные, самые резкие мысли из тех, что думались в шести таких разных головах. И вдруг понял, что только его отсутствие здесь, на корабле, усилит просьбу.

Он сошел на причал, согнулся под тяжестью северного ветра и пошел в будку, чтобы в очередной раз одним своим приходом перепугать сонного дежурного...

- Товарищ старший лейтенант! - ворвался в будку курносый матросик.

Майгатов, которого за полчаса сидения тоже сморил вирус дежурного сна, медленно повернулся на крик и ему стало не по себе.

До того этот матросик походил на Абунина, что заняла душа.

- Что случилось?

Матросик шагнул ближе и оказался ростом чуть повыше, чем Абунин. И это сразу принесло облегчение.

- Ну, что такое?

- Вас командир вызывает.

- А зачем? - спросил Майгатов о том, что почти никто из посылаемых за вызовом не знает.

Но сейчас он чувствовал. Он ждал.

- Командир сказал, что в ходовой рубке, на командирском кресле, матрос-приборщик что-то нашел...

Ай да Силин! Ай да химик! Только где ж он сам запропастился?

8

Севастополь был тяжело болен. На подернутой патиной, обсыпающейся штукатурке зданий, на проржавевших, в кровавых каплях сурика, палубах кораблей, на усталых, изможденных лицах людей лежала страшная печать. Казалось, уже никого не радовало по-южному щедрое солнце, сочный, пропахший водорослями ветер. Знакомое на глазах становилось чужим, новое удивляло, но не радовало. В городе словно бы ставили грустный-прегрустный спектакль, и все люди в нем не просто пытались вжиться в свои роли, а еще и делали это с недюжинным талантом.

После маленького, провинциального Новочеркаска большой, раскинувшийся на семи бухтах Севастополь вовсе не казался Майгатову в его училищные годы провинциальным. Огромным

белым лайнером город плыл в будущее и, когда один за другим отказали все двигатели, и вдруг оказалось, что помощи ждать не откуда, он замер старой израненной глыбой и молча слушал, как все громче и громче хлещет в открытые кингстоны гибельная вода.

Город пытался спастись. Город авралил митингами и сходками. Небо становилось красным от флагов на площади Нахимова, а мегафоны вбрасывали в воздух столько хлестких, никогда прежде не слышанных фраз, что им становилось тесно и они сливались в сплошной истошный вопль о спасении.

Сойдя с троллейбуса, еле продравшегося через море митингующих, Майгатов вслушался в голоса.

- Украинские оккупанты - вон из Крыма! - призывал невидимый отсюда оратор.
- Беловежских зубров - под суд! - перебивал его другой, уже с дальнего края митинга.
- Черноморский флот всегда был русским! - задавливал их самый мощный мегафон площади.

В лозунгах угадывалось что-то очень знакомое и, поднапрягнув память, Майгатов мысленно увидел недавно прочитанные эти же слова на бетонных заборах вдоль железнодорожного пути из Симферополя в Севастополь. Минут двадцать назад он вернулся из столицы Крыма. К сожалению, пассажирские составы из Севастополя в Донецк не ходили, и передать деньги сестре он мог только симферопольским поездом. Проводница была знакомой, она привычно взяла у него конверт, сунула в карман юбки "чаевые" в купонах и посоветовала не волноваться. Доллары он отправлял и сестре, и матери одновременно, попросив в письме, чтоб уж в Новочеркасск сестра передала сама. Судя по всему, денег им могло хватить на полгода, а то и больше. Но это была, скорее всего, последняя удача, и вряд ли в ближайшее время он мог бы их обрадовать с такой же силой. Корабли на боевую службу уже не отправляли, а без нее флотская зарплата походила на крохи для прокорма воробьев. Да и давали ее с такими задержками, словно ждали, не перемрут ли воробьи.

- Вот ты какого мнения: должны мы принимать участие в голосовании? вывел Майгатова из задумчивости чей-то голос.

Повернулся влево и наткнулся взглядом на невысокого седого мужичка, судя по стоптанным черным офицерским туфлям - явно отставника.

- Голосовании?

- Ну конечно! В российскую Думу! Севастополь же - русский город!

Опьянение митингом плескалось в его маленьких серых глазках. Наверное, после часа стояния на площади и у Майгатова стали бы такими же глаза, но сейчас, в холодной задумчивости, он не разделял горячности отставника и, ожегшись о нее, отступил, сказав что-то типа: разрешат - пойдем голосовать.

Тут по митингу прокатился разрыв аплодисментов, и мужичок тоже стал хлопать, не жалея ладоней. Майгатов его больше не интересовал, и это освобождало от стояния рядом с ним.

К тому же вечерело, а он еще хотел найти на Приморском бульваре художника. Здесь, конечно, был не Арбат, но несколько сносных мастеров, способных нарисовать нос похожим на нос, сидели на штатных местах в ожидании столь редких теперь отдыхающих.

Он просмотрел их портретные работы, выбрал, наверное, не самого лучшего, но зато самого реалистичного, работающего под Шилова, и, поздоровавшись, спросил:

- Сможете нарисовать портрет человека, которого никогда не видели?

- Придумать, что ли? - не понял парень и отбросил с глаз наверх гигантский пепельно-серый чуб.

У него поллица занимали синие, заполненные какой-то невыразимой тоской глаза.

- Понимаете, я буду рассказывать приметы человека, а вы его по этим приметам...

- Так это вы бы проще сделали. Обратитесь в милицию. У них есть специальные компьютерные программы для фотороботов.

- Н-нет, не хочу, - почему-то вспомнив худого милиционера-стукача с рынка, проговорил Майгатов. - Мне нужен живой портрет.

Парень посмотрел за спину Майгатову, и он, обернувшись и пытаясь найти адресата этого взгляда, увидел буро-красное, как загустевшая кровь, солнце, которое мощный пресс свинцовых облаков вдавливал в море.

- Освещение - не очень, - попытался он найти еще один весомый аргумент.

На этюдник поверх черных кусков угля и рыжих трубочек сангины легли две зеленые бумажки. Ветер попытался схватить их своей лапицей и отбросить к митингу, но Майгатов успел прервать полет. Он быстро придавил доллары черными кусочками углей. Парень безразлично посмотрел на деньги, потом - на ряд скучающих напротив него художников и молча стал закреплять канцелярскими скрепками прямоугольник белой бумаги.

- У него лицо какое: круглое, квадратное, овальное? - так безучастно спросил он, будто как раз форма лица его интересовала менее всего.

- Ну-у,.. овальное скорее, - споткнулся на первом же вопросе Майгатов.

Уголек заскользил по бумаге, уничтожая самую совершенную картину на земле - картину нетронутой белизны...

Когда минут через сорок, в уже густеющих, растекающихся по аллеям бульвара сумерках парень по привычке оставил автограф под портретом, у Майгатова было ощущение, что это он сам рисовал. До того он взмок и устал от бесконечных вопросов и мягких, но колких упреков. Зато он впервые узнал, что количество овалов лица у мужчин почему-то больше, чем у женщин, а по видам носов женщины дают уже почти двойную фору мужчинам, что морщины бывают не только лобные, височные, щечные, ротовые и носогубные, но и козелковые (на верхних скулах), что у одного только носа столько элементов, а у каждого элемента столько типов, видов и вариаций, что, наверное, хватит на десяток докторских диссертаций по проблемам создания фотороботов.

Скрепки под ногтями парня освободили деревянное тело этюдника, лист упал, но художник ловким, отработанным движением подхватил его. Подержал на вытянутых руках перед собой, поморщил переносицу и спокойно так сказал:

- А я его видел.

- Где?! - еле сдержался, чтобы не вскочить.

- Там, где ты сидишь.

- Шутишь? - не поверил Майгатов.

Парень раздражал его с самого начала разговора. Раздражал дурацким огромным чубом, который вполне можно было подрезать и не мучаться, постоянно забрасывая его с глаз наверх, раздражал нескрываемым неприятием его, как клиента, раздражал неторопливой манерой рисования, раздражал даже тембром голоса, вялым, бесцветным, без малейшей военной нотки. И сейчас, после дурацкой шутки, это раздражение могло превысить все пределы.

- Знаешь что?! - рванул он у него портрет из рук.

Хорошо, что пальцы у парня оказались такими же вялыми, как голос. Иначе разорвали б они портрет.

- Я не вру. Он на твоём месте сидел. На нём ветровка. Серая такая, румынская, - на недоуменный взгляд Майгатова: "Как - ты ещё и по цвету одежды можешь и страну-производителя определять?" тут же отреагировал: - Я такие у нас на толчке видел. Хотел купить, но денег не хватило, - и посмотрел на два доллара, до сих пор лежащих под грузом угольков на этюднике и шевелящихся под ветром краями, как пойманная рыба.

- Не путаешь?

- Нет... Запоминать - профессиональная привычка. Знаешь, он ведь не только ко мне подсаживался... Картину показывал. Дурацкую такую: море, чайки, корабль. В общем, кич, халтура... Спрашивал все, за сколько её можно продать. Я так прямо и сказал: за неё одного купона дать жалко...

- А он?

- Ну что он?.. Расстроился. Разломал раму, холст разорвал, вон в ту урну сунул...

Вскочил Майгатов.

- Да не ищи ты её там. Мы ещё тем вечером урну подожгли. Ради хохмы. Здорово горело. Наверное, кич всегда здорово горит, - сказал он со злорадством художника-реалиста по отношению к художникам всех других направлений.

- Может, огарки?

- Не-е, вчера мусорка все объехала. Чистота.

- А человек этот... Он больше ничего не говорил?

- М-м, нет. А чего ему было передо мной распинаться? Биография его меня не интересовала...

- А ушел он куда?

- Кажется, в ту сторону, - показал на башню горисполкома с развевающимися над ней желто-синим украинским и красно-бело-синим крымским флагами. - По улице Ленина...

Мог бы вообще ничего не говорить. Адрес "По улице Ленина" ничем не лучше, чем "На деревню дедушке". Улица Ленина, бывшая Екатерининская, была самой длинной составляющей из трех, образующих так называемое "Большое кольцо" в центре Севастополя. Начиналась она от бурлящей сейчас митингом площади Нахимова и тянулась над Южной бухтой до самого Матросского клуба, до площади Ушакова, на которой он впервые в своей жизни увидел живых рэкетиров. По бесчисленным переулкам, ручейками впадающих в улицу Ленина, можно было попасть и в жилые кварталы Главного холма, и подняться к массивному белоснежному зданию штаба флота, и спуститься на Минную и Телефонную стенки, у

причалов которых стояли десятки кораблей и судов. Наконец, по пути ждало столько троллейбусных остановок, что любая из них могла изменить его маршрут.

—

9

Такие брови он видел впервые. Из каждой из них можно было сделать клумбу, прополоть, подстричь, и все равно они казались бы чудовищно большими.

- Чего надо? - хрипло спросили брови и закашлялись.

- Здравствуйте. У меня серьезный разговор...

Брови пошевелились, недовольно сблизились и, словно пошептавшись наедине, впустили его в квартиру.

- Заходи, раз серьезный.

Подчиняясь кивку бровей, Майгатов прошел на кухню и сел за стол с пластиковой крышкой, которая когда-то давно, еще при рождении в цехе химзавода, была белее снега, но после нескольких лет жизни в этой насквозь пропахшей сивухой квартире приобрела буро-серый цвет лица хозяина.

А тот прошаркал в угол, к газовой плите, закрываясь спиной, что-то пошурудил и сконфуженно обернулся:

- Был бы ты мент, я б с тобой и разговаривать не стал. Уже раз пять... или шесть... а, может, и больше с ними стычку имел. Соседи, гады, закладывают, шо я самогон гоню. Скоко аппаратов позабирали! Я ж с принципа государеву водку не пью. Токо самогон. Года с шестидесятого... А они моих принципов не принимают. На Корабелке когда жил, то соседи лучше были. Я их пользовал, они меня и не клали. А тут, в Стрелецкой, как квартиру получил, так с соседями уже труба... Интеллигенция, понимаешь... Не нравится им пролетарский запах... Тебе налить?

- Чуть-чуть, - сказал наперекор себе, потому что почувствовал: откажешься - вылетишь из квартиры. А если не вылетишь, то все равно толку не будет. Хозяин был из разряда тех работяг, что отказ от предложения выпить воспринимали как выражение презрения к нему, пролетарию. Полутонов такие люди не замечали, и весь мир в их сознании делился на друзей и врагов, на хороших и плохих, на белое и черное. Все новое, встречающееся им на пути, они тут же пытались отнести или к одной категории, или к другой. Попади в разряд врагов - и другом уже никогда не станешь.

Хозяин с наслаждением человека, потребляющего собственное произведение, громко выглотал полстакана мутной жидкости, бдительно проследил за тем, чтобы гость сделал то же и вроде бы небрежно спросил:

- Ну как?

- Сильная вещь, - еле сдержался, чтобы не вырвать.

- И я так считаю... А Леха грит: пойло ты, батя, гонишь. Ну чо он опять натворил?

- Леха-то? - подвигал по столу пустым стаканом. В голову ударил жар, что-то там скрипнуло, ухнуло, и стены кухни раздвинулись, поползли в стороны. - Какой Леха?

- Так ты не по его душу?

- Нет.

Стены отдалялись причалом. Он уплывал все дальше и дальше в дымку, и только когда раздался звонок в дверь, вспомнил, что он почти не пообедал и совсем не ужинал.

- Ты где шлялась?

- Где надо!

- Ох-ох-ох! Чего психуешь?

- Тебя б обманули - ты б не так психовал...

Майгатов обернулся и увидел вошедшую. Маленький ростик, округлое лицо, тонкие губки, испорченные до невозможности приторно-красной помадой, и брови. Конечно, не такие джунглево-непроходимые и широченные, как у отца, но тоже крупные и тоже самые заметные на всем лице.

- Здрассьти, - обиженно кинула она в сторону Майгатова, которого, наверное, иначе, чем папашиного собутыльника, не воспринимала, и гордо прошла мимо кухни.

- От характер! Вся - в покойную матушку! Та тоже, бывало, как психанет, так потом все тарелки по-новой приходилось покупать...

На сушилке над раковинкой стояли металлические тарелки и слушали грустную историю жизни своих предшественниц.

- Я так думаю, матросик ее на свидание не пришел. Она и психует. Так ты что про Леху хотел сказать?

Стены, кажется, возвращались на прежние места. Но в голове все еще гулял сквозняк, и он опять не понял:

- Какого Леху?

- Фу ты! Я ж с этой козой забыл, что ты не от него пришел!

- А кто такой Леха?

- Это старший мой. Мичманом он на крейсере. Хочет, гад, украинскую присягу принять. Говорит, что у них больше денег платют. А я, хоть и украинец, а его не пускаю. Не верю я во все эти переделы. Шо ж получается: шо Мазепа был умней Хмельницкого? А если умней, то чего ж тогда продул войну?..

Ну что за время! Любой разговор втекает в политику, как реки - в океан.

- Я б тоже запретил... Насчет присяги, - скосил глаза: стена остановилась, уже не плыла, стена сама смотрела на него желтым глазом часов. - Да, уже полдвенадцатого...

- А мы всегда поздно ложимся. Совы мы все. Шо я, шо девка моя, шо...

- Они во сколько приходили?

- Кто? - так поднял брови, что и лоб пропал. Одни сплошные волосы по самые глаза. А глаза - мутные, непонимающие глаза.

- Моряки. Срочной службы. Трое.

Глаза просветлели, стрельнули по погонам.

- Путаешь ты чего-то, старлей... Моряки какие-то... У тебя закурить нету?.. Жаль. Мне вообще-то запретили. Теперь кашляю шо нанятый. Видать, никотин кусками отпадает...

- Я не путаю. В ночь с четверга на пятницу к вам, сюда, приходили трое матросов. Старшина такой высокий, волос - ежиком, второй... ну, нагловатенький, приклатненный, а третий - азиат. Вспомнили?

Брови опали, открыв узкий лоб, глубоко пропаханный морщинами. Брови очень хотели закрыть глаза, потому что только глаза выдавали правду.

- Ну что?

- Давай еще по пять капель. У меня сегодня очистка мировая.

Глаза хотели отвернуться, но Майгатов не дал им этого сделать.

- Их посадят. Из-за тебя, - грубо перешел он на "ты" с незнакомым человеком. - Понимаешь?

- Ты меня, старлей, на пушку не бери! Я в свое время четыре года с лишком на эсминце отбухал и знаю, что ты на кого-то компромат собираешь. Но я тебе, как бывший главстаршина, скажу: ничего я не знаю...

- Тогда их точно посадят. Старшине лет пять светит, - придумал срок от балды, потому что за все время дознания так и не посмотрел в уголовный кодекс, сколько же дают по статье за кражу.

- Это неправда! - ворвалась в кухню дочка хозяина. - Купцов ничего плохого не мог сделать! Он - хороший!

- Уйди! - заорал мужик и вдруг яростно, надсадно закашлялся.

- Где Купцов?! Что вы с ним сделали?!

Кажется, от этой хрупкой девочки впору было защищаться в закрытой стойке. Он и сам не заметил, как вскочил и теперь стоял, вжимаясь в стену и глядя на горящие под шапками бровей зеленые-зеленые глаза.

- Ничего еще не произошло. Но если вы и дальше будете играть в партизанов на допросе, то вашего Купцова...

- Где он?

- На гауптвахте. Его подозревают в ограблении секретной части дивизиона. Вместе с сообщниками... теми двумя...

Девчонка безвольно упала на стул.

- А я, дура, психовала, что он на свидание не пришел.

Мужик еле справился с кашлем, запил его из-под крана глотками холодной воды, вытер губы, словно освобождая их для других, еще не слыханных сегодня слов, и в упор спросил:

- А ты чего за них так волнуешься?

- Я веду... то есть вел дознание. Это у нас как следствие. Меня отстранили, потому что я не верю, что ограбили моряки. Чтобы их спасти, нужно алиби. Оно - у вас... В ночь с четверга на

пятницу матросы были здесь?

- Были! Были! - вскочила девчонка.

- Ты шо городишь?! - яростно задвигались брови. - Их же хотят в самоволке застукать!

- За самоволку ваш Купцов получит ерундовое наказание. Может, всего лишь звания старшины лишат и вернут из чертежки на корабль. А так - зона, роба и передачи со свободы...

- Они вечером пришли. Втроем. С цветами, - заторопилась девчонка, будто хотела наверстать время, упущенное в минуты их упорства.

- День рождения был. У нее, - подтвердил мужик.

- Да - цветы. И еще торт. И три бутылки вина...

- Я этот компот массандровский из принципа не пью.

- Не перебивай!.. Мы гуляли долго. Очень долго.

- Точно - до трех ночи. Потом этого низкого и азиата я положил на кухне спать. А дочка с этим... Купцовым...

- Папа! Что ты городишь?! У нас ничего не было! Он вообще... этот Купцов... Он такой скромный, такой хороший. Как игрушка-медвежонок. Он и заикается потому, что скромный.

- Во сколько они ушли? - спросил уставший от их перепалок Майгатов.

- Пять... ну, пять утра с копейками. У меня будильник - зверь. Когда звонит - весь подъезд просыпается. Может, в музей его какой сдать?

Стены не качались, но в голове было пусто-пусто. Оттуда словно выкачали все мысли, и Майгатов даже не знал, что же еще сказать. А ведь о чем-то важном хотел спросить. Хотя, может, и не такое уж оно важное, раз забыл.

- Я вас очень попрошу: расскажите это все, без утайки, командиру бригады. Лучше даже, если опишете это на бумаге. Другого способа спасти Купцова я не вижу...

Правый глаз девчонки на упоминание фамилии Купцова отозвался крупной, быстрой слезой. Она скользнула по щеке и сочно капнула на белую блузку.

- Мне пора, - опять посмотрел на часы, где стрелки все сильнее сжимали ножнички у самого верхнего деления. Почти полночь.

И вдруг вспомнил. Может, потому, что и тогда художник ссылался на позднее время, отказываясь рисовать.

- А он... Купцов... Он говорил, откуда у них деньги, чтобы цветы, вино и вообще?

- Конечно, - стерла девчонка холодный след от слезы. - Купцов такой талантливый. У него какой-то человек купил картину. Красивую такую. У меня одна похожая есть. Идемте.

Она провела его в единственную комнату их квартиры, которая служила и гостиной, и спальней, и всем остальным сразу. Скорее всего, это была ее территория. Настолько комната выглядела чистенькой и ухоженной. Папаша, видимо, вполне удовлетворялся кухней, которую он уже давным-давно превратил в нечто среднее между кабинетом и мастерской, и где больше ставили эксперименты со змеевиком, угольными фильтрами, дрожжами и

сахаром, чем питались.

- Вот, - показала она на стену над диваном, усеянным подушками, подушечками и подусюнечками.

В белой прямоугольной раме плескалось нечто ярко синее. Море, корабль, чайки. Как сказал бы художник с Примбуля, - кич, халтура. Хотя отсюда, с пяти метров дистанции, в тусклом свете единственной лампочки бра, картина смотрелась не хуже штормовых полотен Айвазовского.

- Об этом можете не говорить, - разрешил Майгатов. - А то еще одну самоволку пришьют.

Он уже собрался уходить, как в двери его остановил еще более охрипший после потерзавшего его кашля мужчина:

- Вы чей-то портрет забыли.

Майгатов принял из его рук портрет Зубарева, свернул ватман в трубочку, почувствовал желание сказать, что из-за этого человека у их знакомых и начались все невзгоды, но все-таки сдержался.

- А Купцов все-таки хороший парень, - оставил он свою последнюю фразу девчонке.

Та в ответ только покраснела.

10

Троллейбусы уже не ходили. Впрочем, прогнать их с севастопольских улиц могло не только позднее время, а и штормовой ветер, который дул со стороны Стрелецкой бухты по проспекту Гагарина с такой силой, будто у берега стоял огромный вентилятор и гнал обжигающий, пропахший йодом и водорослями ветер вдоль съезжившихся пятиэтажек.

Флотская тужурка спасти от такого ледяного потока не могла, но хоть как-то прикрывала, а вот треугольник на груди, где кремовая рубашка и черный галстук казались тоньше марли, приходилось защищать ладонью. Кожа на кисти онемела. Но сменить ее Майгатов не догадывался, потому что вторая рука была занята самой летучей частью флотской экипировки - фуражкой. А, может, просто не было времени думать о такой ерунде, когда голова опухала от других мыслей.

Где искать Зубарева? Он может жить в гостинице, а может пойти к кому-нибудь на квартиру. А если гостиница, то сколько их в Севастополе? Первый раз сосчитал - получилось семь. Второй раз - восемь. А, может, и больше десятка. Ведь он считал те, в которых есть рестораны. И сколько он потеряет времени на их объезд? И отпустят ли его, если, а он вряд ли ошибается, уже объявлено штормовое предупреждение? И не похоже ли все, что с ним происходило в последние месяцы, на штормовое предупреждение?

Размеренная корабельная жизнь закончилась. Было в ней все: и хорошее, и плохое. И часами награждали, и в должности повышали, но могли по глупости, по флотской дубовости и наказать. Всего хватало, но жизнь текла и направление этого потока он видел. Потом лег туман, скрыл поток, и он ощутил что-то похожее на отчаяние. Как-то быстро всем стало все до лампочки, все занялись собой, забыв об общем. Одни находили спасение в "бизнесе", другие - в водке, третьи - в бездельи. Офицеры косяком потянулись со ставшего ничейным флота на "гражданку". Майгатов тоже дрогнул. Он знал, что в один, возможно, вот такой же штормовой, день возьмет лист бумаги и выведет на нем слово "Рапорт" - и все кончится. Но он не знал, когда наступит этот день. И не поторопят ли его события...

Желтое - черное. Черное - желтое. Фонари по проспекту горели редко. Они больше ходили

на зубы, оставшиеся на последние дни у старушки, чем на фонари, - так круто были они прорежены: где после точного залпа из рогатки, где после удара каменюкой, где после того, как оказалось, что нечем заменить испутившую дух лампочку. Он шел то по желтому пятну, то по черной вязкой мути, где земля только угадывалась, и, спотыкаясь, смотрел не под ноги, а вперед, на следующее спасительное желтое пятно. Так идет на свет маяка в штормящем океане одинокий корабль.

- ...ги-ги! - обрезал ветер чье-то слово.

Невольно обернулся. По пустому желтому пятну неслись ошалевшие от ветра мертвые листья, обрывки бумаги, полиэтиленовых пакетов.

- ...ги-и-и! - опять невидимым лезвием обрезал ветер слово.

Он посмотрел на пятно перед собой и вдруг догадался, что звук все-таки доносится сзади. Иначе бы ветер не смог его искромсать. Майгатов уже хотел вновь обернуться, но тут увидел человека. Он был справа от него. Как говорят моряки - на траверзе правого борта. Человек шел от подъезда пятиэтажки и призывно махал рукой.

- Командир, помоги! - наконец-то добросил он свою фразу до уха Майгатова. - Надо холодильник на пятый этаж затащить. Я его уже полдня из мастерской прю. Пока машину искал, стемнело. А соседи - сплошные хлипаки.

Он подошел ближе, и Майгатов еле рассмотрел, что мужчина протянул руку. Здороваясь, ощутил крепкую мозолистую ладонь. "С такими руками сам бы допер," - мысленно попрекнул его.

- Только давай побыстрее. Я спешу на корабль.

- Сам - флотский. Понимаю. Три минуты всех делов...

Он проводником пошел впереди. Из редких окон на улицу ложился свет, и в его робком мутном потоке Майгатов наконец-то рассмотрел, что и ростом незнакомец не обижен.

- Прямо здесь стоит. На площадке, - шагнул он под бетонный козырек навеса.

Майгатов последовал за ним в черный зев подъезда, ощущая даже какое-то облегчение. Хоть на время не нужно было сгибаться под ледяным ветром. Он отнял от груди занемевшую, ставшую каменной ладонь и упал на бок.

Левая рука, выронив фуражку, успела погасить удар о что-то твердое, но тьма навалилась на Майгатова, бурно сопя и пытаясь ухватить за шею. Он не хотел поверить, что его сбил мужчина, просивший о помощи, и, барахтаясь под чьим-то тяжелым, пахнущим едким потом, телом, просто не знал, как его назвать.

- Дава-вай... сюд-да, - прохрипела тьма.

В черноте подъезда гулко отдались чьи-то быстрые шаги, и знакомый, ну очень знакомый голос спросил:

- Готов?

- Глушанул я его. Держи за ноги. Да нет! То мои... Да, там... Держи, а я додушу...

Все-таки это был мужчина, за которым он вошел в подъезд. Только здесь, внизу, впечатление от него было резко изменено запахом пота и чеснока, которым тот обдавал его из распахнутой глотки.

Может, Майгатову и стоило закричать. Но вряд ли от этого открылась бы хоть одна дверь. А так, в молчании, когда нападавшие не знали, потерял он сознание или нет, он вдруг ощутил свое преимущество. Пока первый из бандитов выискивал в темноте его шею, чтобы сомкнуть на ней уже прочувствованные Майгатовым мозолистые пальцы, а второй все давил и давил на ноги во все такой же непроницаемой, густо-черной темноте, он определил по чесночному духу рот и сложенными в щепоть тремя пальцами свободной левой руки ткнул левее и чуть выше предполагаемого рта. Что-то мягкое и мокрое обволокло ногти и подушечки пальцев.

- А-а-а! - звериным рыком вскинулась тьма. - Убил!

- Что? Ты что? - захрипел шепотом его напарник. - Не ори.

- Глаз. Он... глаз выколол, - и бабахнул дверью, вылетев на улицу.

Рукой Майгатов попытался оттолкнуться от пола, чтобы сесть, но тьма опять навалилась на него. Она стала еще тяжелее. Только разило от нее не потом, а одеколоном. И была она ловчее. Потому что удавью хватку пальцев на своей шее он ощутил тут же. Отчаянно махнул кулаком в тьму и ни во что не попал. Впился ногтями в шерсть свитера на руках бандита и вдруг почувствовал, что слабеет.

Еле высвободившейся правой ногой он лягал во что-то мягкое, но лягал с каждой секундой все слабее и слабее. Все вокруг становилось ему безразличным. Душат - ну и пусть душат. Темнота побеждала его, всасывала в свою густую болотную жижу, а он уже и сам хотел в нее попасть и не понимал, чему и зачем все еще сопротивляются глупые руки. Темнота плотной ватой забила уши, и он уснул...

- Пф-ф-фру! От зараза!

Лошадь, что ли, фыркает возле уха? И почему идет дождь?

- Пф-ф-фру!

Ну и вонища от лошади! Из реки с вином она, что ли, вынырнула?

- Пф-ф-фру! Ну давай, давай! - ударила лошадь копытами по щекам.

- Не н-надо, - "Ну и голос у меня!" - Лошадь, не н-надо...

- Сам ты - лошадь. Я - химик.

Он столько всего видел в жизни, но лошадей-химиков - ни разу. И от этого сразу открыл глаза.

Прямо в лицо ему дышал перегаром Силин.

- Ты... ты... г-гад! - вдруг вспомнил тьму и попытался ударить химика, но тот ловко увернулся и сам еще раз хлестнул его по щеке.

- Я!.. Это - я!.. А душил тебя - он! - и показал в дальний угол площадки, где головой к обитой коричневым дерматином двери лежал Жбанский.

- Боцман? - удивился Майгатов и тут вспомнил голос бандита, державшего его за ноги, а потом... - Это он был, его голос...

- А ты думал, мой?

- Второй. Там еще один. Он...

- Не дергайся! Он уже сбежал. Ты ж ему глаз вырвал. Можно сказать, сделал еще одного адмирала Нельсона. Только в мичманских погонах...

Злой порыв ветра ударил во фрамугу на площадке и чуть не вырвал ее. Но где-то выше, может быть, даже на самом последнем, пятом, этаже, фрамуги не было, и оттуда слышался непрерывный, нудный гул, прорежаемый змеиным шипением ветра в еще не обсыпавшихся до конца, до голых ветвей, кронах каштанов, тополей и акаций.

- Откуда... это? - слабой рукой показал на желтую, засиженную мухами грушу лампочки.

- А-а, свет! - понял Силин. - Всего лишь рубильник включил. Они подъезд обесточили перед самым твоим приходом. Электричество, значит, сэкономили. На Украине с этим проблемы...

Жбанский лежал трупом, и Майгатову стало страшно.

- А он... не того... ну...

- Дышит. Не боись. Я его - нектаром...

- Чем-чем? - он пытался встать, но это получалось так плохо, словно он лежал не на площадке одного из этажей, а на палубе штормящего, кидаемого с борта на борт "Альбатроса".

- Смотри, - показал Силин полбутылки с острыми, зубчатыми краями. "Старый нектар". Шестнадцать градусов и шестнадцать процентов сахара. Крымсовхозвинпром. С ног сшибает. А если бутылкой да по затылку, то вообще эффект на мировом уровне.

Наконец-то сел. Лицо почему-то было мокрым. Рукой он провел по щекам и по лбу и неприятно, брезгливо ощутил, что ладони стали липкими, будто обмакнул он их в сироп. Только от сиропа несло винищем. Наконец-то он понял, что же за дождь поливал его лицо. Шея болела так, точно ее перепилили, а потом приклеяли. Не было тяжелее испытания, чем сделать глоток. А нужно было еще и говорить.

- Ты здесь - как?

- Химичил, - улыбнулся Силин.

- В смысле?

- Следил я, помоха, за Жбанским. Он же тебя угрохать решил. Это я нюхом учуял.

- Нюхом? - удивился приходящий в себя Майгатов.

- Конечно. Ты же их, мичманов, в каюте собирал? Собирал. Сказал, что знаешь грабителя? Сказал. Ну вот он со страху в штаны и наложил. Кретин какой-то - решил ограбление убийством замести. Может, у него с мозгами чего?

- Силин, а как ты его... ну, говоришь, учуял?

- Ну как? Носом? Вот так же точно, как сейчас чую, что от тебя несет изопреном и феромоном.

- Чем?

- Даю сноску. Первое: в испарениях человека, то есть в поте, - более трехсот веществ. Одно из самых пахнущих - изопрен. А из-под мышек сильнее всего несет феромоном. Кстати, такую же гадость выделяет трюфель. Знаешь, такой гриб есть? Деликатес...

Химическое всезнайство Силина сейчас уже не раздражало. Оно, скорее, радовало, как может радовать глоток воды в раскаленной пустыне после дня пути. Да и лицо Силина казалось менее пропитым, а мешки под глазами - не такими пухлыми. И перегар воспринимался лучше аромата духов.

- А его ты как... вычислил? Тоже по запаху?

- Не смейся, помоха, но все-таки - по запаху.

- Интересно-интересно, - пощупал шею, проверяя, а есть ли она вообще на месте.

- Я в пятницу после обеда уловил от боцмана необычное амбрэ. Такого одеколona и такой туалетной воды он никогда не использовал. Это был запах молекулы...

- Силин, давай без формул! Я в них все равно ничего не понимаю...

Химик обернулся к Жбанскому, оценил его все еще бледное, безжизненное лицо и продолжил:

- Ладно. В общем, я проследил за ним и увидел, что он пудрит лоб.

Взмахом руки Майгатов прервал его.

- Дурак я! Он же прическу изменил. Чуб - на глаза. И на КПП тогда фуражку на переносицу опускал - чтоб я ничего не увидел... И тампон...

- Ну да... Так вот: потом я узнал про ограбление дивизионной секретки и сходил туда. Дурачком прикинулся. Вроде бы как за документами приперся. И глазомером своим прибрoсил - точно, здесь он врезался лбом...

- Стоп! - не понравилось что-то Майгатову. - А не мог он ушибиться уже потом, после взлома? Ведь он был у меня понятным...

- Нет, помоха, зря ты сомневаешься. Я же сказал: засек его я в пятницу в обед. А ты в бригаде объявился уже после адмиральского часа.

- Ну да, - вспомнил измятое со сна лицо Бурыги. - Точно - после адмиральского часа.

- Это была, если помнишь, уверенность на семьдесят семь и семь десятых процента. Но не на все сто. А я так не люблю. И я подумал: а как он подобрал ключи?

- Слепки, - подсказал Майгатов.

- Правильно. Но - как?.. Ты видел эту крошку?

- Секретчицу?

- Да.

- Что ты глупости спрашиваешь? Конечно, видел...

- Понимаешь, можно видеть и как бы не видеть. Я в нее всмотрелся. Баба, конечно, аппетитная, но... на любителя. Вряд ли у нее могло быть много ухажеров. И я разведал ее прошлое.

- На бербазе, - сухо добавил Майгатов. - Я тоже знал, что там вместе в ней служили Жбанский и наш фельдшер-сверхсрочник, но мало знать... Я по рассказам тех, кто их еще помнил, понял, что оба ухлестывали за ней. Все-таки дам на бербазе не так уж много, и в

основном - замужние. А тут холостячка, да еще такая дородная. Но, знаешь, я подумал, что все-таки настоящий роман у нее был с фельдшером...

- А почему - с фельдшером?

- Ну, понимаешь, он там дольше служил, еще срочную, а Жбанский - всего полгода. И уже был мичманом... Я их когда в каюте собрал, то на фельдшера и думал. А когда вахтенный журнал подкинули...

- Какой журнал? - не понял Силин.

Майгатов обиделся на себя за болтливость, и обида неудобно, как кость в горле, постояла в душе. Наверное, он бы не стал рассказывать о секретке "Альбатроса" тому Силину, которого он знал до этой сцены, но от нового Силина, который стоял напротив и так же, как он, потирал шею, он не мог утаить.

- Он же и в нашу секретку залезал.

- Шпион, что ли?

- Скорее, дурак, - и посмотрел на бесчувственное лицо Жбанского. - Так вот: когда журнал уже подкинули, и можно было успокоиться, я вдруг вспомнил, что секретчик, чуть-чуть не успевший за грабителем, слышал стук ботинок...

- Так почти все же...

- Да, почти все ходят в тропических сандалиях, - досказал Майгатов. А ботинки обувают или в город, или на дежурство...

- И что из этого?

- А то, что его поставили дежурным по КПП. На подмену. После того, как Бурьга предыдущего дежурного за сон снял. И Перепаденко, вахтенный на юте, когда я спрашивал, кто на борту был, о Жбанском не подумал. Ведь он пришел на пять минут и тут же сошел на дежурство.

Словно в подтверждение этих слов, Жбанский застонал и по-лошадиному лягнул ногой воздух.

- Тренируется, гад, - прокомментировал Силин. - Одолеем его вдвоем, если что, или, на всякий случай, связать ему руки?

- Не надо, - Майгатову не хотелось, чтобы кто-то попал в его шкуру поверженного.

Тяжелые веки Жбанского всплыли ко лбу, открыли мутные глаза. Рука ощупала затылок. Он вплотную, чуть ли не как близорукий, осмотрел побывавшие в волосах пальцы, и кровь разъярила его.

- Суки! - кинул он в их сторону из-под черного козырька усов. - Убить же могли!

- А ты здесь, в подъезде, что: в песочницу игрался? - с такой злостью сказал Силин, что Майгатов даже не поверил, что это произнес пьяница-добряк Силин.

И он скосил глаза, чтобы развеять свои сомнения, но Силина не увидел. Вместо его долговязой фигуры в необъятном засаленном кителе перед Майгатовым качалась широченная спина в черном, как траурный креп, свитере. Когда Жбанский вскочил и как это получилось у него настолько беззвучно, Майгатов не понял. Он ухватился за потертый, в насечках от перочинного ножичка, пластиковый брус перил, подтянулся, встал и только тут увидел,

почему молчит Силин. Жбанский душил его. На почерневшем лице Силина беззвучно шевелились губы, но никак не могли рассказать Майгатову о том, что произошло.

Он не помнил, почему ударил именно по почкам. Наверное, по измазанному кровью затылку было бы больнее, но то ли с боксерских лет усвоил, что нельзя бить по затылку, то ли брезгливость вызывал у него этот буро-красный сгусток в сплевшихся черных волосах, но удар пришелся в почки. Жбанский охнул, как от испуга, и осел. Руки Силина, сразу почему-то ставшие сильными, оттолкнули боцмана в угол, на старое место.

- Я же го... го... гов-ворил... руки ему... связать...

- Ты - дурак, Жбанский, - сверху вниз сказал Майгатов. - Чего ты дергаешься? Все улики - против тебя...

- Хрен вам, а не улики, - с закрытыми глазами прохрипел тот, лежа в уже привычном углу. - Нет у вас ничего против меня! Приемник найден, деньги Танька завтра в ящике откопает.

- А сломанный ключ? - нанес решающий удар и почувствовал, что от вопроса больше всего напрягся Силин, который ничего об этом ключе не знал.

- Что: Анфимова хочешь притоптать? Ты ж ему сам пообещал, что не заложишь, - открыл глаза и обжег презрительным взглядом.

Перекоробило от фамильярного "ты", от наглости, которой за болтуном Жбанским никогда раньше не замечал, от брезгливого выражения лица. Что так изменило его, что искорежило? И вдруг понял.

- Сколько он тебе заплатил?

- Военная тайна.

- Ты - о чем? - влез Силин.

Рука пошарила в нагрудном кармане. Лежит. Сплющенный, из трубочки превратившийся в гармошку, но лежит. Достал и, развернув, сунул к лицу Жбанского.

- Узнаешь красавчика?

Долго смотреть Жбанский не смог. Отвел глаза, будто не выдержал состязания взглядами со взирающим на него с ватмана очкариком Зубаревым.

- Чего ты мне картинки показываешь?

- Узнал?

- Первый раз вижу, - зло процедил в сторону.

- А отвертка, что ты ему подкинул в каюту, - кивнул на Силина, - тоже, по-твоему, не улика?

- Была б уликой, если б вы на ней мои отпечатки нашли... А так железяка ржавая - и все...

- Слушай, - опять напомнил о своем присутствии Силин, - а зачем ты приемник у Таньки стянул?

- Не брал я его, - все так же не поворачивая головы, словно разговаривая с человеком за обшарпанной дверью, который был ему милее обеих офицеров. - Наверное, чертежники, когда вернулись из самоволки, стянули...

Ссадина на виске у старшины. Майгатов вспомнил ее, и цепочка событий окончательно сложилась. Рассвет. Матросы возвращаются из самовольной отлучки. Увидели открытую секретку и спящего часового. Нагленький морячок с голосом Мамочки предложил украсть приемник. Старшина уперся. Получил удар в висок. В итоге приемник они все-таки забрали. А потом старшина дрогнул. И под видом случайно найденного вернул.

- Это еще доказать надо, - сказал Майгатов совсем не то, о чем подумал. - А доллары?

- Мои это баксы. С похода. Я их Таньке на день рождения подарил.

- Значит, вроде как свое забрал? - съехидничал Силин.

- Да, свое! - крикнул Жбанский, и его голос эхом отдался на верхних этажах. - И мясо, что вашему дураку-фельдшеру на лоб прикладывали, тоже мое. Я ей подарил...

- Ни хрена себе - подарок?! - удивился Силин.

- Это он в доверие входил, - пояснил Майгатов. - Чтоб поймать возможность снять слепки с ключей. Точно?

- Пошли вы... шерлок-холмсы хреновы... Ты мне почки, гад, отбил. Будешь теперь пенсию выплачивать...

- А ты пойдешь, заяви в милицию... Пойди-пойди, - иронично посоветовал Силин. - Может, сразу посадят. За покушение на убийство... Ну и сволочь! Мясо он дарил!.. Я б тебя, боцман, вместе с тем мясом в соляной кислоте...

Попрекать его за горячность Майгатов не стал. Он свернул портрет Зубарева, сунул его на старое место, в теплый нагрудный карман и негромко посоветовал Жбанскому:

- Завтра все это расскажешь Бурыге. Иначе...

- Ничего я никому не буду говорить, - ухмыльнулся одними усами. - И хрен вы до меня теперь дотянетесь! Я вчера украинскую присягу подписал. Служу на другом флоте. Поняли? И вас, гадов, ненавижу!..

11

В поиске иголки в стог сена - масса преимуществ. Во-первых, все происходит в одном месте, и не нужно тратить время и силы на транспортные издержки. Во-вторых, сам процесс предельно прост: берешь по соломинке и перекладываешь на заранее выбранную площадку. В-третьих, твердо знаешь, что рядом с последней соломинкой будет лежать иголка. В-четвертых, учтите полезность нахождения на свежем воздухе, целительный запах скошенных трав. А если поднапрячь мозги, то можно отыскать и пятое, и шестое, и сто шестое преимущество. Но, к сожалению, Майгатов искал не иголку в стог сена, а человека с фамилией Зубарев в более чем трехсоттысячном городе, и при этом даже не был уверен в безупречной точности измятого, заштрихованного линиями сгибов портрета.

Утром, после того, как натрудившийся за ночь ветер опал, штормовое предупреждение по главной базе сняли, на "Альбатросе" отменили боевую готовность номер два, и Майгатов смог сойти на берег. Конечно, у него была куча дел на корабле, но, поскольку все дела на флоте имеют способность никогда не заканчиваться, то уходил он не от дел, а всего лишь от часа их исполнения. Анфимов побряхтел-побряхтел, но отпустил.

Гостиниц оказалось даже больше, чем он думал, - десять. Начал с самой дальней, с Дома межрейсового отдыха в Камышовой бухте.

Дежурный администратор, седая, фельдфебельской стройности и такой же костистости дама, так долго смотрела на портрет, словно запоминала его на всю жизнь. Вернула с кратким пояснением:

- Интеллигентное лицо. У нас такие не живут.

В подтверждение ее многолетних жизненных наблюдений к стеклянному окошечку администратора не просто подошел, а "подгреб" черными клешами, каждая из брючин которых могла бы стать юбкой для администраторши, высокий моряк рыболовецкой флотилии и, не вынимая потухшую "приму" изо рта, попросил:

- Мамуля, ко мне пацанки вечерком завернут. Отдай им мои ключи. А то у меня се-о-о-ня в порту намечаи-ц-ца...

- Не положено! - строго сказала дама, но, скорее всего, сказала только потому, что рядом стоял Майгатов.

Ее отказ явно выпадал из рамок гостиничной морали, потому что потрясенный моряк онемел. На его бугристом, похожем на много раз стиранную, но ни разу не глаженную коричневую рубашу, загорелом лице медленно скапливалась обида, которая, вполне возможно, перешла бы в злость, но Майгатов не стал досматривать сцену. Он поехал в центр, где находились самые дорогие гостиницы, и где вполне могли жить люди с интеллигентными лицами.

"Крым", "Приморская", "Азовская", "Севастополь", "Украина".

С монотонностью запрограммированного робота он задавал везде один и тот же вопрос, но слышал совершенно разные ответы. В одной из гостиниц дежурный администратор, тоже дама, но только полная, невысокая, с мягкими, совсем не администраторскими манерами, даже собрала всех дежурных по этажам, горничных и электриков и устроила консилиум, который, правда, ничего не дал. В другой с ним полчаса не хотели разговаривать, полагая, что он избрал очень хитрый, новый метод бронирования мест, которых, как обычно в наших гостиницах, не было, хотя на самом деле они, конечно же, были. В третьей его чуть не сдали патрулю, предположив в Майгатове нечто среднее между психически больным и дезертиром. В остальных гостиницах столь бурных шекспировских сцен не было, но и слово "да" он не услышал.

Остались гостиницы Корабельной стороны города и флотская, или как ее называли, "Гостиница КЧФ". Флотская стояла ближе к центру, и он, предчувствуя, что не мог Зубарев жить в убогих номерах, где селились бесквартирные лейтенанты и мичманы, все-таки выбрал ее. Наверное, потому, что мысленно решил "поселить" уже надоевшего ему Зубарева именно в убогие, с минимумом удобств, если таковыми можно считать, туалет в номере и холодную воду, подаваемую на час в сутки, крошечные, густо населенные тараканами номера.

Дежурный администратор, опять дама и опять фельдфебельски костистая, точно в гостиницы, хоть как-то относящиеся к флоту, на работу брали лишь женщин подобной комплекции, даже смотреть на портрет не стала.

- Идите к вахтеру. Он когда-то сигнальщиком на крейсере служил. У него зрительная память хорошая...

"Сигнальщику" оказалось далеко за шестьдесят. На вытянутой руке он подержал перед собой портрет, грустно вздохнул, достал из кармана очки с треснутым стеклом, прижал их к глазам и сказал совсем не то, на что настроился Майгатов:

- Знаток нашлась: на крейсере! На линкоре я служил, марсовым. Корабли определял, когда те еще за горизонтом скрывались. По самой слабой струечке дыма, по ниточке, - и грубо сунул

портрет назад Майгатову. - Нет, ни разу не видел. Двадцать лет вахту нес на этом посту. А такого гражданина не запечатлевал. Недавно в центре генерала встретил, в машину он шел садиться. "Здравия желаю! - говорю. - А вы, - говорю, - в нашей гостинице проживали, - говорю, - в году семьдесят втором, - говорю, - в лейтенантском звании." "Точно, - отвечает, - я командиром строительного взвода служил, а теперь - зам командующего по строительству и расквартированию." О, какая сила в зрении!

Судя по всему, не глаза, а язык был самой развитой частью тела "сигнальщика". Подобные люди могли или развеселить до упада, или утомить до такого же упада. А поскольку впереди ждал путь на далекую Корабельную сторону, то Майгатов сумбурно и, наверное, не очень учтиво распрощался с "сигнальщиком" и вышел на крыльцо гостиницы.

- Привет, Юра! Какими судьбами? - оглоушили его сбоку. - Ты тоже здесь живешь?

- А-а, штурман, - узнал он бывшего соседа по каюте. - Здорово.

- Ты в каком номере?

- Кто мне его даст? Я так, по делу зашел. Поздравляю, - разглядел прибавку в одну звездочку на погоне штурманца. - Ты куда от нас ушел?

- В гидрографию. Белые пароходы. Белые люди. Белая жизнь.

- Да, у вас служить можно.

- Я - в штабе. Должность - береговая, зато капитан-лейтенантская. Иногда в море выхожу.

- А мы все, заякорились...

- Слышал, - грустью Майгатова решил погрустить штурманец. - А помнишь, как я в Красном море все орал: "Рифы! Рифы!" Вот не поверишь, а до сих пор тот поход снится. Особенно яхта и стрельба. Прямо как вживую...

Из рук Майгатова выскользнул портрет, упал на грязный бетон ступенек между запыленными ботинками офицеров лицом Зубарева вверх. Штурманец повернул голову, чтобы получше его рассмотреть, и неожиданно спросил:

- Ты ему, что ли, нес?

Майгатов поднял ватман, сдул грязь с оборотной стороны и сам недоуменно задал вопрос:

- Кому - ему?

- Ну этому, как его... Кострецову?

Наверное, более глупой физиономии в жизни больше не будет у Майгатова. Он посмотрел на помятый, уже залапанный портрет, потом почему-то на лоб штурманца, по которому он тогда, в походе, так сильно огрел каютной дверью, опять - на портрет и только после этих рикошетов понял:

- Ты его знаешь?

- Ну конечно! Это же Кострецов. Из министерства морского флота, техотдел. Приехал по каким-то делам.

- Техотдел? Присмотрись: может, обознался?

- Да не-ет, точно - он, - пристально изучил угольные линии портрета. И очки его. В технике он,

может, и разбирается, а по нашему, штурманскому, делу - полный профан. Все у меня про карты спрашивал, про вахтенные журналы. Его почему-то удивляло, почему мы после прихода с морей прокладку ластиком стираем. Как будто у нас карты одноразовые! На ней еще, может, семь поколений лейтенантов будет курсы прочерчивать...

- Где он живет?

Внутри все клокотало, и он не знал, выхлестывается это наружу, в мимику лица, в голос, в движения рук, или нет.

- На "Енисее".

- "Енисей"? - в голове защелкали, как на вокзальных табло, строчками побежали названия кораблей. - "Енисей"... "Енисей", - не волновался, сразу бы вспомнил, а тут как отсекло.

- Ну да - "Енисей". Госпитальное судно. На Минке стоит.

- Фу ты! Огромный такой? С красным крестом на борту?

- С крестом? - штурман запоминал то, что видел, а с берега, с кормы "Енисея" никакие кресты не были заметны. - Может, и с крестом... Но он сейчас скорее гостиница на плаву, чем госпиталь. Во всех каютах - жильцы. Мы туда Кострецова и определили. А что: и в центре города, и платить за номер не нужно - лафа!..

- Ты говоришь - Кострецов? Может, путаешь? Не Зубарев он?

- Кострецов. Я как раз дежурил, когда ему командировку отмечали. Сам у комбрига печати ставил.

- А где он? Ну, на "Енисее"?

- Откуда я знаю! В какой-то каюте живет. Чего ты нервничаешь? удивился штурманец. - Родственник он, что ли, твой?

- Крестник, скорее... Ну, я полетел, - и, быстро пожав узкую, по-девичьи хрупкую кисть штурмана, почти побежал вдоль гостиничных корпусов.

- Ю-у-ра! - заставил его обернуться окрик.

- Чего?

- Ты это... остаешься или все-таки уйдешь?

Хотел сказать "с флота" и не хватило смелости. Майгатов мысленно досказал за него и вдруг понял, что ответа-то и нет.

- Не... нет, не знаю.

И еще быстрее зашагал к троллейбусной остановке. Больше всего ему хотелось убежать, но не от штурмана, а от вопроса. Но для этого нужно было убежать от себя...

Ему повезло с троллейбусом. Уже через десять минут он пулей вылетел на остановке у Дома офицеров, пробежал точно к тому месту, где несколько дней назад он на "жигулях" чуть не врезался в машину Бурьги. Свернул налево, к спуску на Минную стенку, и уже через полминуты, еле сдерживая одышку, стоял у длинной, выкрашенной в зеленую краску сходни на "Енисей".

Только теперь, перед решающей встречей, он ощутил, как заныла шея. Словно по тому

месту, где вчера были пальцы Жбанского, снова стал кто-то давить. Он не сдержался, потрогал. Нет, шея была свободной, только мокрой от бега, да еще далекой болью отдавались синяки, которые он утром замаскировал пудрой, взятой у Кравчука.

Одышка унялась. На стоящих слева от "Енисея", за металлической решеткой, боевых кораблях дивизии вразнобой ударили склянки. И, словно сигнал тревоги, они бросили Майгатова на сходню.

Прогремел по ней сбитыми каблуками ботинок. Взлетел по стальным ступенькам двух трапов на вертолетную площадку, окрашенную тоже в зеленый цвет, и наткнулся взглядом на разомлевшего от вахты мужичка в истрепанной офицерской куртке без погон.

- Куда? - лениво спросил он обветренными губами, продолжая полулежать на тряпчатом шезлонге с видом китайского божка, сложившего пухленькие коротенькие ручки на арбузе-животе.

- Мне один ваш постоялец нужен...

- Ну и что?

Плевать ему на какого-то лейтенантика. Хоть и старшего. Да хоть и с такими усищами. За те копейки, а, точнее, купоны-фантики, что платят, он еле себя уговаривает на вахту заступать. А тут ищи ему какого-то постояльца. Да их на каждой палубе по экипажу на эсминец наберется! А если всех из кают выгнать да здесь, на вертолетной площадке, построить, то, пожалуй, и не уместятся они. Кому-то придется и на причале стоять.

- Где дежурный по кораблю?

- У нас не корабль, а госпитальное судно, - оправдал он свое вольготное лежание перед офицером. - Обедает дежурный.

- А списки расквартированных где?

- В дежурке, - сделал что-то похожее на кивок, но кивок комариный, в полмиллиметра.

Майгатов заметил в сплошной металлической стене надстройки открытую дверь метрах в двадцати от него и пошел туда.

Оставалось лишь переступить порожек комингса, как вдруг вход круглым телом законопатил вахтенный матрос. Он так тихо выкатился из-за Майгатова, будто и впрямь несколько секунд назад был мячиком.

- Нельзя. Подождите дежурного.

- Где списки?! - гаркнул на него сверху вниз.

Матрос поник, словно его прокололи, и из мячика начал выходить со свистом воздух. Хотя свистел чайник, стоящий в углу дежурки.

Впрыгнув в крохотное помещение, матрос выключил чайник, снял его с толстой канцелярской книги, полистал ее и с видом мага, совершающего волшебство, поинтересовался:

- Как твоего кореша зовут?

- Кострецов.

Толстый короткий палец пробежал по странице, зацепился за нужную фамилию.

- Есть. Шестая палуба. Каюта номер, - и затих, поведя взглядом в правую часть страницы. - Номер... а нету твоего кореша. Вчера уехал. Точнее, сегодня. Поезд же на Москву - в ноль-ноль с копейками.

- Покажи, - шагнул в дежурку Майгатов, властно притянул к себе книгу.

Матрос не врал. В графе убытия стояло вчерашнее число.

- А Зубарева посмотри.

- Ты чего: с инспекцией пришел или как? - не понравилось матросу, что им командуют.

- Ну, проверь, пожалуйста, - чуть ли не взмолился Майгатов.

- Ладно. Только из дежурки выйди. А то меня с вахты из-за тебя снимут.

Когда просят, можно хоть ненадолго ощутить себя начальником. А быть начальником - сладкое чувство.

- Нет. Зубарева нет. Зубов есть. И Зубова - супруга его. Это врач и медсестра из госпиталя. У них квартиры нет. Вот и живут у нас.

- Как же вы от причала сдвинетесь, если у вас тыща народу на борту? удивился Майгатов.

- А никто никуда сдвигаться и не думает. Мы ж почти неходовые.

"И мы", - хотел добавить, но не стал. На половине кораблей ничейного, гибнущего, вымирающего флота могли бы ответить так же, как этот пухлый матросик с сальным ото сна лицом.

- Он мне должен был кое-что оставить, - неожиданно сказал то, что говорить совсем не собирался. - Можно каюту, где он... ну, жил, осмотреть?

- Ну ты въедливый! - обиженно покомкал масляные губки матрос, но микрофон переговорного устройства все же снял. - Вахтенный у трапа.

- Чего тебе, - ответил из сот динамика совсем не уставной фразой недовольный женский голос.

- Маш, подойди к дежурке. Тут одному старлею надо каюту на твоей палубе посмотреть...

- У нас не музей.

Матрос бы сдался, но за плечами стоял такой упрямый и такой высокий старший лейтенант с боксерски вбитым носом и одним только стоянием заставлял его быть увереннее, чем он был на самом деле.

- Маш, дело серьезное. У человека от этого жизнь зависит.

- О, господи! Шляются тут!.. Жди! Сейчас прииду...

"Сейчас" оказалось двенадцатью минутами, но и путем такого унижения Майгатов готов был заплатить за минуту в каюте, где жил Пирсон-Зубарев-Кострецов, а, может, и вообще человек с другой, не из этого ряда, фамилией.

Дежурная медсестра, коротенькая, веснушчатая Маша, невзрачная девочка из разряда тех, что не нравятся мужчинам, но все равно умудряются удачно выйти замуж, провела его по бесконечному, как автомобильный тоннель в горах, коридору, поднялась палубой выше, в

еще один гигантский коридор, ловко щелкнула ключом и распахнула крытую светло-бежевым пластиком дверь.

Майгатов, подчинившись ее указующему жесту, шагнул в каюту, но ничего не ощутил. Ни радости, что наконец-то проник хоть и в бывшее, но все-таки логово зверя, ни ненависти от того, что сейчас услышит запах человека, который принес ему столько боли. Впрочем, запахов никаких он бы и не услышал. Все три иллюминатора были распахнуты настежь, и холодный ветер с бухты за ночь и полдня вымыл отсюда малейшее напоминание о человеке.

- Ну вот. Ничего он вам не оставил, - обвела рукой она два пустых стола в каюте.

- А там? - шагнул он в отсек, где находились кровать, двухстворчатый шкафчик, тумбочка и массивное зеркало над ней.

Повыдвигал ящики тумбочки - пусто. Распахнул дверцы шкафчика - тоже ничего. Уже хотел закрыть, как что-то заметил внизу, в дальнем уголке. Нагнулся и поднял с палубы обрывок бумажки. Маленький, с этикетку спичечного коробка. На одной стороне - явно в типографии отпечатанные буквы "R. I. F.", причем разрыв прошел точно по точке после "F", на другой, чистой - коряво написанные крючочки, очень похожие на те, что рисуют в своих тетрадях первоклассники. Он сосчитал их - девять. Приблизил к глазам и вдруг понял, что первые два крючочка выше остальных. Они сложились в большую букву "M", и он медленно все-таки прочел слово - "Минск".

- Надо же. Не вымела, - сокрушенно посмотрела на бумажку Маша. - А ведь вроде бы все прибирала...

- А там что? - показал вправо, на дюралюминиевую дверь.

- Санотсек.

Он открыл дверь, заглянул вовнутрь. Белоснежная, почти без трещин, ванна. Умывальник со шкафчиком. Унитаз, смываемый так же, как и на всех боевых кораблях, педалью.

- Курорт, а не каюта, - вынес итоговую оценку.

Маша обиженно поводила плечиками, словно не соглашаясь с выводом, и сказала то, что, по ее мнению, могло еще сильнее удивить офицера:

- У нас горячая вода - круглые сутки. И сауна есть. Адмиралы приходят мыться семьями.

- Ну-у, тогда это "Хилтон", пять звездочек, - понял свою ошибку Майгатов. В домах Севастополя горячей воды не видели уже давным-давно. Холодную-то давали по часу-два в день. А чтоб горячую да еще и постоянно...

Он все-таки не удержался и открыл шкафчик. На боковой полочке сиротливо лежала белая зубная щетка. Он вынул из кармана платок и уже хотел ее завернуть и забрать с собой, но Маша разочаровала:

- Это - нашего комбрига. Он здесь иногда живет. Когда со своей поругается. Или когда по делам нужно... А щетку всегда тут держит. Как талисман, что ли...

- Комбриг? - удивился он и вспомнил необъятную фигуру Бурыги.

- Конечно. Мы же на бригаду судов обеспечения замыкаемся. У нас комбриг - сила. Метра два ростом. И человек хороший.

"Везет же людям," - белой завистью позавидовал он. И вдруг подкралась, сжала сердце

холодными пальчиками тревога. А почему Кострецов уехал? Ведь координаты он до сих пор не получил. Неужели сдался? Неужели пошел на попятную?

- Маша, а он это... совсем съехал или просто куда в гостиницу или там еще?

- Уехал. Сама билет видела. Вот тут лежал, - показала на стол у борта, под иллюминаторами.

- На московский поезд.

Инсценировал отъезд? Но зачем это нужно было делать перед Машей? Чтобы этой инсценировкой получить лишнего свидетеля? Но он же был уверен, что Майгатов на "Енисее" его не найдет. Где же промах? Где? Неужели он что-то упустил?

Шел за Машей по коридору, слушал ее рассказ, кажется, о "Енисее" и не слышал ничего. Ну вот ни единого слова.

Неужели он проиграл схватку? Координаты из вахтенного журнала на вырванной половине страницы лежали у него в сейфе. Утром, перед уходом с корабля, проверил - там они, миленькие. Координаты, продублированные в навигационном журнале, он намертво замазал чернилами. Да за этим журналом Кострецов и не охотился. То ли не знал о его существовании, то ли считал вахтенный первоисточником. А могли еще где-нибудь высветиться координаты "Ирши"?

Он остановился. Маша уходила все дальше и дальше по коридору, изображая из себя беспрерывно говорящую радиоточку, а он не мог поверить в то, что вспомнил. И от того, что не верил, мысль становилась все очевиднее и очевиднее.

Как он мог забыть об отчете за боевую службу?! Сам же отвозил в секретную часть штаба флота! А в отчете - не только доклад о затоплении "Ирши", не только ее точные координаты, но и кальки с прокладки. С той самой, которую уже давно стер ластиком штурманец.

Он бросился по коридору, насмерть перепугав Машу...

А можно было и не бежать. Все равно потратил не меньше часа, прежде чем нашел хоть одного знакомого в штабе флота и выклянчил у него заявку на пропуск. Потом бесконечные пять минут стоял у окошечка бюро пропусков и взглядом торопил медленную, ленивую руку матроса, у которого все время пропадала паста в шариковой ручке. Потом еще более долгие две-три минуты уговаривал ту же секретчицу, которой они несколько дней назад сдавали отчет, хоть краешком глаза взглянуть на него.

- Вам не положено, - любимым бюрократическим способом защитилась она.

Только лицо у Майгатова, наверное, было такое, что дрогнула. Даже без шоколадки дрогнула.

- Дайте удостоверение личности.

Перелистнула страничку и в графе "Служебное положение" нашла пятизначный номер войсковой части. Сверила с тем, что стоял на отчете.

- Хорошо. Под мою ответственность. На пять минут. Не больше. Мы закрываемся, - и все-таки дала папку с лежащим поверху удостоверением.

Прямо на окошечке он развязал тесемки, открыл пухлый отчет и сразу бросил быстрый, просящий взгляд на карточку-заместитель.

- Не отчет, а какой-то приключенческий бестселлер, - пробурчала из глубины комнаты ушедшая к сейфам секретчица. - Вчера его с утра брали, сегодня - опять нужен. Может, и мне

почитать?..

А он неотрывно смотрел на роспись и вчерашнее число на карточке-заместителе, и мир медленно становился иным, совсем иным, чем он был за секунду до этого.

—

12

У самой сходни на "Альбатрос" его окликнули.

- А-а, это ты, - узнал Майгатов лейтенанта-дознавателя.

- Извините, что беспокою, товарищ старший лейтенант, но я сегодня дело закрыл.

- Дело? - как трудно быть внимательным, когда хочется спать.

- Ну, расследование ограбления... Приходил один товарищ с дочкой. Они сказали, что чертежники в ночь ограбления были у них. Самоволка, значит...

- А доллары Татьяна сама нашла, - продолжил он за него.

- Откуда вы знаете? Десять минут же назад... Или вы заходили к ней?

- Считаю, что заходил. Мысленно.

Мир вокруг после визита в секретку штаба был слишком черен, чтобы лейтенант мог выделиться на нем чем-то светлым, ярким. Так, всего лишь часть общей черной мозаики.

- У тебя все?

- Я, видите ли, закрыл... в связи с отсутствием состава преступления. Все же похищенное найдено. Командир бригады товарищ капитан второго ранга Бурыга бумаги утвердил, - съежился под гневным взглядом Майгатова, но, поскольку за день таких начальственных взглядов он встречал много, то быстро забыл о нем и сказал то, ради чего и стоял возле "Альбатроса": - Я буду голосовать за вас...

"От расследования, что ли, "крыша" поехала?" - устало подумал Майгатов и пошел по раскачивающейся сходне на "Альбатрос".

- Здравия ж-желаю! - столбом вытянулся перед ним Перепаденко.

На погонах его бушлата красовались широкие, из

золотисто-желтого металла, а не из едко-лимонной тряпки, как у

других, главстаршинские лычки. Заметив удивление на лице

Майгатова, он с удовольствием похвастался:

- Из застойных запасив знайшлы. На хлотском склади. В мэнэ там зэмляк, з Полтацыны, службыть. Можэ вам що здобуты там, а, товарышу старшы лыйтинант?

- Мне? Да нет, спасибо, ничего не нужно.

Хотел спросить, как же Перепаденко прозевал и не доложил ему о забежавшем на пять минут на борт Жбанском, но делать этого не стал. Мир от этого упрека не стал бы светлее.

- Командир на борту?

- Так точно! - ну еще выше стал Перепаденко. - Про вас недавно пытал...

- Больше никто?

- Ни.

Быстрым движением Перепаденко на пластиковой доске поставил огрызком карандаша, привязанного к леске, плюстик против фамилии Майгатова и уже почти вслед, почти в спину протрубил:

- Щастя вам, товаришу старшы лыйтинант!

"И этот, что ли, перегрелся?" - не понял пафоса Перепаденко и угрюмо пошел вдоль борта "Альбатроса", мертвым, черным памятником стоящим посреди черного-черного мира...

- Заходи, - позвал в свою каюту Анфимов, коротким звонком Перепаденко уже предупрежденный о том, что Майгатов - на борту. - Нашел своего призрака?

- Да. То есть нет, - устало даже не сел, а прямо упал на жесткий диванчик напротив Анфимова. - Нашел место, где он жил, но он уже уехал.

- Надолго? - монотонно переворачивал с ребра на ребро спичечный коробок.

- Навсегда. В Москву.

Ну до чего дурацкое занятие: переворачивать коробок! Как будто это важнее, чем то, что пришел в каюту помощник, что сил у него нет никаких, а настроение... Настроение мог бы определить по лицу. Но Анфимов упрямо не поднимал глаз от занимающего его коробка.

- Значит, все закончилось?

Нет, Анфимов тоже не казался светлым пятном в бесконечном черном мире. Или не хотел казаться?

- Товарищ командир, дайте мне отпуск.

Пальцы отпустили коробок. Он упал этикеткой наверх. С нее пальцем на Майгатова показывал красный пожарный, под которым такие же красные буквы призывали не играть с огнем.

- Ты представляешь, что ты говоришь?! - вскочил Анфимов, но каюта, даже командирская, была так мала, что он смог лишь пробежать два шага до умывальника и назад. - Ты в своем уме?!

- Мне положено. Уже конец октября, а я еще не брал отпуск за этот год. И потом... я же после госпиталя. Мне положено отдохнуть.

- Что положено - на то давно наложено! - матросским фольклором щегольнул Анфимов и вытянутой рукой показал вправо, на кают-компанию, за иллюминаторами которой серел берег, причал и штабные постройки. - Ты объявление на дежурке дивизиона читал?

Майгатов-то и саму будку дежурки не видел, когда шел. А тут еще объявление...

- Какое об...

- О суде чести младших офицеров!

- А я-то при чем? - и вдруг по лицу Анфимова понял, что очень даже при чем. - Суд чес...

- Да, чести, - прервал его Анфимов, сел и, глядя прямо в глаза Майгатову своими синими выцветшими каплями, нервно пояснил: - Бурьге принесли какую-то киноплёнку, где ты дерешься с двумя мужчинами. И не просто дерешься, а избиваешь их. Все это, понимаешь ли, на территории дельфинария, секретного объекта... Один мужчина чуть не утонул. У второго два сломанных ребра, выбиты зубы. Это махровое хулиганство.

- Это самооборона.

Ответил так безразлично, так отстраненно ото всего, что с такой горячностью излагал Анфимов, что тот не на шутку испугался.

- Что с тобой происходит, Юра?

- Мне нужен отпуск. Очень-очень нужен отпуск.

- Если ты не явишься на суд чести, Бурьга из тебя фарш сделает! Это же увольнение по дискредитации, - с придыханием изумился Анфимов.

В те годы, когда он был старшим лейтенантом, на офицера, который хотел в таком звании уйти на гражданку, смотрели чуть ли не как на дезертира. Но то время исчезло, безвозвратно унеслось и, кажется, утащило с собой и подобное отношение к увольняющимся раньше срока.

- Зачем тебе это нужно?

- Силин здесь? - вдруг вспомнил о том, кто мог помочь. Хотя бы советом. А, может, почувствовал, что Силин - это и есть то светлое пятно, которое он так безуспешно ищет сегодня.

- Вы меня вдвоем в гроб вгоните! На гауптвахте твой Силин! Подрался в очереди за водкой с украинским морским пехотинцем. У них, видишь ли, так разговор о политике закончился! А комендатура, сам знаешь, украинская. Силина посадили, а морпеха отпустили...

Тьма, все объяла страшная тягучая тьма. Солнечное затмение навалилось на мир, но видит его лишь он один. А что сказал у трапа лейтенант? "Я буду голосовать за вас..." Вот в чем дело!

- А если собрание не проголосует за предложение Бурьги?

- Тогда... тогда он соберет аттестационную комиссию. А там одни его прихвостни. И точно протащит формулировку...

- Так какой все равно смысл оставаться?

Анфимов онемел от аргумента. И только теперь Майгатов заметил, что изменилось в нем после похода. Анфимов навсегда потерял улыбку, которая так освежала его маленькое сморщенное личико. То ли ослабли мышцы щек, то ли не стало у него сил держать удары, но потерял он ее и, кажется, навсегда. Еще жальче стало Анфимова и он бы, наверное, сдался под его напором, остался на суд чести, но снова вспомнился отчет, вспомнилась роспись и он даже не попросил, а потребовал:

- Дайте форматный лист.

Анфимов как-то враз постарел, сгорбился, положил поверх стола желтый, неизвестно какого года нарезки лист и вышел. Стало еще тягостнее. Словно теперь груз плохих новостей, который они удерживали вдвоем, лег на плечи одного Майгатова.

Он быстро, будто бы торопясь тоже выскочить из-под груза, выскочить из мучающей его каюты, написал рапорт на отпуск и вышел в коридор.

Анфимов большими глотками пил серый, невкусный компот в кают-компании.

- За час оформите, пока я соберусь? Поезд - в полночь.

Анфимов молча кивнул. Никакие слова уже ничего не решали.

- Товарищ старший лейтенант! - влез писклявый голос, пытающийся изобразить бас.

На том конце коридора стоял тот самый матрос-рассыльный, что был так поразительно похож на Абунина. Новости, как ни странно, он приносил хорошие, и Майгатов сразу напрягся, подался вперед.

- Что случилось?

- К вам девушка на КПП пришла.

Сверкнула вспышка, ярким светом залила мир. Затмение закончилось. Грязный, с подранным линолеумом коридор показался королевскими покоями, маленький невзрачный Анфимов - красивее голливудской кинозвезды, а матрос-рассыльный вообще стоял ангелом, готовым вот-вот распахнуть серебряные крылья.

Господи, неужели?! Неужели приехала Лена?! Неужели все могло так быстро измениться?

Он побежал так быстро, что испугавшийся в будке дежурный по дивизиону чуть не объявил боевую тревогу. Пролетел насквозь каменный склеп КПП, заставив вращаться вертушку со скоростью вертолетного винта. И... никого не увидел.

Стояли машины, ходили офицеры, мичманы, пацаны с дикими криками играли в футбол, но Лены не было.

- Товарищ старший лейтенант! - позвали его тонким голосочком.

Он резко обернулся, но от отчаяния не избавился. Перед ним стояла какая-то маленькая белобрысенькая девчоночка со смешным хвостиком схваченных в узелок волос.

- Вы меня узнали? Я - дежурная на междугородном переговорном пункте. Помните, вы от нас убегали?

- Как же - пункт... Вспомнил, - еле выжал он слова.

Над миром опять стягивались сумерки. Неужели до черноты? До полной черноты?

- Я вас запомнила. И долго искала, - она густо покраснела после этих слов. - Очень долго. Хорошо, что матрос, который тогда с вами был, сказал, что вы на малых кораблях служите. Я обошла всех: и катерников-торпедистов, и вспомогательный флот, и ракетные катера... А вот у вас, в Стрелецкой, мне сказали, что есть один старший лейтенант, похожий на вас. Ну вот и...

- И что? - так и не понял ничего Майгатов, и от этого еле сдерживал закипающий гнев.

- Помните, вы гнались за тем мужчиной? В очках. Так вот он вчера часов в восемнадцать приходил звонить еще раз. Знаете, это не положено... но я... я зафиксировала телефон, который он набирал. Это - в Москве. Вот он, - и раскрыла потную ладонь, на которой лежала аккуратно, в восемь раз сложенная страничка из ученической тетрадки в клеточку.

Майгатов не помнил как, но он ее поцеловал. Прямо в пахнущую цветами щеку.

Он никогда еще не получал таких дорогих подарков.

Глава третья

1

Он никогда не думал, что можно с таким нетерпением ждать плохих новостей. Наверное, точно так же в похоронном бюро с чисто профессиональной радостью ждут сообщения о чьей-то смерти.

Со временем привыкаешь ко всему. Может, и на плохие новости будешь реагировать холодно, по-деревянному. Сейчас еще не получалось. Чужая неприятность отчасти воспринималась как своя.

- Слушаю, - снял он телефонную трубку.

Могли звонить жена с работы, дочка из школы, теща с дачи, наконец, бывшие сослуживцы с работы, но что-то было в звонковой трели необычное, тревожное. И еще только снимая трубку, он уже знал, что услышит незнакомый голос.

- Капитан Иванов? - подрагивающие, ломаемые спецсредствами звуки.

- Капитан запаса Иванов.

- Нам все равно. Главное, чтоб Иванов...

Металлический, неживой голос помолчал, словно на уже произнесенное потратил столько сил, что не знал, хватит ли остальных на главное.

- У нас есть заказ.

- Слушаю внимательно.

- Это не телефонный разговор. Ждите нас в ноль девять ноль семь у памятника Пушкину.

От этого уже веяло романтикой. Начало следствия - на традиционном месте встречи влюбленных. Впрочем, там всегда многолюдно, и он понял логику мрачного металлического голоса.

- Как вы будете выглядеть? - спросил он его.

- Мы найдем вас сами. До встречи, - гудки уничтожили голос, и сразу стало легче дышать.

Он медленно положил трубку, словно боясь спугнуть

таинственного заказчика, и вздрогнул от неприятного воя за стеной.

В соседней квартире, ни с того ни с сего, вдруг завывла овчарка. В ее горьком заунывном плаче было что-то такое, насквозь пронизывающее душу, что он не выдержал, встал и ушел из кухни в зал.

Здесь вой слышался еле-еле, но и это раздражало. Он захлопнул дверь. Воображение слегка поиздевалось над ним, продлив вой даже здесь, в стерильной тишине, и медленно сдалось, очистив слух от неприятных звуков.

Ноль девять ноль семь. Какая-то чисто военная точность. Хотя что в этом удивительного? В

стране действительно шла война - война за передел собственности, и те, кто хотел хоть что-то урвать на этом поле брани, должны были поступать так же, как поступают на любой войне - с соблюдением дисциплины, порядка внутри своей армии и с полным пренебрежением к любым законам и правилам вовне ее.

Техническое оснащение звонивших вызывало уважение хотя бы потому, что искажитель голоса был явно не нашего производства. Наш бы он точно определил. Какой же мог быть заказ?

Он прохрустел свежим номером газеты "Сегодня", которая, пожалуй, больше всех и обстоятельнее всех писала о произошедших, правда, не сегодня, а вчера, а то и позавчера убийствах, перестрелках, пожарах и ограблениях. Пробежал по диагонали полосу "Происшествия". Вроде ничего интересного.

Швырнул ее на столик. Газета упала рядом с фотографией, которую он уже две недели держал чуть ли не на самом видном месте. На снимке был Белый дом, на фасаде которого серым шаром лежал разрыв танкового снаряда. Нет, Иванов не находился в здании, когда его обстреливали с набережной и моста. Он сидел в молчаливой, как на похоронах, группе человек из двадцати в кабинете шефа и со стыдом и болью смотрел за тем, как смакует чужое горе холодная, как стекло, дама из "CNN". Наверное, он смалодушничал и не сдержался, а, может, наоборот, совершил смелый поступок, но он все-таки сказал, он выкрикнул все, что думал о тех, кто давал команду на танковый обстрел. Он назвал их трусами, потому что только трус может быть храбрым за чужой спиной.

Через сутки его уволили из Федеральной службы контрразведки. Без всякой пенсии. Впрочем, при его двенадцати годах выслуги она ему и не полагалась. Хорошо, хоть выходное пособие выплатили.

Неделю Иванов жил затворником. Но мир слишком настырен, чтобы от него отгородиться насовсем. И когда Петров, квадратный, громогласный и мрачный Петров, который тоже собирался уходить из органов, но уходить не из-за политики, на которую ему всегда было начхать, а из-за мизерной зарплаты, предложил ему напару создать частное сыскное бюро, он вяло согласился. Только потому, что не верил, что к ним хоть кто-то обратится за помощью. Но заказы, к изумлению Иванова, пошли. И серьезные, и глупые. Одни просили отыскать угнанную машину, другие же - последить за якобы изменяющей женой. Одних волновал украденный из квартиры "видак", других - пропавшая кошка.

Он брался за все подряд, чтобы быстрее забыть горечь от унижения, и с удивлением замечал, что поиск похищенного ему удастся лучше, чем раньше гонка за наркобоссами. Может быть, потому, что угнанных машин в Москве было все-таки больше, чем наркобоссов.

Когда казалось, что жизнь налаживается, Петров вдруг заявил, что увольняться не собирается. Наверное, своей угрозой ухода он кого-то там, в органах, напугал, а, может, "подключил" новые рычаги, но, в итоге, ему предложили не первосортную, но все-таки денежную спецкомандировку на пару лет в Латинскую Америку. В их тандеме Иванов играл роль "негра", ищущего пропавшее, а Петров - "мозга". Именно он непонятно откуда приносил заказы. И когда он улетел на другую сторону "шарика", Иванов кожей ощутил, насколько хуже пойдут дела. Он, правда, сделал несколько зацепок в отделениях милиции и ГАИ, но толку от этого было мало. По Москве всю уже разворачивались огромные, отлично оснащенные сыскные агентства, и фирме, состоящей из одного человека было так же тяжело с ними состязаться, как в одиночку играть матч по футболу против полной команды из одиннадцати человек.

Он уже подумывал о том, чтобы бросить свое бесполезное занятие и уйти или в охранники, или, на крайний случай, в продавцы "воздуха" - как он называл оптовиков всех уровней. И

вдруг - звонок.

Ноль девять ноль семь. А если на минуту опоздать? Мысль показалась забавной, но от этих "ноль семь" веяло такой суровостью, таким немецким педантизмом, что он сразу передумал опаздывать. Оделся потеплее, накинул коричневую кожаную куртку и, сунув под мышку зонт, вышел из квартиры.

За дверью соседей без остановки, словно ей за это заплатили, выла овчарка. Иванов ее не любил. Наверное, за то, что у нее были очень грустные и очень умные глаза, и когда изредка он встречался с ней взглядами, ему казалось, что собака что-то знает о нем и вот-вот это скажет.

В ноль девять ноль семь встречный прохожий задел его за локоть. Зонт выпал на асфальт. Он нагнулся за ним, но прохожий сделал это ловчее и внизу хриплым шепотом приказал: "Пойдете за мной. Дистанция - тридцать метров." Выпрямившись, с извинительной улыбкой на невзрачном лице инженера-неудачника пояснил:

- Простите. Все над диссертацией думаю, - и пошел в подземный переход.

Тоскливым взглядом влюбленного, к которому так и не пришла на свидание девушка, Иванов обвел площадь от здания "Известий" до кинотеатра "Россия", изучил за пару секунд "пяточок" перед памятником и, не найдя ни одного типично крутого лица, не без недоверия поплелся за "инженером".

Хорошо еще, что не стал больше времени тратить на осмотр окрестностей, а то ты точно потерял своего нового знакомого. Тот хоть и был ростом не выше среднего, но перебирал короткими ножками с быстротой хорошего бегуна. Из подземного перехода он сразу нырнул вниз, на Большую Бронную, мимо почти мавзолейной очереди в "Макдональдс". Иванов с трудом удерживал означенные тридцать метров, хотя вряд ли дистанция между ними действительно соответствовала столь точной цифре.

Попетляв по переулкам, "инженер" вышел к Патриаршим прудам и резко сбавил ход. Иванов подумал, что заказчик ждет где-нибудь на одной из скамеек, стоящих вдоль прудов, но "инженеру", кажется, не хотелось повторять булгаковский сюжет. Он по подземке перешел Садовое и двинулся к Тишинке. Это уже начинало надоедать. К тому же на сером асфальте редкими черными точками стал обозначать себя дождь и, продлись этот бестолковый марафон еще на десяток минут, он бы психанул и пошел к ближайшему павильону метро, а не за узкой, в дешевой серой курточке с глупыми синими полосочками, спиной "инженера". Но на Большой Грузинской он вдруг услышал просящее: "Вы не местный?"

Оглянулся на блекло-желтый "Москвич-ИЖ" с транспортно-грузовым кузовом. Такие уродливые конструкции почему-то в народе звали то "пирожками", то "каблучками".

- Я спешу, - лишил он парня, сидящего в машине за рулем, возможности спросить хоть что-то.

- Ноль девять ноль семь, - громко сказал он ему в спину.

Иванов обернулся и все понял.

Он быстро сел на место пассажира, и симпатичный, улыбчивый парень, похожий на артиста, которые в кино играют роли любовников и мошенников, пояснил:

- Все чисто. "Хвоста" нет, - и тронул машину от бордюра.

Вдоль лба парня, параллельно бровям, краснела странная полоса. Таким ровным может быть след от фуражки, но он сходит через полчаса после того, как фуражку снимешь. А эта красная

полоса с синими прожилками не меняла цвета.

- Далеко? - спросил Иванов, неприятно ощутив, как вспотела от бесконечной ходьбы спина, и как ноют ноги. По одной лишь машине парня он понимал, что заказ явно не от него и к обладателю металлического голоса еще ехать и ехать.

- Не очень, - развеял его плохие предчувствия "артист" и вяло покати по Большой Грузинской в сторону Пресни...

На одной из бесчисленных Магистральных улиц он припарковал машину, посидел с видом волшебника, знающего таинственное заклинание, но не очень готового его сказать, и все-таки проскороговорил:

- Квартира двадцать один, шестой этаж, код ноль семьдесят пять.

Нагнув голову, Иванов посмотрел через лобовое стекло, по которому брызгал серый, нудный дождь. Справа тянулись гаражи, слева стояли два новеньких, кажется, пахнущих даже сквозь металл машин, шпатлевкой и мыловаром, семнадцатизэтажных дома. И оттого, что "артист" не назвал номер дома, Иванов понял, что это - два корпуса одного и того же номера, а, значит, номера квартир в одном из них продолжают нумерацию того, которому досталась табличка "корпус 1"...

Подъезд был пуст и тих, как будто дом еще не заселяли. Лифтом поднялся на шестой этаж, послушал тишину и уже хотел было звонить, как вдруг остановил руку над кнопкой.

- Фамилия? - с подчеркнутой грубостью спросили сзади.

- Иванов, - ответил он, не оборачиваясь и не опуская руки.

- Здесь, - явно в радиотелефон доложил обладатель грубого голоса и тут же потребовал от Иванова: - Руки вверх, прижать к двери, ноги шире плеч, наклон тела вперед.

Он послушно подчинился, как-то сразу, без всяких сомнений решив, что уж этот заказ он точно выполнять не будет. И не в грубости охранника дело, а в той нудности, с которой они его подпускали к расследованию. Словно и хотели, и одновременно не хотели открываться именно ему. А при таком подходе могли одну треть сказать, а на две трети утаить.

- Чисто, - прекратил лапоть охранник своими

лопатами-ручищами. Выслушал очередной приказ и все так же грубо,

будто он и не предполагал, что можно общаться иначе, пробасил:

Иди.

Щелкнул электронный замок.

Иванов шагнул в открывшуюся дверь на общую для четырех квартир площадку и краем глаза успел охватить почти двухметровую фигуру охранника. "Такие стоят дорого", - только и успел подумать, как слева распахнулась стальная дверь и неизвестно когда успевший туда попасть "инженер" предложил ему войти.

Он ожидал царских палат с персидскими коврами и резной мебелью с позолотой, а попал в самый обычный офис. Строгие черные стеллажи, компьютеры вдоль стены, ксерокс и факс на столе посередине главной комнаты, черное кожаное кресло с висящим над ним огромным зеркалом, мерное журчание итальянского фонтанчика с качающимися над ним, радугой поблескивающими стеклянными нитями.

- Присаживайтесь.

После грубости охранника вежливость "инженера" казалась чуть ли не верхом джентльменства. Впрочем, в грубости всегда была прямота, в вежливости часто скрывалась хитрость. Он в таком же тоне ответил: "Спасибо", - и почувствовал, как успокаивается. Уже и желание не брать этот заказ стало послабее. То ли кожаное кресло действительно было столь мягким, обволакивающим, то ли журчание фонтанчика хотелось слушать и слушать, но только прежние мысли забылись, унеслись под это журчание, и он приготовился слушать.

- Шеф очень хотел бы встретиться с вами, - присев напротив, начал "инженер". - Но он болен, а дело не требует отлагательств.

Квартиру явно перепланировали, и он, вспомнив этот проект семнадцатипятиэтажек, высчитал, что должна она быть трехкомнатной. И если под этот офис-зал они отвели одну из комнат и большую, метров двенадцать площадью, прихожую, то должны быть еще две, а, кроме них, кухня или что они там из нее сделали и, наконец, службы. Но ни единой двери, кроме той, в которую они вошли, он не обнаруживал.

Напротив сидел бледный, выпадающий из интерьера "инженер", смотрел за окно, а Иванов шустрой чувствовал на себе две-три пары глаз.

- А в чем, собственно, ваше дело? И почему ваша фирма выбрала именно меня?

При слове "фирма" серый "инженер" дернулся, переложил ногу на ногу и пояснил, глядя как-то странно, мимо уха Иванова:

- Вас порекомендовал человек, которому вы недавно помогли. Кроме того, мы узнали кое-что из вашего прошлого.

- И что же вы узнали?

Кажется, желание не связываться с этими ребятами стало возвращаться. И не только от того, что почему-то чуть тише зажурчал фонтанчик.

- Мы узнали главное: что вы - честный человек. И к тому же в этом году, наверное, даже не зная того, вы нам здорово помогли...

- Это уже интересно. Где же?

- Ну, это не столь важно, - ответил "инженер", опять глядя мимо уха. Может у него астигматизм?

Иванов взял да и склонился чуть левее, чтобы уж точно попасть под взгляд "инженера". Того это как-то обеспокоило. Он вскочил, прошелся к окну и выглянул из него.

Пока он не смотрел, Иванов откинулся на спинку кресла и обернулся. Сзади висело огромное зеркало, в котором отражалась почти вся комната. "Нарциссист, что ли?" - подумал об "инженере" Иванов и, с облегчением перестав изучать собственную, надоевшую уже после ежедневного разглядывания при бритье, физиономию, опять полуприлег в кресле.

"Инженер", не оборачиваясь, пояснил:

- Вы должны понять одно: мы хотим, чтобы этим делом занимались именно вы, - с усилием надавил он на "вы". - Дело не вошло ни в одну милицейскую сводку, ни в одну газетную заметку. Мы проверяли. Конечно, мы не исключаем какого-нибудь случайного свидетеля, но... - он обернулся и развел руками, пока он не обнаружился. Да и место там не самое оживленное.

- А если поконкретнее...

Его уже не на шутку раздражал "инженер", который, кажется, больше всего на свете боялся именно конкретных вещей. Из "инженера" его вполне можно было перекрестить в "философа", но он как-то резко, без видимых причин, стал иным. Смягчил еще недавно напряженное, испуганно-строгое лицо и быстро-быстро заговорил:

- Суть дела такова: позавчера в двенадцать тридцать семь у шефа начались переговоры по одной небольшой проблеме. Длились они двадцать две минуты. Первыми уехали коллеги по переговорам. Через три минуты после них вместе с телохранителями шеф спустился к машине. Когда они вышли из подъезда, из-за телефонной будки выскочил какой-то человек с бородой и пять раз выстрелил из пистолета. Передний телохранитель успел закрыть собой шефа. Четыре пули попали в него. Три - в бронежилет, одна - в правое плечо. Пятая пуля ранила шефа в руку. Задний телохранитель открыл огонь, но киллер ушел. Преследование ничего не дало. Видимо, он хорошо подготовил пути отхода.

- И вы считаете, что в час дня никто не услышит перестрелку?

- Понимаете, там вокруг пустые, выпотрошенные дома. Ну, знаете, как сейчас делают со старыми зданиями в престижном центре: стены оставляют, а внутри все рушат. Потом перепланируют, осовременят и - вот уже новый комфортабельный дом, хотя внешне - старинный особняк. Кроме того, есть еще один фактор: в переулке, отходящем от этой улицы, работал бульдозер. Грохот был очень сильный.

- Я могу посмотреть, где это происходило?

- Конечно, - обрадовался заинтересованности Иванова "инженер". - Мы сами уже кое-что для вас подготовили.

Он подошел к приоткрытому сейфу, достал из него папку и положил на стол перед Ивановым.

- Там - схема происшествия, фоторобот киллера, составленный со слов четырех свидетелей...

- Четырех? - удивился Иванов.

- Конечно. Ведь в машине находился водитель... Так, значит, фоторобот, еще - показания телохранителей и водителя, отпечатанные на машинке. Они без подписей, но мы так считаем...

- Я понимаю. А гильзы?

- Тоже в папке. В целлофановом пакетике. Гильзы - от ТТ. Но пистолет он не бросил.

"Бросают, когда заказ выполнен", - мысленно упрекнул "инженера".

- Адрес места происшествия - тоже в папке.

- Каким временем я располагаю?

- Ну, нам трудно сказать. Если проще, то от скорости вашего нахождения заказчиков убийства зависит ваше вознаграждение. Поймите нас: идет охота, и мы хотим побыстрее увидеть охотника. Это - аванс, - и положил перед Ивановым конверт. - Можете не пересчитывать. Там - тысяча долларов.

Кажется, ему опять расхотелось заниматься расследованием. Неизвестно, чем пахли эти

деньги, и в какую мясорубку он мог попасть, если бы взял их.

- Мне хотелось бы знать профиль вашей фирмы.

"Инженер" опять поморщился от слова "фирма" и выжал из себя, кажется, все, что ему позволялось инструкцией:

- Морские транспортные перевозки. И кое-что по мелочам.

- Я хотел бы получить список фирм, с которыми вы контактировали, а также тех, кто на этом рынке является, скажем так, вашими конкурентами.

Еще по опыту работы в управлении Иванов усвоил, что коммерсанты уничтожают друг друга в трех случаях: когда не вернули долг, когда не хочется возвращать долг и когда слишком теснит конкурент. Наверно, "инженер" знал это тоже, но инструкций отвечать на такие вопросы не имел. И он туманно пробормотал:

- Если возникнет необходимость, мы кое-что сообщим. Работайте пока с этими фактами. До новых встреч!

Фраза подняла Иванова с кресла. Он забрал со стола папку, взвесил в руке конверт и со вздохом все-таки засунул его в боковой карман куртки.

- Как мне вам звонить?

"Инженер" опять посмотрел куда-то мимо левого уха Иванова, поморгал и устало подытожил:

- Мы позвоним вам сами.

2

От накручивания телефонного диска на указательном пальце краснел кружок. Еще десять минут такого набора - и он превратится в водянку.

Майгатов раздраженно повесил немилостивую трубку. Его "Океан" на новом, металлическом, браслете показывал почти полдень, а он все не мог ни к кому дозвониться. Молчали все известные ему московские телефоны: домашний Ленин, рабочий Иванова. Молчал даже тот таинственный, что дала ему девочка с междугородки. Но самые большие надежды возлагал он на телефон своего одноклассника, того самого, которым он похвастался на "Альбатросе" перед Буройгой, и как раз из-за которого и был обозван жлобом.

Наверное, Мишку он приплел тогда зря, ради хвастовства. Ведь половина его улицы в Новочеркасске знала, что из двух человек его выпуска из школы, поступивших в вузы, лучше всех пристроился Мишка. Учился он в МГУ, на философском, но, несмотря на отвлеченность профессии от мирской суеты, умудрился пристроиться в новой жизни быстрее и ловчее других. Год назад, когда они последний раз встретились в Новочеркасске, Мишка щеголял в красном пиджаке, швырял деньгами налево и направо, и через каждые десять минут по телефону сотовой связи болтал со своим офисом в Москве, давая указания, что продать, что купить, а с чем повременить. Сегодня ни телефон его офиса, ни его домашний телефон не отвечали.

Шесть часов непрерывного набирания номеров довели Майгатова до иступления. Он повесил трубку, чуть не оторвав рычажок, и вышел из вокзала на улицу.

Вполне честно он мог бы сказать, что был в Москве дважды. Но первый раз столица отложила в его памяти лишь своей вокзальной стороной. Второй раз тоже пока ничего нового не добавил.

Самым важным ощущением было то, что никуда он из Украины так и не уезжал. Что тогда, что сейчас, Курский и окрестности, а, наверно, и вся Москва были запружены украинцами, продававшими все, что только можно было продать: от фарфоровых кружек и ножей до орехов, фасоли и, естественно, сала.

И теперь, выйдя из вокзала, он увидел, что существовала и другая Москва. По Садовому кольцу стальной лавиной неслись машины, визгом тормозов откликаясь на мигания светофора. Среди них проблескивали лаковыми бортами не "жигули", не "москвичи", не поддержанные иномарки, как в Севастополе, а новенькие "Вольво", "BMW", "Джипы" и "Форды". Рекламы электронных фирм-монстров призывали купить их и только их продукцию, а за отмытыми до зеркального блеска витринами еще сильнее просили этого сами товары.

Он не устоял перед гипнозом рекламы, шагнул к одной из витрин, заметил на черном, похожем на квадрат, телевизоре "SONY" табличку "525 \$", машинально сунул руку в карман турецкой джинсовой куртки, нащупал свои последние пятьдесят "зеленых" и вдруг остро ощутил несовместимость этой жизни с собой.

- Подайте калеке афганской войны, - жалобно простонал кто-то слева.

Майгатов повернулся и ожегся взглядом о загорелого до черноты парня. На его узком изможденном лице черная повязка закрывала вытекший глаз, а шрам на другой щеке свивался в такой серый толстый жгут, точно внутри него еще оставался снарядный осколок. Но самыми страшными были культы. Красные, в синих длинных струпьях, они то тянулись к людям, то ловко подравнивали деньги, кучкой лежащие в засаленной кепке.

Жалость сдавила сердце, заставила вновь сунуть руку в карман. Пальцы нащупали две небольшие бумажки и аккуратно положили их в кепку.

- Ты чего? Вообще, что ли? - удивленно смотрел на него афганец.

- А что? - ничего не понял Майгатов и, лишь заметив, как отличаются положенные им деньги, от остальных, смутился. - Извини, но русских рублей пока нет.

- А зачем мне купоны?

- Ну это... обменяешь, - еще сильнее смутился Майгатов и пошел прочь, чтобы не видеть страдальческого лица парня.

- Ю-у-рка! - остановил его удивленный и, что странно, где-то уже слышанный голос.

Он оглянулся и сразу согласился с тем, что это была всего лишь слуховая галлюцинация. На улице, где уже начинался дождь, никого не было, кроме нищего афганца, а у того, когда он с ним говорил, голос звучал тихо и утомленно.

- Точно - Юрка! - совершенно неожиданно сказал афганец, вскочил на ноги и, забыв про свою фуражку с деньгами, подбежал к Майгатову.

- Вы... обознались... Я... вас, - не знал, как отвязаться от него.

По опыту Севастополя он твердо усвоил, что пьяницам лучше не отвечать, чтобы не оказаться втянутым в бесконечный диалог о трудностях жизни и степени уважения друг друга. Но на этот раз перед ним стоял нищий, а не пьяница.

- Стой здесь, Майгатов! - вообще новым, уже третьим за сегодня голосом приказал нищий и побежал за угол дома, по пути с цирковой ловкостью подхватив кепку-сейф.

Вот теперь он точно поверил в галлюцинацию. Ну откуда нищий в Москве мог знать его

фамилию? Даже если это был десятый или двадцатый нищий из тех, что он видел на вокзале и вот теперь здесь, на Садовом кольце.

Он все-таки пошел прочь от магазина, от наваждения. У поворота к вокзалу кто-то остановил его за плечо. Майгатов обернулся и чуть не подпрыгнул от радости.

- Ми-ишка!

Они схлеснули объятия. На глазу у Мишки лежала черная, как у того нищего, повязка, но все остальное было иным. Лицо менее смуглым, кожа на щеке, где у нищего лежал шрам, отливала детской чистотой. Спину Майгатова тискали крепкие ладони, а от куртки пахло дорогой, лайковой кожей.

- Какими ветрами, Юр? - оттащив его под козырек магазина, из-под усиливающегося дождя, спросил Мишка.

- В отпуске. Решил вот... в Москву. И дела здесь есть...

- Ну ты даешь! У тебя - и дела в Москве? А корабль? Ты ж службист до мозга костей!..

- Потом объясню... Понимаешь, я с пяти сорока - в Москве. Часов шесть тебе звонил, звонил. Уже, как говорят, "крыша" поехала. И вдруг... как в сказке, - и снова напомнила о нищем черная повязка на глазу. - А что это у тебя?

- Это? - коснулся он глаза, будто и так ясно не было, о чем спрашивают. - Жизненные издержки. Потери на предпринимательском фронте.

- Знаешь, там, за углом,.. в общем, нищий...

- Это - я, - так запросто признался Мишка, что Майгатов даже испугался.

- А это... культы... и, как его, ...ну, шрам?..

- Дело техники, - подхватил его под локоть и повел к метро. Понимаешь, это как бы спецзадание. Типа эксперимента. В общем, потом объясню...

Майгатов ничего не понял. Голова кружилась от голода, и он радовался тому, что встретил школьного знакомого. А то, что к радости примешивались горечь и удивление, старался не замечать.

3

- Нас утро встречает прохладой! - сотрясал комнату звериным рыком Мишка.

Он то в немыслимом канкане двигал ногами, пытаясь дотянуться рукой до тупого носка вельветовых тапок, то начинал вращение узкими бедрами под невидимым хула-хупом, то приседал с вытянутыми руками с бурлацким стоном "Эх, ухнем!" Этот непрерывный, сумбурный ряд движений у него, видимо, считался зарядкой, потому что по их окончании он еще громче заорал: "Начать водные процедуры!" - и побежал на кухню пить чай.

- Вставай, отпускник! - проорал оттуда.

Майгатов хрустко потянулся, сел на звякнувшей оторванными пружинами раскладушке и неприятно ощутил, что он все-таки должен задать Мишке несколько вопросов. Натянув джинсы, он босиком прошлепал на кухню, сел напротив него и вдруг понял, что, пока не привыкнет к его новому лицу, ни о чем спрашивать не сможет.

- Бери, - подвинул Мишка бутерброд с ветчиной.

Повязки на лице не было, и веко, вдавленным лепестком лежащее на пустой глазнице, казалось, вот-вот должно открыться и показать Майгатову красивый карий диск, из-за которого столько девчонок в их классе сходили с ума.

Беспрерывно двигались щеки, губы, двойную норму вращения обрабатывал единственный глаз, а лепесток все лежал и лежал. И Майгатов, наконец, привык.

- Когда ты его... ну, потерял?

- С полгода назад. За долги... О-о, чайник закипел! Сейчас заварим адскую смесь индийского, цейлонского и еще непонятно какого... Та хоть знаешь, что лучшая заварка - от смеси?

- А как это: за долги? - не обращал внимания на его излишнюю суетливость Майгатов.

Мишка сел, как-то сразу позабыв про чайник, из носика которого выбулькивал кипяток и растекался по плите между серых дисков-конфорок.

- Кончился, наверно, Юр, мой бизнес. Где-то с годик был я на коне. Шуровал товар из Германии, хорошо сбывал, с налоговыми инспекторами, рэкетирами и милицией ладил, а потом бес попутал. Жадность, будь она проклята, сгубила. Я же все время жрачку продавал, а тут узнал, что одни иностранцы хотят крупную партию "МАЗов" закупить. Я подсуетился, вышел на Минск. Смотрю: такая выгода, что можно потом замок в Швейцарии строить. Взял я крупный кредит в банке, закупил машины, пригнал в Подмоскovie, а иностранцы - бац! - и отказались. Вот и верь после этого, что капиталисты честные ребята. Там всего хватает. Честные, конечно, есть, но дерьма больше. Короче, подергался я, подергался, а машин никто не берет. А тут срок возвращения кредита. Продал я фирму со всеми потрохами, продал машину и квартиру, но все вернуть не смог. Банк нанял мордovorотов. Ну, и как бы в счет остатка, они меня отделали... В реанимации, Юр, месяц проторчал. Сейчас, правда, уже нормалек. Только вот глаз не вернешь и башка иногда как заболит - лучше, кажется, сдох бы.

Чайник, разуверившись, что к нему хоть кто-то подойдет, тихо вздрагивал и уже ни о чем не просил. Диски конфорок казались необитаемыми островами, окруженными сплошным морем воды.

- Ты это... завари, - напомнил Майгатов, хотя не чая ему хотелось. Хотелось отвлечь Мишку от той грусти, в которую он его втянул своим вопросом.

- Снял я тогда вот эту квартирку в "хрущобе" у одного хмыря. Представляешь, у него таких фазенд штук десять по Москве. Сам по курортам да за границам, а денежки текут. Неплохо? - и вдруг почувствовал, что самого главного еще не сказал. - А то, что ты вчера видел... ну, маскарад этот. Научили меня, Юр. Я ведь все-таки на ноги встать хочу, в себя прежнего вернуться. А собирательство... ну, нищенство - это дело повыгоднее любого другого. Только ментам вовремя отщелкивай да мордам, что район контролируют. Ты пойми: я же на самые бойкие, самые хлебные места в подземных переходах не лезу. Я свою норму - "баксов" двадцать в день снимаю - и все...

- Сколько? - не поверил Майгатов.

- Двадцать. О-о, гляди: чайник почти выкипел, - и вскочил к нему.

Сильнее, чем потерянный глаз, сильнее, чем вся история с кредитом, удивил его суточный заработок нищего. Он был равен его месячному, офицерскому. Он не сказал этого Мишке, а тот и сам не спросил, то ли зная, то ли догадываясь о том, что истинная нищета была не в подземных переходах столицы, а на кораблях флота.

- Потомим его маненько, - укрыл Мишка заварник толстым да еще и сложенным вчетверо

полотенцем. - А ты-то какими ветрами в Москве?

Вчера он привел Майгатова в эту квартиру и срочно куда-то убежал. До полуночи так и не появился. Майгатову пришлось лечь на означенную им раскладушку, а после этого он уже не помнил и не слышал ничего. Пока не проснулся от бодрых криков Мишки. И в том, что многое они выяснили сейчас, на свежую голову, была масса преимуществ.

Наверное, от усталости и раздражения на мишкино мошенничество он бы иначе воспринял его рассказ. Возможно, он бы разругался с ним вдрызг и ушел, но сейчас он чувствовал кроме раздражения и жалость. И она удерживала его в мишкиной квартире.

- Чего молчишь? Я грю, дела у тебя какие в Москве?

- Мне одного человека найти нужно. Иванова.

- Да-а, фамилия очень редкая. А какие зацепки?

- Телефон есть служебный. Но... не отвечает он.

- Он - флотский?

- Нет, - посомневался и все-таки сказал: - Из ФСК.

- Интересный компот. Ты что: с органами задружил?

- Говорю тебе - дело, - и раздраженно выглянул в окно, где серело осеннее московское утро.

- Диктуй номер, - повернувшись, с грохотом переволок он с тумбочки на стол желтый взфовский телефон. - Из-за этой заразы, - показал на него, лишние пятьдесят "баксов" в месяц плачу. Лучше б снял без телефона, - и начал накручивать называемые Майгатовым цифры.

- Никого? - верно понял его молчание.

- Может, где бегаешь, - успокоил Майгатова. - Попробуем почесать левой рукой за правым ухом...

На глазах у Майгатова начало разворачиваться действие, которого он еще в жизни не видел и по которому понял, в чем состоит отличие между ним, офицером, и Мишкой, коммерсантом по природе. А тот начал вязать совершенно немыслимую "цепочку". Сначала по справочной взял телефон Союза журналистов. У них, представившись почему-то шведским репортером, выпросил номер пресс-центра ФСК. Эфэскашников минут пять благодарил от имени известного тележурналиста за помощь в передаче, которую Майгатов не видел, а, когда почувствовал, что на том краю трубки кремневые разведчики расплылись в розовый сироп, зажал соты микрофона и шепотом, словно люди из ФСК могли услышать и сквозь его пальцы, уточнил:

- Он из какого управления?

- Наркотики. Что-то с этим связанное...

Кивнул и быстро, как от лучших друзей, получил телефон дежурного по управлению. Новость, узнанная уже от него, несколько смутила Мишку. Он с десятков секунд подержал ее в себе и все же решил поделиться.

- Понимаешь, - опять зажав трубку и виновато покусывая губу, пояснил он: - Не служит он больше, уволили по дискредитации, - и сконфуженно замолчал, будто уволили Иванова из

органов только из-за того, что он все-таки дозвонился до этого клятого управления.

- А вот... домашний... Спроси домашний телефон, - перегнулся к нему через стол Майгатов.

Мишка воспрянул, точно ему предоставили последнюю возможность реабилитироваться, и поплел совершенную чушь о том, что у него были какие-то дела с Ивановым, что тот задолжал ему шестьсот долларов с лишком и, если раньше скрывался от него на работе, то теперь, не зная его домашний телефон, он его тем более найти не может. Наверно, он ударил по нужной клавише, потому что дежурный, явно знавший Иванова и явно к нему никогда хорошо не относившийся, тут же продиктовал заветные семь цифр.

С видом победителя грохнув чужую трубку на чужой телефон, Мишка вальяжно, с растяжкой, спросил:

- Ну-у что... звоним?

—

4

Иванов встретил холодно. Человеку всегда неприятно представать перед знакомыми в худшем качестве, чем он был до этого. Капитан ФСК, таинственность, загранкомандировки - и почти ничего взамен.

- Ты в Москву надолго?

Значит, холодность еще и от того, что видит в Майгатове потенциального квартиранта.

- Трудно сказать. Я у друга остановился.

Внешне Иванов не отреагировал, но по тому, как он предложил ему зайти в зал, понял, что сказал именно то, что нужно.

Сели. Помолчали.

- Я не знал, что вы это... ну, не служите...

- А чего тогда официальнойничаете, выкаетесь? Давай на "ты"...

Нет, все-таки он вовремя сказал, что остановился у друга. Чувствовалось, что Иванов подуспокоился.

- Хорошо. Вы... то есть ты.. помните... тогда ко мне журналист в больницу приходил? Из Рейтер. Интервью брал.

- Бородатый такой?

- Да-да - косматый. Весь в перхоти...

- Везет мне на бородатых, - сокрушенно помолчал над чем-то своим.

- Так этот корреспондент.. ну, бородатый... Только он, правда, бороду сбрил... Так он у нас, в Севастополе, объявился.

- На курорт, значит, приехал...

- Ну, вообще-то, Севастополь - не Ялта.

- Знаю, знаю. Это я так сказанул. На самом деле эти ребята в Ялту уже не ездят. И тем более - в Севастополь. Им теперь Ниццу подавай, Флориду, Канары. Я так чувствую, что поработать он к вам приезжал. Верно?

- Работой я бы это не назвал...

- Ну-ну, и что же он у вас делал? - и просительно посмотрел на молчащий телефон.

Майгатов оттолкнулся от спинки кресла, сел на самый краешек, чуть наклонившись вперед, и обстоятельно рассказал все, что произошло в Севастополе...

- Зря ты Жбанского так отпустил, - подвел Иванов итог услышанному. Украинцы его бы покрывать не стали, выдали бы прокуратуре. У нас межправительственное соглашение по этому поводу есть.

- Понимаешь, - кажется, впервые обратился он к Иванову на "ты" и не ощутил никакого сдерживающего барьера, - я не верю в то, что выдали бы. Нужно жить в Севастополе, чтобы понять это. Бумаги, может, какие и есть, но в действительности все решается не бумагами, а совсем иными вещами. И самую большую роль играют... ну, скажем так, чувства: зависть, злоба, раздражение...

- Ладно. Черт с ним, с этим Жбанским. Если я не ошибаюсь, благодарность за уничтожение банды мне объявляли зря. На яхте, судя по всему, ни главаря с этой...как его...

- С бородавкой на лбу...

- Да, с бородавкой, ни девицы, ни итальянца, ни, тем более, псевдожурналиста уже не было. Псев-до-жур... как его, говоришь, по документам?

- По тем, что показал милиционеру, - Зубарев. По тем, под которыми жил на "Енисее", - Кострецов. Интересно, какая фамилия настоящая?

- Ни та, ни другая, - совершенно спокойно сказал Иванов. - Зубарев, Кострецов... Сплошная анатомия. Вот что такое - кострец?

- Кость какая-то, - смутился Майгатов.

- Три балла за ответ. Кость там есть. И все же, - он рывком встал, подошел к полке, вынул из строя книг толстый, зеленый том словаря, полистал его и громко провозгласил: - Вот: кострец - часть мясной туши, верхняя часть задней ляжки... Когда ты этих ребят за ляжку схватишь, они взвоят по-настоящему.

- Я?

- Конечно, ты.

- А не... мы? - с неприятно поднимающейся в душе тревогой спросил он.

- Понимаешь, занят я сейчас, - вдавливая том в уже расслабившийся, почувствовавший свободу строй книг, пояснил Иванов. - Я фирму частного сыска открыл, и сейчас поступил неплохой заказ... Ну, может, не такой уж и неплохой, но если я клубок распутаю, то потом можно будет полгода только лежать и плевать в потолок.

- Честно говоря, я надеялся...

- Да и потом, пойми меня: та контора, в которую ты вцепился, интересовала меня по чисто служебной необходимости. Какой мне толк гоняться и дальше за ними?

Он говорил, расхаживая по мягкому, глушащему шагу ковру, говорил, то и дело бросая взгляды на молчащий холодный пластик телефона, а Майгатов с каждой новой секундой этого хождения и нудного, бесцветного говора все неприятнее ощущал в душе тревогу. Может, и вправду он слишком много себе вообразил, решив, что только Иванов сможет ему помочь, сможет остановить бандитов на их пути к "Ирше". И когда оказалось, что единственная надежда рухнула, он ощутил бессилие. А, может, и ему плюнуть на эту погоню и уехать в Севастополь? Сразу вернется прежняя размеренная жизнь, вернутся заботы "Альбатроса", может быть, перестанет кукситься на него Бурьга и назначит вместо уходящего Анфимова командиром.

Бурьга? А суд чести? Он уехал на вокзал до того, как он начался. Уже одним этим он бросил вызов Бурьге и теперь... Испарина холодом легла под чубом. Только сейчас, в квартире Иванова, он вдруг остро понял, что уже не будет никакой размеренной жизни, не будет "Альбатроса", не будет Анфимова. Он сжег мосты. И чтобы хоть немного, хоть отчасти вернуться к себе прежнему, он должен найти тех, кто принес столько боли ему, кто обманул его в Севастополе так нагло, так мастерски, так небрежно даже.

- А если, - прервал он все что-то говорившего Иванова, - если я помогу тебе в твоём деле, а ты - в моем?

Он хватался за ускользящую надежду, он не хотел, чтобы отчаяние толкнуло его на какой-нибудь необдуманный поступок. Однажды он уже поддался отчаянию. Был тяжелый, до тьмы в глазах тяжелый бой на ринге. Он, как всегда, считал свои очки и очки противника, и в конце, когда калькулятор в мутящейся голове подсказал, что на два-три удара у него больше, начал вязать противнику руки. Он протянул в этой скорее вольной борьбе, чем боксе, двадцать последних секунд и под удар гонга праздновал победу. Но судья поднял руку соперника. Куда-то пропали усталость и боль. Осталось только отчаяние. Страшное, переходящее в бессилие, отчаяние. И тут соперник усилил его насмешкой. Рука сама собой впечатала нос врага в алый круг лица. Кровь брызнула на белое манишко судьи. Потом над ним еще сжалились - дали только полгода дисквалификации. А могли вообще...

- У меня - очень серьезное расследование. Заказчики просили о максимальной конфиденциальности. Каждый лишний человек, осведомленный о...

- До свидания! - рывком с края кресла вскочил Майгатов и метнулся в прихожую, к двери.

Телефонный звонок ворвался в квартиру. Иванов тигром прыгнул к трубке, сорвал ее, чуть не уронив на пол, вдавил в сразу покрасневшее ухо.

- Славка? Что? Ждал, ждал, еще когда ждал. Погоди, - сжал микрофон в потный кулак и крикнул в прихожую: - Стой, Майгатов! Не уходи!

А тот и без просьбы бы не ушел, потому как не мог совладать с непонятным замком в двери.

- Ну что: когда? Сегодня? В каком ночном клубе? Сведения точные? А-а, уже бригады в готовности... Понял, понял. Никому - о твоём звонке. Конечно, конечно - все по дружбе. С меня причитается, - и мягко положил трубку.

Майгатов стоял у входа в зал. На его мрачном почерневшем лице топорщились усы.

- Открой! - кивнул он вправо, хотя прихожая находилась за его спиной.

- Ну чего ты психуешь! Сядь!

Майгатов не сдвинулся ни на сантиметр. И то, что он остался стоять на прежнем месте, еще сильнее укрепило Иванова в случайной, непонятно как появившейся мысли.

- Вечером мне потребуется помощь. Согласен?

В мрачном молчании никак не мог Майгатов переварить столь резкую смену настроения у Иванова.

- А я... по мере моих сил... помогу тебе.

- Что нужно делать? - спросил Майгатов и сам удивился, что никакого раздражения в голосе нет.

- Для начала пошли в прихожую.

Он долго рылся в хозяйственном шкафу, снимая одну коробку с другой, пока, наконец, не добрался до самой нижней. Похоже, когда-то в ней лежали женские сапоги. Открыл ее, глазом смерил грудь Майгатова и вытащил из трех лежащих там свертков нижний.

- Примерь. Из старых запасов.

Только теперь Майгатов понял, что в пакете лежал бронежилет. Увесистый, в белоснежном чехле.

- Списанные. Но ты не волнуйся. Сплошное новье. Ни разу не надевали. Представительский. Можно под рубашку надевать.

- А как? - не сразу понял Майгатов, уже снявший куртку и боящийся даже тронуть ослепительно белый бронежилет.

- Через голову... Во-от, правильно. А это зачем отложил? - показал на широкую белую полосу.
- Амортизационный подпор вокруг талии закрепляется. Без него под жилетом никакой вентиляции не будет. Ну, и чтоб гематомы, если что, поменьше...

- Какие? - неприятно удивился Майгатов.

После одного боя у него была гематома на левом боку, и сходила она так долго, что повторения ему не хотелось.

- А ты что думаешь: отскочила пуля от брони - и все? О-о, друг! Такие гематомы остаются, что врагу не пожелаешь. Но ты не бойся. Это я для сверхстраховки. Мы-то в деле участвовать не будем. Только понаблюдаем. Ну, и на всякий пожарный...

- Теперь - так? - полосками липких лент скрепил по бокам две части бронежилета.

- Правильно. Эти ленты называются застежки "велкро". Сверху рубашечку, галстучек, костюмчик. В общем, чтоб сильно от публики не отличаться. И ничего не бойся, - постучал согнутым в крючок пальцем по металлу. - Пятая степень защиты. Сталь сорок четыре. Пулю из ТТ с пяти метров отражает...

5

Легко сказать - костюмчик. А откуда у флотского офицера костюм? Особенно, если учесть, что и на корабле, и в городе ходит он почти все время в форме. Конечно, есть для приобщения к "гражданке" свитерок и джинсы с кроссовками. Но чтоб костюм! Это уже больше, чем богатство.

Оставалась надежда на Мишку. Сразу от Иванова он поехал на Курский вокзал, привычно поднялся на Садовое кольцо, свернул к валютному. Вдали, у его двери вопросительным знаком горбился Мишка в своем сером зипуне чуть ли не из мешковины. Но, пока дошел до

него, он превратился в цыгана, на руках у которого лежал кричащий сверток с цыганчонком, которому, судя по сморщенному личику, было от силы десять дней от роду. Конечно, Мишка мастерски перевоплощался, но не до такой же степени!

- Здесь безрукий... афганец... не сидел? - запинаясь, спросил у цыгана.

- Подайте бэженцу из Грузии! Там такой война, ми - бэжанцы.

"Да вы всю жизнь беженцы", - мысленно укорил представителя самой попрошайнической профессии в мире, но пятидесятирублевую монету в кепку-грузинку с непомерным козырьком все-таки бросил. Хорошо, что Мишка русских денег дал.

- А хочиш, пагадаит мая жина? Хочиш?

- Где безрукий?

- Слуший, никого нэ гнал. Он уходил, я приходил. Такой хароший мэсто пустовать нэ должен...

- Ушел? - куснул ус и повернул назад, к Курскому.

Странно. То говорил, что место давно куплено и за день терпеливой отсидки можно двадцать долларов заработать, то на самом деле исчезал куда-то с обеда. Может, стыдно стало?

На эти вопросы ответы мог дать только сам Мишка, но его не оказалось и дома. Посередине единственной в квартире комнаты, где всей мебели-то было две раскладушки да стоящий в углу ветеранистый цветной "Рубин" с лежащим поверху его "видаком", валялась синяя дорожная сумка. Майгатов не сдержался и все-таки потянул замок-молнию. Чувства брезгливости, как тогда, с ящиком Силина, не было. То ли и вправду в нем уже начало просыпаться нечто сыщицкое, то ли Мишка казался все-таки почти родным.

В сумке лежал его карнавальный набор: пластиковые стаканчики культей, уродливый шрам в аккуратном целлофановом пакетике, баночки мазей, кремов, комком свернутая одежда "нищего". С жужжанием вернул в прежнее положение замок-молнию. Смотреть на это больше не хотелось.

Щелкнул дверной ключ и напомнил, что главное, ради чего он вернулся, это не сумка, а "костюмчик"...

- Нет проблем! - выслушав просьбу, выкрикнул Мишка. - За мной!

Вдвоем спустились во двор, перешли улицу. Мишка завел его в коммерческий магазинчик, о чем-то пошептался с лысым продавцом и показал на дверь в подсобку:

- Иди, будем мерять.

Когда, выбрав, пожалуй, лучшее из всего, что висело в магазине майгатовского размера, они вышли на улицу, Мишка попросил:

- Только не уделай. Напрокат же взяли.

- В смысле? - не понял Майгатов.

- На сутки. Пять "баксов" дал. Он, гад, дорогой. Настоящая Италия...

- Круто, круто! На фирмача тянешь, - оценил костюм Иванов. - Не-ет, уже не тянешь, - сбавил эмоции, взглянув на ботинки.

- Мишка сказал: немецкие, - тоже посмотрел на них Майгатов.

Для него все ботинки в мире были одинаковы. Лишь бы не жали.

- Немецкие тоже разные бывают. Эти дешевы для костюма. Ты запомни: на Западе встречают не по одежке, а по обуви и часам. Покажешь так небрежно золотой "Ролекс" из-под рукава - и вопросов нет.

- Так это на Западе.

- Вообще-то да. Но наши тоже уже просекать начинают. А ты что: так без куртки и ехал?

- Подходящей не было. Да и дождя вроде нет. Пойдем? - кивнул на залитый светом железобетонный куб, который в прошлой жизни был то ли киноцентром, то ли домом культуры, а сейчас перевоплотился в ночной клуб.

- С ума сошел? Сегодня вход - пятьдесят "баксов". И металлоискатели такие - арками - стоят.

- А зачем же тогда... это, надевали? - ткнул себя пальцем в стальной живот.

- Помнишь, как в том фильме: настоящие герои всегда идут в обход. Мы повторим их маршрут...

Они действительно обогнули в кромешной, почти полночной тьме здание и подошли к слабо освещенному стеклянному подъезду. Иванов властно постучал ногой по алюминиевой раме. Подождал чуть-чуть и повторил свое футбольное движение. В полумраке что-то зашевелилось, шагнуло в полосу робкого света, и Майгатов удивленно чуть не вскрикнул. И только когда хозяин "черного входа" приблизился к двери, он понял, что обознался. Издали охранник очень походил на Сосо: и ростом, и массой, и кулаками, и лунообразно выгнутым лицом. Когда же он открыл дверь, осталось все, кроме лица, которое хоть и было выгнуто, но все-таки оказалось славянским.

- ФСК. По звонку, - ткнул Иванов в охранника развернутой "ксивой".

- Знаю, - хмуро ответил тот, по-коровьи выжевывая жвачку.

- Это - со мной, - властно сказал Иванов, больно пнул Майгатова по ноге и прошел мимо амбала в здание.

- А "ксива"? - угрюмо промычал охранник.

Но Майгатов уже успел войти, а ставший каким-то начальственно холодным Иванов ответил за него:

- Есть. Все у него есть. Мы спешим. Куда идти?

Наверное, он сказал слишком много слов для охранника, чтобы тот успел их переварить за несколько секунд. Тот хмуро покатал морщину по узкому лбу, то ли забыв, что он требовал, то ли вспоминая, куда же на самом деле нужно идти двум эфэскашникам, и все-таки показал вправо, на лестницу.

Иванов пошел к ней так, словно он здесь хозяин клуба, а не гость. Майгатов торопливо двинулся следом, неприятно ощущая, как после холода улицы становилось мокро и тепло под панцирем бронезилета.

На втором кордоне, уже перед залом, охранник оказался еще покладистее. Он не стал даже смотреть на их одну на двоих "ксиву" и просто отошел в сторону.

Они шагнули в грохот музыки, в океан света, в визг, писк, крики, и у Майгатова от такого резкого перехода прямо закружилась голова. В училищные годы он несколько раз заходил на танцы, но они ему не понравились, потому что уж очень напоминали боксерскую тренировку: много прыжков, много резких движений и слишком густой запах пота.

Здесь же, в огромном, с пол футбольного поля, зале ночного клуба было еще больше прыгающих, еще резче движения, но совсем не пахло потом. Кондиционеры гнали свежий воздух, а сотни оттенков французских, американских и итальянских духов сплетали такую немислимую сеть, в которую Майгатов просто не мог не попасться.

Он ошарашенно обводил подрагивающим в такт юпитерам, никак не сосредоточившись взглядом танцующих, подиум с завозной из-за "бугра" черной "звездой", длинную стойку бара, столики, стоящие между пальм, а Иванов сходу вник в обстановку.

- Пока - чисто. Пошли зайдем столик.

Они сели за самый крайний. В центре его непонятно зачем горел желтым светом плафон в виде цветочного бутона.

- И за эти танцы - пятьдесят долларов? - удивился постепенно пришедший в себя и пообвыкший Майгатов.

- Обычно - пятнадцать. Но сегодня есть "звезда". Вот тот - черный. Цена подскочила.

- Наверно, в обычный день народу больше.

- Из-за цены, что ли? Да конечно! Наоборот, когда есть "звезда", народ валом валит. Пойми, Майгатов, для тех, кто сюда зарулил, нет разницы: что пятьдесят долларов, что пятнадцать.

Рука Майгатова машинально нащупала в теплом нагрудном кармане заветные полста "зеленых". После того, что он узнал, они как-то уменьшились для него, хотя остались в том же номинале.

- Это все - преступники? - тихо спросил он Иванова.

- Ну почему же все! Конечно, вон те - явно рэкетеры, - глазами показал он на двух стриженных квадратов, лениво дергающихся под музыку. - Наверно, есть дети чиновников-взяточников, но, в основном, коммерсанты, фирмачи, служба казино, ресторанов, баров, - и резко прервал перечисление, обменявшись взглядами с высоким стройным парнем, который прошел мимо их столика и скрылся за резной двухстворчатой дверью.

- Сейчас пойдем в казино, - вдруг заговорил он строгим, командным голосом. - Первое: на входе обменяй эти деньги на фишки, - сунул ему в карман пиджака сложенную вчетверо бумажку. - Играть не нужно, но так хоть на время с себя внимание снимешь. Второе: стань возле игрового стола рулетки. И, самое главное, третье: ничего не предпринимай. Стой мешком - и все. Понял?

Майгатов тряхнул чубом.

- Ну, с Богом!

Они прошли за дверь и, как только она закрылась, удивленно ощутили кладбищенскую тишину. Как будто весь огромный, ревущий, орущий, грохочущий музыкой ночной клуб "Титаником" погрузился в пучину, а на плаву остался лишь маленький, тихий, весь обитый и застеленный зеленым отсек казино.

Вслед за Ивановым Майгатов обменял бесценные доллары на три смешные пластиковые

фишки и, зажав их в кулаке, прошел к рулетке. Наверное, у стола с "блэк-джеком" было интереснее, потому что там игра, начинаясь, как-то быстро заканчивалась и все менялось с калейдоскопической быстротой, а за столом рулетки крупье совершал свое таинство с такой медлительностью и величавостью, словно действительно хотел доказать, что рулетка - игра дворянская, а "блэк-джек" - плебейская.

- Делайте ваши ставки, господа! - предложил он шестерке игроков.

Пьяненькая, в черном, с блестками, платье, дама поставила на красный цвет. Маленький худой мужичок, явно иностранец, который после каждого слов крупье отклонялся назад, к переводчице, выбрал "нечет". Два пузана, с расстегнутыми пиджаками и одинаково вспухшими на шеях венами, предпочли "дюжины": один - первую, другой - третью. Фирмач с эспаньолкой, поблескивая кольцом с бриллиантом, рассыпал фишки в совершенно глупом порядке, будто ему больше хотелось проиграть, чем выиграть, а, может, его и вообще игра не интересовала, а просто некуда было девать деньги. Он громко вслух пострадал над тем, что в этой рулетке был всего один "Зеро", а вот когда он играл в том году в Лас-Вегасе, то у них - целых два. Шестой, невзрачный мужичонка с аккуратно подстриженной окладистой бородкой походил на ученого, кандидата наук, как минимум, который отчаялся честно заработать в родном еле дышащем институте и решил поискать счастья в рулетке. Два своих жетона он бережно положил на "каре" и этим движением заставил крупье, симпатичного, с чуть великоватой для него "бабочкой", парня крутнуть рулетку.

Завертелось колесо, а по его верхнему, гладкому, из коричневого пластика, ободу заскользил одинокий шарик из слоновой кости. До того, как он, устав, упадет в ячейку, для каждого из шести он был милее матери, жены и детей. Он еще оставался символом надежды.

Ставки можно было делать и когда шарик все еще бежал по ободу, но никто к этому не стремился, и крупье, наметанным глазом отметив, что шарик слабеет и вот-вот нырнет в какую-нибудь "квартирку", наконец произнес:

- Ставки сделаны!

Когда шарик, все-таки подчинившись закону всемирного тяготения, нырнул в черную квартиру с интересным номером "13", пятеро возненавидели его сильнее, чем самого главного своего врага. Даже фирмач с эспаньолкой, который, оказывается, был хладнокровен до ставок, но никак не после появления результата. И лишь "ученый" радостно отер мокрую ладонь об усы и бороду. Черное "13" входило в его "каре".

Руками крупье сгреб к себе все фишки со стола, кроме двух, лежащих на "каре", обернулся к стэку, где стопками по двадцать стояли точно такие же фишки, ловко вынул шестнадцать из одной обоймы и такой же ровной башенкой поставил их перед бородачом. Майгатов шагнул чуть ближе к нему, чтобы поздравить мужчину с удачей при такой сверхрисковой игре, но тот, как-то резко, быстро бросил взгляд на его ботинки и, забыв о фишках, встал и направился к выходу.

Шагнувшему за ним высокому парню он, так же резко обернувшись, из какого-то аппарата, зажато в кулаке, ударил в лицо струей газа и не побежал, а просто выпрыгнул из казино. Парень сел на пол, закрыв глаза ладонями. У стола с "блэк-джеком" с грохотом упал стул. Сваливший его игрок подбежал к парню, тоже что-то прыснул ему поверх ладоней и над головой, а потом сразу бросился из зала. Иванов - за ним.

Все произошло так молниеносно, так безмолвно, словно Майгатов смотрел немой фильм. Сбросив оцепенение, он тоже выбежал из казино в зал и тут же ослеп и оглох. Негр извивался на подиуме под молотобойное "техно", прожектора, рыская по залу, били прямо в глаза горячим желтым светом, и от этого казалось, что он вбежал совсем в другой зал. И только когда увидел идущего к нему Иванова с утомленным, посеревшим лицом, понял, что

он находится все там же.

- Говорил же - ботинки! - пройдя мимо, прокричал Иванов.

Сел за пустой столик и приказал:

- Обменяй фишки на деньги и возьми в баре по глотку водки!

Майгатов послушно, ничего не понимая, выполнил команду, принес два огромных стакана, на дне которых сиротливо плескалось по сорок грамм бесцветной жидкости, поставил перед Ивановым.

- Что стряслось? - сел, не испытав облегчения. Бронежилет, бочкой обхвативший тело, надоел до ужаса. Если бы сейчас его разрешили бы снять с мокрой, жаром пышущей груди, ему б, наверное, показалось, что он заново родился.

Иванов с молчаливым раздражением всадил в глотку два горьких глотка, поставил на стол опустевший стакан и виновато посмотрел на высокого, вышедшего из казино парня.

- Я же просил, - вытирая слезы упрекнул тот.

- Кто ж знал, Слав, - встав, развел руками. - На выходе, - торопливо показал вглубь зала, - на выходе взяли его.

- А шуму сколько! Как на пилораме!

Он подошел к столику, взял майгатовский стакан, опрокинул его в себя и, брезгливо не замечая напарника Иванова, посоветовал:

- Больше лохов с собой не води.

- Что ты сказал?! - подбросила ярость Майгатова.

- Что слышал.

- Сядь! Юра, сядь! - одернул сзади голос Иванова.

- Ты кого лохом назвал?!

- Чего тут у вас? - подошел тот любитель "блэк-джэка", что поливал ладони парня газом. - Может, татами вынести? Поборетесь! Пошли, Слав, взял за локоть парня, из ненавидящих, сузившихся глаз которого вытекали большие, какие-то ненастоящие, капли.

Плачущий подчинился.

- Я сказал: сядь! - вновь потребовал от собравшегося догнать его Майгатова.

- Сволочь твой Слава! - вернулся, но не сел. - И нахал, - увидел пустой стакан.

- Не сволочь, а майор ФСК. Они киллера брали.

- Киллера? - вогнала новость Майгатова в кресло.

- Еще какого! На нем смертных грехов, как игрушек на новогодней елке, - и вдруг погрузился. - Но, понимаешь, не тот, которого я ищу. Борода похожа, а остальное - нет.

- А тот, второй, с майором, кто?

- Кто? А-а - это капитан, - уловив, что вопрос задан был не просто так, а с подтекстом,

пояснил: - Ты думал: раз газом брызгается, значит, тоже бандит? Не-ет, это он Славику нейтрализатором газа прополоскал. Флакон с маркером "R" - для закрытых помещений, - похвастался осведомленностью и погрузнел. Может быть, от того, что эта осведомленность была из прошлого, из того прошлого, что он потерял навсегда.

6

На кухне было душно. Но не от жара печки, на которой гудел разогреваемый чайник, и не от тепла батарей, все время утробно перебулькивающих. Душно было от тоски.

Въевшийся в ноздри, застрявший там запах духов, запавшие в память девичьи лица, ноги, руки, жесты, улыбки вдруг остро напомнили Майгатову как он одинок. И от того, что кто-то даже не испытывал этого гнетущего чувства, купаясь в любви и нежности, его ощущение одиночества показалось еще горше и острее, чем в Севастополе.

Огромная ночная Москва лежала пустыней, в которой ему хотелось волком выть, но, даже если бы он завыл, ничего бы не произошло. Никому не было дела до его одиночества. Ни тем, кто его испытывал так же в эти минуты, потому что у них было их одиночество, ни тем, кто спал, его не испытывая, потому что на время они лишились своего одиночества и вряд ли были от этого несчастны.

Спал, постанывая, Мишка. Спали соседи. Засыпал даже, кажется, электронный будильник, который переводил стрелки с таким нежеланием, так медленно, что минут через пять, когда наступил час ночи, бросил бы свое занятие и заснул.

Рука сама подтащила телефон, сама вдавила между плечом и головой трубку, сама начала накручивать диск. Где-то далеко отсюда, в центре города, в квартире, которую он сто раз представлял себе, но представить ни разу не смог, запульсировали его звонки. Напрасные, в пустоту звонки.

- Да, - хрипло ответила трубка, но это "а" в слове он не воспринял как звук. В ухе оно вибрировало всего лишь новым гудком.

- Кто это? - уже чище прозвучал голос.

Он вздрогнул и, посмотрев на указательный палец с красным ободком, точно он один был виноват в неверном наборе, заторопился с объяснениями:

- Извините, я, наверное, не туда попал.

- Конечно, не туда. Тем более в час ночи.

Голос вряд ли мог точно передать возраст своего обладателя, но то, что не меньше пятидесяти, - это он мог гарантировать.

- А какой вам нужен номер?

Кажется, у голоса больше сочувствия, чем раздражения. Он выслушал семь цифр и неожиданно сказал:

- Это - наш номер.

- Может, Лена ошиблась, - сразу о самом худшем подумал он.

- Вы знаете Лену? - искренне удивился голос.

- Я знаю Лену Кудрявцеву, ту, что в Эфиопии.

Голос помолчал и вдруг испугал его:

- Она не в Эфиопии. Она - в соседней комнате.

- Правда? - уже как игру воспринимал разговор Майгатов.

Он где-то слышал, что есть и дамы бальзаковского возраста, и даже старушки, готовые говорить о чем угодно. Лишь бы говорить. Наверное, они были еще более одиноки, чем он. И чтобы избавиться сразу от такой полуночной говоруньи, он прямо попросил:

- А вы не можете ее позвать к телефону?

- Вообще-то она прилетела в обед. Очень устала... Ну, ладно, я попробую. Как вас представить ей?

Он испугался еще сильнее. Горло стало шершавей напильника.

- Юр...Юрий Ма-майгатов. Из Севастополя.

- Постараюсь не забыть.

Он ждал две минуты. Ему показалось - два часа.

- Здра-а-авствуйте, - под зевок ответил измененный кабелем, микрофоном, измененный расстоянием голос. - Какой Юрий?

Он все-таки узнал его. Узнал по московской певучести, по мягкости, узнал сквозь даль времен голос, звучавший в жаркой палате, голос, вернувший его к жизни.

- Это - я. Майгатов. Юра. Старший лейтенант с "Альбатроса".

Наверное, он все-таки испугал ее. Или это его испуг перелился по проводу в ее трубку, плеснул в заспанное лицо.

- Ю-у-у-ра, - тихо протянула она. - Мама, мама, это тот Юра, о котором я тебе рассказывала! Ю-у-ура! Ты здесь, в Москве?

- Да, - он даже не знал, сможет ли он разговаривать или будет с трудом выдавливать односложные "да" и "нет".

- Ты звонил мне?

- Да.

- А никого не было. Мама - на даче. Я - на юге... Ты еще долго будешь в Москве?

- Да.

- Что - да?

- Да. То есть долго. Наверное, долго. Не меньше месяца.

Ему совсем не хотелось говорить. Хотелось слушать, слушать, слушать ее голос. Так путник в пустыне готов пить, пить, пить воду. А он и был тем путником, а Москва - пустыней. И вот барханы кончились. Блеснул огонек костра, и сердце зануло от сладкого расставания с одиночеством.

- Юра, знаешь, я так себя потом кляла, что не зашла, не осмелела. Тот кагэбист...

- Его уже уволили. Он там не служит.
- Из Эфиопии хотела написать, но что-то держало...
- Я тоже хотел. Уже из Севастополя. Но так закрутилось... А ты надолго?
- Навсегда.
- А этот... как его... контракт?
- Разорвала. Я разорвала, Юрочка, контракт.
- Ну, может, так и лучше.
- Ты не думай, что я эпидемии испугалась или там жары. Просто позвонили и предложили хорошую работу в Москве.
- Медицинскую?
- Даже не знаю. Но хорошую.
- А кто звонил? - почему-то смутило Майгатова расстояние звонка.
- Однокашник. Он когда-то даже в моем подъезде жил. Теперь в другой район переехал. Фирма, говорит, хорошая, надежная. Да что мы все про меня? Ты-то как?
- Я? - смутился он. - Вот - в отпуске, - а больше ни о чем говорить не хотелось.
- А живешь где?
- У знакомого, в Измайлово. Знаешь, - он облизнул пересохшие губы, - я очень хочу тебя увидеть...
- И я, - еще тише ответила она.
- Когда в Москве открывается метро?
- В полшестого.
- В шесть я буду у тебя.
- Не получится.
- Почему?
- Первый поезд идет очень медленно.
- Тогда я выйду к тебе пешком. Прямо сейчас.
- Не делай этого!
- Почему?
- Сейчас опасно ночью... и по Москве.
- Лучше утром.
- Диктуй адрес...

Раньше ездили по стране агитпоезда. Теперь по Москве катил агиттроллейбус. Водитель, седой, явно пенсионного возраста мужчина не выключил в кабине микрофон, и все пассажиры вынуждены были слушать радио. Нудным, полусонным голосом диктор сообщал, что вся страна объята подготовкой к выборам в Думу, что на судебном заседании по делу ГКЧП обвинение проиграло адвокатам, что промышленное производство падает и падает, а Кузбасс готовится бастовать, не забыл пробубнить курс доллара и курс ваучера на бирже, ошарашил всех новостями о том, что каждая десятая коммерческая структура занимается противоправной деятельностью, а разгул преступности настолько силен, что на Западе уже придумали термин "русская мафия", а на пляжах Ниццы и Лазурного берега в этом году отдыхало больше русских, чем немцев и американцев, и при этом большинство русских были в наколках.

Зашипели двери, освобождая от новостей и от троллейбуса. Иванов с облегчением шагнул из него на мокрый асфальт, щелкнул зонтом и ухмыльнулся. "Каждая десятая". Каждая первая занимается противоправной деятельностью! То ли во всеобщем хаосе дело, то ли в плохих законах, то ли действительно в том, что большинство этих структур взошло на дрожжах "черных", преступных денег.

А вот и переулок, в котором стрелял киллер. Голые остовы зданий, похожие на разбомбленные кварталы, какими их показывала фронтовая кинохроника. Битые кирпичи, осколки стекол, доски, пыль, превращенная дождем в грязь. Железный скелет телефонной будки. В пустом, подранном нутре - чудом уцелевший таксофон, из левого бока которого вместо трубки и шнура торчат красные черви проводов. Мертвый, страшный квартал, наказанный жизнью за грехи его прежних обитателей, сначала явно русских бородатых купцов, потом явно - советских чиновников.

- Парой сигарет не выручишь?

Обернулся на идущего к нему здоровенного мужика и даже испугался. На мужике тесно, облегающе сидели спецовка цвета хаки и синяя фуфайка. Крупная рыжая голова была непокрыта, несмотря на уже нешуточный дождь, и то, что она оказалась непокрыта, почему-то успокоило Иванова.

- Я курить бросил, - развел он руками, и отплывший в сторону зонт пропустил на голову и лицо несколько холодных, колючих капель.

Он тут же вернул зонт на место и пожалел мужика.

- Заболеете. Вон как льет.

- Ерунда. Я привычный, - он с сожалением покомкал белесые обветренные губы. - Рано ты курить бросил. Теперь придется ого-го куда за куревом топать.

- Извините, - прервал его уход Иванов. - Вы тут давно работаете?

- Да с месяц. Во-он, - показал на бульдозер, - мусор разгребаем.

- А здесь... ну, в округе, все порушено или где-то еще есть уцелевшие дома или там отдельные квартиры в них?

- На этой улице и там, - показал, обернувшись, на квартал за телефонной будкой, - одни развалины. Вот в том доме, - кивнул на голую, с пустыми глазницами окон, стену, - пару дней назад еще была какая-то контора, но уже съехала. Вон - межэтажные перекрытия уже все сломали. А вы что: к ним, что ли, шли?

- Да, - с ходу соврал Иванов. - Я не знал, что они переехали.

- А то, знаете, местные иногда приходят... Ну, кто тут раньше жил. Деды, бабки. Сядут на камни и ревут. Чего реветь? Хорошие квартиры в многоэтажках дали, а они ревут. Мне бы кто хоть двухкомнатную выделил, я б от счастья напился, а они - ревут.

- А что: долго ждать? - решил посочувствовать главной боли бульдозериста.

- Лет пять еще. Я - из молодых лимитчиков.

"Молодому" на вид было за сорок. Где-нибудь в совхозе дом стоит, хозяйство, а он на Москву покусился. Медом, что ли, здесь намазано?

- А кроме бабок и дедов забредает еще кто-нибудь?

Он упорно подводил к перестрелке, но "инженер", кажется, не соврал, когда говорил, что бульдозерист ничего не слышал и не видел.

- Шпана иногда шастает. Алкаши забредают, бомжи. Но тут на ночь не устроишься - крыш-то нигде нет. Голые стены. Иногда ищут чего-нибудь.

- В смысле?

- Ну, старье там, антиквариат...

- Неужто прямо антиквариат?

- А что! Из-под кирпичей такую безделушку вытащить можно, что хоть в музее выставляй! Продать также можно неплохо... А, бывает, и ерунду ищут. Вчера вот белобрысый один приходил. Кепку, говорит, здесь потерял. А я сколько мусора переворочал, ни разу никакой кепки не видел.

- Белобрысый? - так удивленно спросил Иванов, будто в Москве никогда не встречал белобрысых.

- Ага. Весь в муке.

- В какой муке?

- Ну, в перхоти. По плечам - ну чисто как мука.

- А он ее нашел?

- Кепку-то? Не знаю. Лазил там, - показал в проулок за будку, - с полчаса. А как ушел - не видел... Так сигарет... а, забыл, ты же не куришь! Ты извини, мне еще шуровать и шуровать это дерьмо, - пнул кирзовым сапожищем невероятного размера огрызок красного кирпича, - а я с тобой базарю.

Повернулся и пошел вдоль руин. Где-нибудь за углом, где уже кипела жизнь и бегали троллейбусы, стоял киоск со стандартным набором: сигареты пойло - закусь. Просто не могло не стоять. И мужик пошел на его далекий зов, косолапо подворачивая ноги в пудовых сапожищах и упрямо не замечая дождь.

Кепка? В описании киллера в папке значилась кепка. Если он не путал серая. Да и сам киллер был одет во все серое, неброское, так похожее на пыль развалин.

Иванов прошел на то место возле телефонной будки, где стоял стрелявший. Осмотрел улицу глазами киллера, потом перевел взгляд влево и понял, что точка была выбрана идеально. Из

короткого переулочка за будкой расходилось столько тропинок, столько дырами зияло проходов, что преследовавшим нужно было иметь не менее десятка человек, чтобы гнаться за убегающим по всем возможным путям.

У Иванова по сравнению с ними было главное преимущество - время. Он никуда не спешил. И, мысленно попрощавшись с девственной чистотой своей кожаной куртки, захрустел по битому кирпичу переулка.

Ноги скользили по обломкам стен, по слипшимся сгусткам серого цемента и красных кирпичей, по черным просмоленным балкам, по пустым бутылкам от водки и вина. Глаза хотели хоть что-то высмотреть в этом месиве, но голова-то понимала, что после прошедших многих-многих часов от часа стрельбы, после дождей, которые уже не раз и не два прополоскали эти руины холодными струями здесь вряд ли могло остаться нечто похожее на след киллера.

Как же он умудрился потерять кепку? В прыжке соскочила? Или в стену где врезался? Или упал?

Иванов остановился, непонимающе посмотрев на зонт. Тот почему-то не пускал его вперед. "Дерево, что ли?" - подумал он, отнеся зонт назад и открывая лицо дождю. Нет, ни дерево, ни ветки из полумрака проема не просматривались. Иванов пригнулся и наконец-то понял: проволока! Точнее, даже не проволока, а толстый, в мизинец толщиной, металлический прут. Понизу по нему висели дождевые капли. Красивые капли на мрачном буром пруте.

Не было бы в руке зонта - точно бы лбом врезался. Лбом? Заныло под сердцем, холодком обдало воспоминание - полоса на лбу "артиста". Значит, это он - водитель шефа. Он видел киллера. Он лучше всех остальных, ошарашенных перестрелкой, мог рассмотреть путь его отхода. А уж что не догнал, так либо боялся догнать и попасть под пулю, либо след потерял.

Ростом киллер был пониже "артиста". Значит, вполне мог козырьком кепки задеть за прут. Но ведь и белобрысый, "в муке", здесь рыскал. Может, и нашел потерю.

Присев на корточки, Иванов свободной правой рукой перебрал мусор, лежащий справа от прохода: бутылки, сплюснутые пивные банки, рваные целлофановые пакеты, еще какая-то липкая, гноем текущая по пальцам слизь. А чтоб разобраться в завале слева, требовался, наверное, бульдозер. Или, на крайний случай, бульдозерист с его окаменевшими мозолями на ладонях.

Понимая, что выглядит со стороны глупо, нелепо, странно, Иванов все-таки прижал к стене ставший ненужным зонт и, чувствуя, как медленно намокает, холодеет голова, начал разбрасывать завал. Куски полегче швырял далеко, через пустые глазницы зданий, где раньше они были частью одной стены. Куски потяжелее отваливал тут же, рядом, в лужу, стараясь не замечать, как брызги от них хлещут по брюкам, по ботинкам, а то и по рукавам кожаной куртки. В запале работы он уже и забыл, зачем же разгребает кучу, как вдруг из-под отвернутой деревянной балки выглянуло что-то серое. Наверное, оно и в глаза-то бросилось только потому, что балка была просмоленная, угольно-черная, а пятно - намного светлее ее. В полумраке дождливого дня, усиленного полумраком от нависающих стен, он вполне бы принял пятно за кусок сухой, открывшейся дождю земли, если бы не его округлость. Схватился, ощутив что-то противно мягкое, будто держался за дохлую крысу, потянул и тихо, беззвучно обрадовался - кепка!

Быстро сунул ее под зонт и, согнувшись, точно старикрадикулитчик, выбрался из переулка к телефонной будке. Распрямылся и наконец-то догадался, что одновременно с кепкой можно закрыть от дождя и собственную голову.

Кепка была действительно серой и скорее запыленной, чем грязной. Наверное, сначала ее

завалили обломками стен, а потом уже пошли дожди, но завал был так плотен и прочен, что капли к ней не проникли. Если не считать чуть намокшего уже сейчас, при разборке, козырька.

Он бережно, как одеяльце на любимом ребенке, отогнул край кепки, внимательно, сантиметр за сантиметром, провел по нему взглядом и вдруг ощутил собственное сердце. Тревожно-радостными ударами оно отметило главное - волос. На краю кепки, в той части, что лежит на затылке, темной ниточкой в серую ткань впечатывался волос киллера.

8

Первые стихи на Земле написал влюбленный. Это точно, сказал бы Силин, на сто один процент. Уж на что он всегда был равнодушен к стихам, не знал в лицо ни одного поэта и сразу уходил в училище из ленокмнаты, если на экране телевизора появлялся пиит с горящими глазами и рифмованной ерундой, которую вполне можно было бы сказать нормальным, разговорным языком, но сейчас, под тихий серый дождь, под размеренные шаги, под разгоряченный стук сердца он готов был идти и декламировать любые стихи. Только чтобы в них существовали слова "любовь", "милая", "нежная", "единственная". Но стихов он не знал, а глупые фразы типа "И вновь любовь пьянит мне кровь" или "Милая, милая, с новой силою вновь ты мне даришь любовь" тоже стихов не напоминали, потому что их можно было сказать и без рифм. И тогда он запел:

- Я готов целовать песок, по которому ты ходила...

И осекся. Потому что не знал продолжения.

- Там, где мы были, песок целовать нельзя, - по-медицински строго произнесла она и пошла по бордюру, как по веревочке.

Он взял ее за руку и помог пробалансировать несколько метров. Потом путь преградила огромная лужа, и Лена хитро спросила:

- Перенесешь?

Она ждала ответа, а он легко, как пушинку, подхватил ее, и Лена испугалась.

- Отпусти. Я пошутила.

- А я - нет, - твердо сказал он и шагнул прямо в черный безбрежный океан.

- Ты намочишь ноги.

- Ну и пусть.

- И заболеешь.

- Ну и пусть.

- И мне придется за тобой ухаживать.

- Тогда я сейчас же лягу в лужу, чтобы побыстрее заболеть.

- Ну, отпусти! - мягко, но требовательно произнесла она и посмотрела прямо ему в глаза.

А он шел и шел, и, кажется, уже окончилась лужа и он вот-вот должен был споткнуться о бордюр тротуара. Но о том, что окончилась лужа и вот-вот встретится бордюр, думал внутри него какой-то другой человек. А он, настоящий Майгатов, вообще ни о чем не думал, а только жадно пил и пил ее запах, ощупал и хотел вечно ощущать под пальцами ее хрупкое, ее

нежное, ее девичье тельце.

- Отпусти!

И тут второй человек, тот, который подсказал, что нужно поднять ногу, чтобы не споткнуться о бордюр, заметил надпись над магазином - "RIFLE". В ней было так много похожего на "R.I.F" с оборванной посередине третьей точкой. Особенно то, что буквы в магазинной надписи состояли как бы из прибитых друг к другу дощечек, и черные точки гвоздей красовались и в хвостике "R", и внизу "I", и в подножии "F".

- Что это? - заставил первый человек второго опустить Лену на ноги, и тут же второй стал исчезать, рассасываться, как дым.

- Где? А-а, "Райфл"! Магазин джинсов.

- Зайдем?

- Давай, а то, кажется, скоро опять дождь пойдет.

Они вошли в магазинчик, занимающий угол здания, и у Майгатова разбежались глаза. Столько джинсов, курток, рубашек и свитеров в одном месте он никогда не видел. В универмаги он никогда не ходил, а на севастопольском толчке ему хватило первого продавца, у которого он сразу купил турецкую подделку под "Левайс": джинсы и куртку.

- Хочешь что-нибудь купить? - спросила Лена и, приподнявшись на цыпочках, прошептала на ухо: - Здесь все очень дорого.

Он и сам заметил ценник в пятьдесят долларов на джинсах. Банкнота, которая по-прежнему грелась в нагрудном кармане куртки, показалась еще меньше и незначительнее, чем в ночном клубе.

- Я вроде как на экскурсию, - пояснил он.

Заметив за спинами посетителей продавщицу, протиснулся к ней.

- Скажите, в названии вашей фирмы точки после букв ставятся? - спросил он ее и, кажется, вызвал остолбенение.

Похоже, девушка меньше всего думала, идя сюда на работу, о точности написания фирменного знака. Она позвала на помощь парня и тот галантно, учтиво улыбаясь, пояснил:

- Нет, точки не ставятся. Вы хотели что-нибудь купить у нас?

Майгатов пробормотал что-то трудно переводимое и вытащил Лену на улицу.

- Ты нервничаешь.

Ему стало не по себе, что она заметила это. Словно, заметив лишь волнение, она уже знала его причину. Но таиться перед ней не хотелось. Особенно в мелочах.

- Понимаешь, Лен, мне нужно в Москве найти одну фирму. У нее первые три буквы в названии, - поднял голову к вывеске, - вот как у них. Только с точками...

- У подруги... моей подруги, - уточнила она, - есть справочник. Если не ошибаюсь, офисы всех фирм по Москве там указаны.

- А можно?

- Почему же нельзя? Поехали. Это - в хаммеровском центре...

Секьюрити на входе не пропустил их. Из подъезда Лена еле-еле дозвонилась до подруги. Та прилетела красная, возбужденная.

- Лен, у нас же дисциплина как в армии. На секунду нельзя с места отойти. Здр-рассьте, - вдруг заметила Майгатова и заманерничала. - Ой, извините, я думала, Лена одна. Познакомь нас, Леночка.

- Майгатов. Юрий, - первым влез и, кажется, смутил Ленину подругу.

Та медленно, словно хотела подороже продать себя, назвала свое имя и фамилию, но он ничего не услышал, потому что в этот момент видел лишь толстую книгу в ее руках.

- Вот то, что вы просили. Лен, потом оставишь на вахте. Я полетела. А то шеф вернется, убьет. До сви-идания, - попрощалась почему-то с одним Майгатовым и попорхала внутрь небоскреба.

- Нашла, - вернула его к книге Лена. - Тут с твоими буквами не меньше десяти фирм. Только после "F" продолжения разные. Тебе какое нужно?

- Если б я знал, - сокрушенно вздохнул он. - Подержи, пожалуйста, страницу. Я перепишу адреса и телефоны.

Ветер перелистнул книгу, словно тоже хотел что-то в ней прочесть, но пальчик с аккуратно подстриженным ногтиком быстро нашел нужную страничку, прижал ее за дергающийся, нервный уголок.

- Хоть бы успела до прихода шефа, - поволновалась за подругу Лена. Фирма-то немецкая. Дисциплина - жуть.

- А как фирма называется? - спросил Майгатов только потому, что надо же было что-то говорить.

Лена назвала, но он тут же забыл. Его сейчас интересовали только те, что начинались с "R.I.F.", а не с "O", как у ее подруги.

9

- Ты действительно боишься "жучков"?

- Не в этом дело. Скорее, привычка - лишний раз перестраховался.

- А я думал, что просто не хочешь домой приглашать.

- Слав, ну чего на мозги капаешь! Поговорим здесь, на аллейке, а потом... знаешь, чтоб ты не подкальывал, купим поллитра - и ко мне. Идет?

- Едет.

Они шли по освещенной аллее парка, шли в такт ветру, раскачивающему голые ветви в мутнеющем сумерками воздухе. Запах прелой листвы, сырость щекотали нос Иванову, который вечерним прогулкам предпочитал мягкое кресло у телевизора и который уже и пожалел, что назначил встречу на улице, но он действительно хотел максимального уединения, а в квартире, где жена, дочь, теща, это казалось невозможным.

- Долго томить будешь? - не сдержался он.

- У вас что: скамеек в парке нет? - заозирался Славка.

- Откуда я знаю?

- А во-он одна темнеет. Пошли, а то я за день набегался. Ты меня эксплуатируешь, как рабовладелец-плантатор негра. Неслыханное дело: в субботу я должен пахать дольше, чем до полдня и напрягать экспертов так, как в будний день не напрягаю!

- Слав, мы ж договорились: если ухвачу ниточку, я этого киллера тебе подарю.

- Сыровата, - потрогал он ладонью толстую дубовую плаху, прибитую прямо к пням. - Будешь мне потом лечение радикулита оплачивать, - и тяжело сел. - Холод-одная, гад! А все равно хорошо. За день столько по твоей вине бегал, что можно в сборную страны по легкой атлетике брать.

Иванов нехотя сел. В его сегодняшнем активе уже значился выговор от жены за грязные брюки и намокшую кожаную куртку. Если и сейчас останется что-то на память от сырой деревяшки, то разговору будет на неделю.

- Это - результаты анализа, - сунул ему в руки Славка первую из бумажек. Прошуршал остальными.

- Волос? Анализ? - хоть и догадался, но все же спросил. - А зачем он мне? Это для химика интересно...

- Что? Да ты не читай, там ерунда. Вот - в сто раз важнее, - и развернул вторую бумажку.

- А что это? А-а, сравнительный анали... Неужели? - зацепился взглядом за строку.

- Все точно, - наклонившись к Иванову и тоже глядя в низ бумажки, подтвердил Славка. - "Идентичен волосу предполагаемого убийцы по "Делу...

- ...Пестовского", - сократив всякие нумерации, закончил Иванов. Погоди, погоди, если не ошибаюсь, там что-то с креслом связано.

После его отъезда на юг, в Йемен, делом бывшего капитана "Ирши" занимался Петров. Киллера тогда так и не нашли, а из всех возможных следов, если не считать бесполезный для следствия привозной пистолет, обнаружили лишь один - волос на спинке кресла. Видимо, убийца сидел в ожидании Пестовского в номере, прижавшись затылком к спинке кресла и не думал о том, что с его головы один волосок зацепится за шерстяную нитку обивки и останется там до прихода эксперта.

- Ты хоть заметил, что нечетные записки хуже четных? - подравнял края оставшихся бумажек Славка.

- Какие нечетные? - не понял Иванова.

- Ну, по порядку, как я тебе даю: первая - так себе, вторая хорошая...

- Значит, третья будет хреновая.

- Точно! Держи! - вручил чуть ли не как грамоту.

- Получается, - дочитывая справку, сокрушенно покачал головой, - что по картотеке он не числится и нигде больше не "светился". Гений или новичок?

- Скорее, второе. Днем, с тридцати пяти метров, мог бы сразу твоего заказчика свалить.

- Может быть, - задумчиво посмотрел он на угрюмый, готовящийся к сну парк, - если бы не телохранитель. Бывает же так, что они оправдывают название своей профессии и затраченные на них деньги.

- Бывает, но редко. В любом случае у охотника сто дорог, а у жертвы одна.

- Знаешь, Слав, - повернув к нему лицо, словно высмотрев что-то в загораживающих друг друга стволах деревьев, сказал Иванов: - А ведь киллер - лысый...Или, точнее, - лысеющий.

- Ты думаешь?

- Ну сколько он мог в том кресле сидеть? Минут пять, десять. Явно, волосы выпадают. И тут - в кепке. Помнишь, как шеф учил нас по фотографиям авторов в военных журналах. Если снялся в фуражке, - значит, лысый.

- Точно - было.

- Нюхом чувствую, здесь не без этого. Ладно, плохой номер прошли. Какая четвертая новость?

- Есть и четвертая. Только,.. - подождал, пока мимо них пройдет девушка, прогуливающая сопящего, кривоногого бульдога, - только я у тебя эту выписку возьму назад. И при тебе сожгу. Пойми: я рискую даже тем, что переписал ее из показаний киллера.

- Что вчера брали? - понял Иванов.

- Да. Читай. Только быстро.

Он медленно, раздумчиво вчитался в строчки и сразу вспомнил Майгатова.

- Я бы мог тебе и на словах передать, но такой бы точности не было. А так - строго по показаниям. Запомнил? - и, не спросив Иванова, вытянул у него из пальцев бумажку и поджег ее.

- "А-ай-эф-тэ-си-плюс." А что это за компания?

- Сгинула. Закрылась на той неделе.

- Обанкротилась?

- В том-то и дело, что нет. Но деньги со счетов сняла. Наверное, теперь всплывут под другим именем, и никто никогда не догадается, что "А-ай-эф-тэ-си-плюс" и какая-нибудь "Магнолия-8" - одно и то же лицо, но под разными фамилиями.

- Или кличками, - добавил Иванов. - Значит, эта контора... я ее по-русски назову - "Рифтс-плюс" - приглашала киллера на презентацию. Он думал, что последует заказ. А его обсмотрели со всех сторон и отставили. Наверно, он здорово на них обиделся, раз заложил. Как там он оценил главу фирмы? - показал он на пепел, разворошенный любопытным ветром.

- Как прибалта. Ощущается заметный акцент. Пятую новость оглашать? Или сразу пойдем за водкой?

- Прибалт?

- Так что?

- Ладно, пошли.

- Тебе что: правда, неинтересно?

Вставший Иванов дернулся, словно спросонья, широко открытыми глазами вобрал в себя все еще сидящего Славку с красивым, скорее, киношным, чем гэбэшным, лицом и вдруг понял, что когда он прилаживал, клал, будто под кальку, майгатовский "R.I.F." с порванной точкой под только что узнанную "R.I.F.T.C.+", бывший сослуживец сказал что-то важное.

- Нет-нет, очень интересно.

- Мы проверили ту семнадцатипятиэтажку, на Магистральной,.. ну, что ты говорил...

- Ну-ну, - посадила его новость.

- Дом не заселен.

- А двадцать первая квартира?

- В том числе. И кода на подъезде никакого нет. Да какой, к хренам, код, если в половине квартире еще отделочные работы не закончены.

- Не может быть! - не поверил Иванов.

Наверное, потому, что дома, в одной из книг, лежали пока не показанные жене, проверенные на детекторе валют в банке настоящие девять "стольников" - ровно девятьсот долларов. А недостающую до тысячи сотню он уже начал тратить по мелочам. Но от узнанной новости он почувствовал себя так, словно эти доллары у него забрали.

- Не может быть! - снова повторил он. - Понимаешь, я видел миллион инсценировок, но чтобы для одной встречи еще и перепланировать квартиру?!

- Но она действительно перепланирована, - не стал поддерживать изумление друга Славка. - По просьбе будущего хозяина, звезды "эстрады". И отделочные работы в квартире еще не закончены. Кухня и одна комната еще не вылизаны.

- А рабочие?

- Каждый день трудятся, но,.. - сразу упредил вопрос Иванова, - в тот день, когда ты посетил ее, они весь день томились в родном тресте в очереди за зарплатой... Ну что: в складчину? - полез он в карман брюк, неудобно задирая полу кожаной куртки.

- Нет, сегодня ставлю я. За такие новости полагается "Абсолют".

- С черной смородиной? - встав, начал оправлять куртку Славка.

- С черной. Чтоб жизнь не такой горькой казалась... Только просьба: скажи жене, что брали за твои деньги. Идет?

- Едет...

—

10

На город надвигалось что-то черное-черное. Но Майгатов, оглянувшись и вобрав в себя взглядом страшную смоляную полосу над зубчатым контуром домов, почему-то ощутил, что эта чернота надвигается лишь на них двоих.

- Что это? - заставил вопросом он и ее обернуться.

- Где? А-а, это ерунда - снегопад будет. Наверное, сильный. А в Севастополе что: снегопадов не бывает?

- Очень редко. Где-нибудь в феврале. А на Новый год почему-то всегда дождь идет.

Они только что вышли из подъезда жилого дома, в одной из квартир которого за бронированной дверью без всяких вывесок скрывался офис фирмы. Третьей по счету в их длинном списке.

Их так долго не пускали вовнутрь, что Майгатов уже подумал, что это именно то, что они ищут. Но когда после щелчков, похожих на клацания винтовочным затвором, дверь тяжело, без особого желания все-таки открылась, и они шагнули в офис якобы за прейскурантом их товаров, то ощущение понемногу испарилось. Во всех комнатах бывшей коммунальной квартиры до того сильно, дурманяще пахло чаем, что не могло быть сомнений в том, чем торгует фирма. Да и лица тех, кого они увидели, совсем не походило на физиономии людей с яхты.

Они с Леной с умным видом постояли в складе, бывшей явно самой большой комнате коммуналки, понюхали образцы, забрали прейскурант и с облегчением покинули офис. Хорошо еще, что здесь был лишь чай. В предыдущих двух фирмах - автомобильные шины и стиральные порошки. Они таких ароматов не излучали.

- А что продает твоя фирма? - спросила после третьей неудачи Лена.

"Наркотики", - хотел сказать, но не решился.

- Разное.

- Понятно, - ответила она. - Больше на сегодня не успеем.

- А завтра как?

В голосе явно была просьба.

- Как говорил Пятачок Винни-Пуху: "До пятницы я совершенно свободен." Только завтра все-таки не получится.

- Почему?

Он опять оглянулся на черную стену. Наверное, так же выглядит волна цунами перед тем, как обрушиться на незащитный берег.

- Завтра - воскресенье. Хорошо хоть эти фирмы в субботу работали.

- А если просто встретиться, без всяких поисков?

- Опять в начале седьмого? - с усилием зевнула она, прикрыв рот красными от холода пальчиками.

- Нет, в шесть.

Он взял эти хрупкие пальчики в свои нагретые в карманах руки, прижал к груди.

- Не получится. Повторяю: метро открывается в полше...

- Я на такси приеду.

- Их больше нет в Москве.

- Совсем?

- Я читала, что тысячи две есть на весь город. Ночью, наверное, еще меньше.

- Ну-у, это... частника поймаю.

- Не надо. В полшестого еще темно, опасно...

- Когда есть ты...

- ...то что?

- ...то светло и не опасно.

"Опасно-о-о-о", - эхом под долгий, пьянящий поцелуй отдалось в голове, и это протяжное, тоскливое, плывущее вдаль и все никак не исчезающее "о-о-о" стояло в ушах, пока он не оторвал свои шершавые губы от мягких ленивых.

- Я люблю тебя, - сказал кто-то другой за него. Сказал голосом, который он никогда не слышал.

- Кактус, - ласково провела она пальчиком по его усам.

- А ты меня... любишь?

Наверное, даже если бы захотел, прежним, обычным голосом это бы не произнес. Нужно было что-то изменить в себе, выпустить на свободу из дальних, потаенных глубин души такого Майгатова, который бы решился произнести, кажется, самые обычные, так много раз другими проговоренные слова.

- Все равно кактус.

- А ты...

- Конечно... Люблю, - так тихо произнесла, что он и не поверил. Да и Лена, сама не поверив сказанному, повторила чуть громче: - Люблю... Еще там, в Йемене...

- И я... Еще в больнице, когда ты...

И не вспомнил, когда же он ощутил то, что, возможно, и называется любовью. А, может, и не было той минуты, секунды, того мига, когда вспышкой вошла она в него, а просто медленно накапливалась, накапливалась и кольнула в сердце тогда, когда он уже не мог не заметить этого сладкого укола.

- Знаешь, ведь мы - одной крови, - так же тихо, как еще недавно слово "люблю", произнесла она. То ли тоже, как и Майгатов, не могла в эти минуты говорить своим обычным голосом, то ли нельзя было после самого важного слова в жизни говорить громче. - Первой, резус - отрицательный.

- Иначе и быть не могло, - уверенно сказал он.

- Правда? -дохнула она снизу.

Тонкое, непрочное облачко пара изо рта подсказало, что холодает. И очень резко. Наверное, черная волна, которую он ощущал спиной, гнала перед собой холодный, новый воздух.

- Идем ко мне, - сказала и испугалась собственной смелости. - Чаю попьем, - поспешно исправилась. - Мама как раз на дачу уехала.

- Пойдем.

Из узких переулков центра, как из сложного лабиринта, он бы не выбрался до утра. Но Лена чувствовала себя в них, словно рыба в воде.

Через темные, тоннелями проложенные под домами, арки они попадали во внутренние дворики, входили в подъезды, а выходили с черного хода в другие внутренние дворики, а из них опять через арки попадали на улицу, к которой в обход шли бы полчаса. И опять арки, дворики, подъезды...

- Ты мне про свою новую работу так и не рассказала, - вспомнил он.

- Примета такая, - манерно качнув головой, попыталась она уклониться от ответа.

- И какая же?

- Ну, не хвастаться до того, как получится.

- Это не примета, - махнул он рукой.

Уж на что на флоте на любую ерунду существовала примета, но не такая же! Там не брились перед стрельбой в полигоне, не пускали женщин на борт, "обмывали" награды, в том числе и медальки за выслугу лет, только в железных кружках, и только в "шиле", трижды стучали по деревянному, чтобы сказанное сбылось, но утаивание в число примет не входило.

- Так все же?

- Я и сама толком не знаю. Мне Эдик раз пять звонил. Уговаривал все.

- Эдик - это...

- ...одноклассник.

- Да, вспомнил, - Ленина мама говорила об этом.

Надо же: беседовал с ней о Лене, а запомнил такую ерунду. И вдруг кольнуло: а не из-за этого ли Эдуарда уехала она в Йемен, не он ли - ее старая неразделенная любовь?

- Хороший парень?

Она остановилась. Не поворачивая к нему лица, попросила:

- Юра, не нужно об этом.

- Да чего ты! Я же не о нем, а о работе. Не подведет?

- Нет, - твердо сказала она. - Вот в этом не подведет. Он - человек дела.

- "Новый русский"?

Нет, он уже заочно, не видя в лицо этого Эдуарда, его не любил. Она приняла термин не как ругательство, а, скорее, как похвалу.

- Еще нет, но он стремится им стать. И, наверно, станет. Он целеустремленный.

- Работа такая же, медицинская?

Он никак не мог вспомнить, спрашивал он об этом или нет. А если спрашивал, то, видимо, очень не хотел, чтобы Лена ушла из медицины. Может быть, потому, что тогда она бы

изменилась в его представлении. Это была бы уже не та пахнувшая лекарствами, в белом халатике, чистая и лучезарная Лена.

- Наверно, нет. Он точно не говорил. Сказал, что будут поездки в Италию, Штаты. Я думаю, это что-то коммерческое. Сейчас самые большие деньги там и в банковской сфере.

"Да конечно! - мысленно не согласился Майгатов. - У мафии самые большие деньги".

- Вот и пришли. У нас - свет. Наверно, мама на дачу не уехала.

Будущий приятный чай превращался чуть ли не в официальное мероприятие.

- Знаешь, Леночка, мне еще нужно к одному знакомому заскочить, соврал он. - И в свое Измайлово до последней электрички успеть.

- А завтра? - как-то печально спросила она.

- В шесть утра! Как договорились. Звоню по стойке "смирно".

- Я буду, очень буду ждать.

Привстав на цыпочки, она поцеловала его под усы и пошла к своему подъезду. С крыльца помахала. Он ответил ей таким же помахиванием и, когда она нырнула за громко, яростно хлопнувшую дверь, еще раз мысленно укорил себя за то, что соврал Лене.

Но он не мог, просто не мог сейчас стоять рядом с ней, потому что ощущал между ними этого ни разу не виданного им Эдуарда. Почему-то он представлялся ему высоким, стриженным под бокс и в красном пиджаке. Может быть, потому, что он не любил всех, кто носит красные пиджаки.

11

Мишка обрадовался его приходу, как может радоваться лишь собака вернувшемуся хозяину. Забегал вокруг, заелозил словечками, по-лакейски помог снять куртку, несмотря на протест Майгатова.

- Приглашаю к столу! - царским жестом показал вправо, на кухню.

- Ну ты даешь! - восхитил Майгатова набор блюд.

Нарезанные ровными ломтиками, лежали на блюде чавыча и белорыбица, в открытой баночке матово поблескивала черная икра, оплывал в блюдечке кусочек масла с игриво положенной на его желтый кубик алой клюковкой, красными помидорами и белыми шампиньонами отливала пицца, зачем-то обложенная по кругу в огромном блюде колесиками салями, а над всем этим богатством дыбилась литровая, в медалях, бутылка "Столичной".

- А что стряслось?

Майгатов боялся даже переступить порог кухни.

- Во-первых, сегодня фартовый день. Снял больше пятидесяти "баксов"! А, во-вторых... ну, что во-вторых, потом скажу. Плиз. Сыт даун, мистер обер-лейтенант! Да не тушуйся ты! Это же скромный ужин нищего... Надо радоваться, что еще подают. Нищие-то - в новинку. Как народ привыкнет, так ни рубля не заработаешь. Но я,

дай Бог, может, к тому времени уже первоначальный капитал наберу.

Майгатов все-таки сел, не веря, что столько всего необычного, вкусного может собраться на

один стол, и от этого на Земле ничего не произойдет.

- Погнались, - потеряв руки, схватил Мишка бутылку и наполнил рюмки. За встречу.

- Знаешь, у меня это... кишки, - еле сказал слово, так не идущее в упоминание к такому королевскому столу.

- "Столичная" завода "Кристалл" любые кишки лечит! У них же линию сам Менделеев ставил. И воду откуда брать определил. Так что не бойсь! - и влил в себя рюмаху еще побыстрее химика Силина.

Майгатов с усилием сделал глоток. Нет, нефтью водка не отдавала. Между ней и той, севастопольской, лежала пропасть. И он перешел ее, допив рюмку.

- Ну как? - выжидающе смотрел на него Мишка с таким видом, будто это он сам гнал эту водку.

- Чистая.

- О! А я что говорил?! Наваливайся на закусон. Сегодня - хороший день.

Для Майгатова сегодня день действительно был хороший. Концовочку, конечно, смазал призрак Эдуарда, но все же, все же... Не каждый день в жизни ты признаешься в любви. А уж когда в первый раз, то это запоминается. Даже если все остальное... Ведь фирму они не нашли, и этот Эдуард еще...

- По второй?

Телевизор, включенный чуть ли не на полную громкость, рассказывал о все продолжающемся падении производства, о том, что когда идет очередная серия "Просто Марии", то в стране останавливается все, включая и падение производства, что перед выборами в Думу зарегистрировалось уже сто девятнадцать партий и что в Москве в среднем в день убивают двух-трех банкиров или коммерсантов.

- Миш, когда этот дурдом кончится? - не выдержал он потока новостей, который здесь, в России, был так похож на новости на Украине, но только показался посочнее и самобичеваннее.

- С концом света. Читай Библию.

- Но ведь раньше...

- Раньше тоже рая не было. Конечно, бардака поменьше, но зато свободы не хватало.

- Знаешь, я уже отравился этой свободой, - неотрывным, невидящим взглядом смотрел он на вращаемую под пальцами хрустальную рюмку с прозрачной-прозрачной водкой. - Вот ты философ, Мишка. Дипломированный философ. Ты объясни мне, почему не становится лучше, если тоталитаризм или как там его называют кончился? Почему так хреново мне, тебе, им? - показал в окно.

- Ну, так не бывает, чтобы всем сразу было хреново. Кому-то и неплохо. А то, что в стране хреново... Понимаешь, полная свобода так же ужасна, как и полная несвобода. Мы все из одной крайности метнулись в другую, столь же плохую. Такие резкие переходы бесследно не проходят.

- Это заметно.

- Западники к своей свободе шли веками. И чем больше ее становилось вовне западного человека, тем сильнее он воспитывал несвободу внутри себя. Я по делам фирмы сто раз был в Германии. Там ни у кого слово не расходится с делом. Там каждый самому себе диктатор. И философия ничего плохого в этом не видит. Помнишь, как у Спинозы: свобода есть осознанная необходимость.

- По-моему, сейчас не Германия и не Штаты, а мы - самая свободная страна в мире. Свободная до ужаса...

- Ну-у, старик! Это уже пошел Бердяев в чистом виде. Он ведь считал, что три силы действуют в истории: Бог, судьба и человеческая свобода. И когда третий из этих компонентов, то есть иррациональная, человеческая свобода, достигает господства и подавляет две другие, то реальность начинает распадаться и возвращаться к первоначальному хаосу. Это, кстати, сопутствует всем революциям, а у нас она, судя по всему, еще не закончилась.

- Великая криминальная?

- Это не Бердяев. Это уже Говорухин придумал. Кто ж его знает? Может, отец Глеба Жеглова и горбатого в чем-то и прав. Ведь в чем-то мы могли преуспеть? Где мы были впереди планеты всей? - он поднял худенькую ручку с красной полоской на запястье от муляжа культи и начал загибать пальцы. Космос - раз. Балет - два. Преступность - три.

- Перегибаете. Вряд ли по преступности мы Западу фору давали.

- А ты правду знаешь? Или в колонии сидел?

- Все равно не такая была преступность, как сейчас! - отмахнулся от Мишки.

- А ты нищих на улицах видел? Нет! А они были, были! Гной прорвал на поверхность - тогда и заметили!

- Нет, не убедишь ты меня. Оглянись вокруг: бывшие и новые паханы все хапают и хапают, скоро мы на новых хозяев пахать будем, а они все - в наколках!

- Не утрируй! Такого не будет. А я тебя снова к прошлому верну. Помнишь, какие песни у нас во дворах горланили? Про блатных, про зону, про решетку. А как кто после отсидки выходил, на него смотрели словно на героя. Уже тогда и преступный мир, и вся его аура была в фаворе. А когда сказали, что свобода, они и поняли, что пришел их час. Деньги есть, организованность есть, что делить в стране - есть! А все остальные приоритеты, сам знаешь: космос просрали вместе с Байконуром, балерины на Запад убежали. Вместе с балерунами.

- И что теперь? Тупик?

Майгатов хотел найти успокоения, а Мишка лишь усилил его боль.

- В истории нет тупиков. После всякой революции, после всякого хаоса наступает реакция. Природа, как бы не терпит сверхсвободу людей, сама начинает все упорядочивать. Появляется идея, появляется новая структура, новая властная рука, жизнь налаживается.

- Ждать-то еще долго? - саркастически спросил Майгатов.

- Я не господь Бог, чтоб знать ответы на такие вопросы. Поживешь увидишь. Все равно и тогда недовольных жизнью будет полно. "Ни один проект, разработанный в недрах исторического процесса, не был когда-либо успешным".

- Сам придумал.

- Это - Бердяев. Я просто к тому, что не обольщайся, Юрочка. У царей не вышло, у Ленина не вышло, у Сталина, Хрущева, Брежнева не вышло. У Ельцина тоже не выйдет. Но и у всех, кто после него придет, тоже ничего не получится. "Задача любого правителя: вести народ от надежды к надежде, никогда к ним не приводя."

- Это - тоже Бердяев.

- Нет. Маккиавелли. В этой невозможности достичь задуманного и состоит смысл истории.

- По-моему, никакого смысла в ней нет.

А из зала, из телевизора лучшим голосом, появлявшимся когда-либо в мире на эстраде, пел о том, что шоу должно продолжаться, Фредди Меркьюри. Шоу, у которого, по словам Мишки, нет и никогда не может быть хорошего конца, но которое все равно должно продолжаться и продолжаться, потому что процесс всегда важнее результата, а любой итог - всего лишь кусочек другого движения, для которого он - не итог, а просто мелькнувшее мгновение.

- Юр, ты мне в одном деле поможешь? - неожиданно спросил он.

- Конечно.

- Понимаешь, я тут последние дни сидел на "точке" только до обеда. А после... понимаешь, я хотел найти того гада, что мне глаз выбил. Ну, помнишь, я про мордovorотов рассказывал. Я нашел того, что ногой... В общем, поможешь? - Нагнувшись и почти положив грудь на стол, спросил он, глядя своим единственным умоляющим глазом в оба Майгатовских. То в левый, то в правый. То в левый, то в правый.

- А что нужно сделать?

- Рожу ему начистить.

- Смеешься, что ли?

- Да он ниже тебя. А ты ж все-таки мастер спорта. Юр, ну помоги! Я не сплю по ночам от одной мысли, что этот гад не отомщенным ходит.

- А, может, лучше тех иностранцев побить, что тебя обманули? Они ведь тебя нищим сделали, а не тот мордovorот.

- Да где ж я их найду?! - вскочил он, грохнув тарелкой. - На Запад, что ли, ехать? А этот, с-сука! - и погрозил в черное окно кулаком.

- Я подумаю, - самым легким отгородился Майгатов.

Мишка радостно шлепнулся на стул, суетливо стал накладывать в тарелку Майгатова всего понемногу.

А в зале все пел и пел Меркьюри о том, что мы зачем-то приходим в этот мир и потом уходим из него, оставляя пустые места и так и не дав понять другим, зачем же мы жили и зачем же теперь предстоит жить им...

Глава четвертая

1

У него никогда не было записной книжки. Да и зачем ее иметь человеку, который все запоминает? Услышал один раз номер телефона - и уже из головы не вытравишь. Хоть потом еще сотню запоминай, он все равно останется на своем месте, на своей "страничке".

Он и в институте никогда никаких лекций не писал. Но уж если на экзамене по истории схлестывался по датам с преподавателем, то для остальных это было зрелище похлеще корриды. А когда однажды на зачете по безопасности полетов старый, вьедливый начкафедры, который никогда ни у кого с первого раза зачет не принимал, решил завалить его на нумерации директив и инструкций по этой самой безопасности, он не ошибся ни разу. И потрясенный начкафедры в тот же день написал заявление об уходе с работы. Наверное, он посчитал, что стал слишком мягкотел, раз вынужден был расписаться в зачетке этого невысокого, невзрачного парня с первого раза.

- Ну что, Перестройка, ждть будем? - не только о том несчастном начкафедры, но и о любимом варане вспомнил он.

Склонился над загончиком в углу зала и одними губами, так, как раньше ямщики понукали лошадей, позвал серую дровиняку. Она дернулась, откатила пленку с зеленого глаза, на которой в узкой змеиной щели зрачка жила ярость, и тут же превратилась в небольшого варана.

Вскочив на кривые, разлапистые ноги, бывший индонезийский подданный броском пересек загон из угла в угол и, на всякий случай, долбанул головой о фанерный барьер. Он загудел, но атаку выдержал.

- Умница, Перестроечка, умница! - похвалил варана за агрессивность.

Он вообще любил людей деятельных, резких. И себя относил к ним же, хотя внешне казался флегматичен и сонлив. Но он-то сам знал, что внутри у него живет другой человек.

- Ну-ка, - подвесил он на суровой нитке толстый кусок жареной колбасы.

Варан прыгнул, поймал бурый диск, погромсал его лезвиями зубов и уже начал заглатывать, как вдруг ощутил, что кусок убегает изо рта.

- А-а! Не успел, не успел! - дико обрадовался человек, вытащивший на нитке почти весь кусок из глотки варана и опять подвесивший его над серой, тупой башкой.

Вторым прыжком варан вернул колбасу в пасть.

Человек дернул, но перерезанная зубами нитка безвольно провисла в воздухе.

- Молодец, Перестроечка! Умница!

- Что вы можете обещать своим избирателям? - писклявым голосом спросил телевизор.

- Стабильность и процветание, - хрипло ответил тот же телевизор.

Человек обернулся. Слишком резким был контраст между голосами, чтобы не обратить на него внимания.

В центре экрана торчала груша микрофона. Слева от нее сидела худенькая и, судя по нервным движениям, сверхпереполитизированная дама. Справа мужчина солидного, директорского вида. Его властно сомкнутый безгубый рот, хищные глаза, морщинистый лоб с легким шрамом над переносицей вызвали уважение, страх и желание немедленно подчиниться любому его приказанию.

"Далеко пойдет", - оценил его человек и, присев на уголок дивана, начал лениво поедать две другие бурые медали вареной колбасы, вокруг которых дыбились бело-желтые торосы яичницы.

"Степных Михаил Борисович", - разрезали грудь мужчины белые титры. Хотел того "инженер" или нет, но увиденное тут же вошло в мозг, щелкнул невидимый тумблер, дали искру контакты и из глубин памяти выскользнуло досье: бывший зам министра рыбного хозяйства, проходил по одному судебному делу, но проходил в чине маленьком, а вот кем - свидетелем или обвиняемым в числе прочих - "инженер" просто не знал. Возможно, этот мрачный Михаил Борисович и после минрыбхоза где-то служил, а уже потом ступил на тяжкую стезю предпринимательства, но холодная память "инженера" таких данных не хранила. Да и зачем они ему, если видит он этого Степных М.Б. второй раз. Сначала - на газетной фотографии, сейчас - на экране. И третьего раза, скорее всего, не будет никогда, если мужик не прорвется в Думу.

- Мы покончим со сползанием страны в нищету. Мы вернем Россию в лоно цивилизованных стран. Сейчас она влачит жалкое существование одной из стран третьего мира. Когда мы придем в Думу, для России наступят новые времена. Мы соединим законодательную мудрость с нашими капиталами и тогда...

Человек перестал его слушать. Во-первых, этот дурацкий текст, хотел он того или нет, запомнился и мог навсегда остаться в голове. А, во-вторых, требовалось подвести кое-какие итоги.

Итак, один сухогруз дошел до Роттердама, еще трое стоят под загрузкой. Контейнеры финскую границу пересекли. Два дома под Барселоной куплены, а третий... Вот, гады, уперлись со своими юридическими тонкостями. Квартиру с шестью спальнями (вот дураки - меряют квартиры не числом комнат, а числом спален!) в шестнадцатом, самом престижном, округе Парижа купили. Один квадратный метр - почти тридцать тысяч франков. С ума сойти можно! Лучше б еще пару домов в Испании взяли. Так нет же - потянуло шефа в Париж. А если по нему, то "инженер" себе со временем, кроме той виллы у Барселоны, что уже есть, купит где-нибудь в провинции. И не во Франции, а в Австрии. Там воздух в горах - хоть на хлеб намазывай. Счета в Швейцарии они открыли, а вот в Германии... Придется, видимо, в Германию ехать самому. Людей не хватает, уже не хватает. Так, ваучеры на бирже скупаем. Пару заводов уже в кармане. А нужны ли они, эти заводы? И будет ли вообще толк от этих смешных ваучеров? Шеф говорит, что будет. Шеф еще верит во что-то. Арийская кровь, что ли, сказывается, вера в порядок? Ладно, хрен с ними, с этими заводами. Шефа он пока отправил во Флориду. Пусть позагорает и подлечится. Все-таки плечо... Ну вот, перешел к плохому. Выходит, хорошее кончилось. Итак, первое плохое - шеф, точнее, его плечо, второе - кто-то перехватил их курьера с наличными в Минске. А он ведь даже границу СНГ не пересек. Ни курьера, ни денег. Когда две неважные новости - это плохо, потому что, возможно, это уже система.

Он обвел взглядом комнату с потертыми, изорвавшимися у двери обоями, со старючим деревянным комодом еще первой цветной модели "Рубина", с убогим двухстворчатым шкафом, на котором сверху лежала вылинявшая вязкозная штора, с серой фанерной загородкой в углу и ему стало приятно. Он очень любил инсценировки. А у этой была такая утонченная, такая нищенская стилистика, что он даже ощутил уважение к тому резкому и деятельному человеку внутри себя, который создал это.

Громко, до противного громко напомнил о себе дверной звонок. Был он казенный, еще тот, родной, что приколошматил кривым ржавым гвоздем строитель, и в этой его убогости, в сером металлическом блюде звонка словно и заключалась та самая важная, самая яркая нота, которая венчает гениальное музыкальное произведение. Прозвенел - и поставил точку в его сюите под названием "Квартира одинокого инженера".

- Приперся, козел, - узнал в глазок соседа по площадке. Тот стоял в огромном аляповатом полушубке из "чебурашки", то есть из искусственного меха, и медленно стягивал с головы шапку, густо-густо выбеленную снегом. Добрый день! - открыв дверь, встретил его слащавой

улыбкой. - Знаешь, сегодня я тебе с ремонтом не помогу. Перестройка заболела, - соврал без запинки.

Варан в ярости потерялся чешуйчатым панцирем о фанеру. Говорить он не мог, а защитить его от лжи было некому.

- Да я, собственно, и не по ремонт...

- Здравствуйте! - вырос из-за его плеча Иванов. - Я случайно узнал, что у вас есть варан - самец, а у меня как раз самочка. Может, договоримся о случке?

Человеку пришлось напрячь внутри, наверное, все, чем его одарила природа, чтобы не дать исчезнуть с лица приветливой улыбке.

- Но я же говорил: он заболел.

- Это прекрасно! Ведь вараны - моя специализация в университете. Я вам заодно и помогу.

- Хорошо. Заходите, - и захлопнул дверь перед носом у соседа, как только Иванов вошел в узенькую, заваленную тапками, ботинками, кедами, сапогами, собиравшимися, наверное, пару десятков лет.

Еле находя для ног место, на цыпочках проскользнул в зал, стянул с головы кепку с налипшими на нее снежинками. Страхивать их вроде было некуда.

Хозяин посмотрел в глазок на опустевшую площадку, послушал тишину за дверью, вошел, расшвыривая тапки и кеды, на полную громкость включил телевизор и раздраженно выпалил:

- Я же сказал: мы сами найдем вас!

Иванов внимательно прошелся взглядом по щуплой невзрачной фигурке "инженера" и подумал, что без серой куртки он почему-то выглядит еще серее. Может, потому, что там хоть были синие полосы.

- А я не люблю, когда надо мной смеются.

- Что вы имеете в виду?

- Офис на Магистральной.

"Инженер" отошел от орущего о светлом будущем телевизора, поцокал языком варану и пояснил:

- Так надо было.

- Конспирация?

- Можете думать, что угодно, но так надо было. Как вы меня нашли?

- Вы же сами подсказали?

- Я-а?! - "Инженер" рывком развернулся к Иванову и в его голове, словно на прокручиваемой со страшной скоростью аудиопленке, мелькнул весь их диалог на квартире. - Я ничего вам не говорил.

- Ну как же! - смело сел Иванов на засаленный и явно приглянувшийся клопам диван, положил мокрую от истаявшего на ней снега кожаную фуражку на колени. - Вы же сами

сказали, что меня вам порекомендовали.

- И что же?

- Я нашел того, кто вам порекомендовал.

- А почему же пришли ко мне не с ним, а с этим? - показал на дверь резким нервным жестом.

- С ним слишком явно. Лишний свидетель. А этот сосед - так, просто подсказал мне, у кого живет варан.

- Вы и про него знаете? - почему именно это больше всего не понравилось "инженеру", словно человек, который знал о существовании варана, знал и все остальные об "инженере".

- Дело в том, что у меня, как у частного сыскного агента было не так уж много дел. Сначала я вспомнил вашу точность. Вы говорили не "семь минут десятого", а "ноль девять ноль семь". Такая точность прививается или военной службой, или морской, или авиационной. Среди тех, кому я в последнее время помог найти угнанную машину, был техник самолета из Шереметьево-2. Я поговорил с ним, и он сболтнул о вас, бывшем авиационном диспетчере...

"Инженер" барабанил пальцами по фанере загородки, даже не замечая, что варан пытается дотянуться до них и укусить.

- Ведь это вы один могли без всяких приборов и компьютеров "вести" одновременно десятки судов и сажать их точно по времени?

- Не знаю, - нервно ответил он. - Такой эксперимент мне бы никто не дал провести...

- И зрение у вас отличное. Единица - левый глаз. Единица - правый.

- А при чем... это, зрение?

- А при том, что сейчас вы мне прямо в глаза смотрите, а тогда, на Магистральной, - мимо уха.

- Ну и что?

- Если у вас нет астигматизма, значит, кто-то был за стеной. И вы все время стреляли туда взглядом, чтобы знать, не совершили ли ошибки, что еще нужно сказать, и стоит ли вообще знакомить меня с вашим шефом.

- Значит, я смотрел сквозь стену? - барабанили и барабанили пальцы, а варан все прыгал и прыгал, точно заведенная механическая игрушка.

- Сквозь стекло, замаскированное под зеркало. А за стеной сидел и слушал наш диалог ваш шеф... Прибалт, - он хотел назвать и фамилию, но усилием воли сдержал себя. Такой осведомленностью он мог испугать "инженера" еще похлеще, чем тот бородатый киллер.

- Предположим, - хмуро смотрел "инженер" на ботинки Иванова, вокруг которых серыми обводами вокруг подошв темнела вода, еще недавно бывшая снегом. - Мы слишком ушли в подробности. Говорите прямо, что случилось.

- Вы все приговорены.

Иванов сказал это довольно тихо, попал под гром музыки из телевизора и подумал, что "инженер" ничего не услышал. Но тот резко, как от огня, отдернул руку от загородки, потряс кистью в воздухе и, увидев кровь на подушечке безымянного пальца, заорал:

- Падашь ты, Перестройка! Я тебя собакам скормлю! - и плюнул на выхлестывающего язык варана, но не попал. - Откуда такие сведения?

- А зачем вы с пару месяцев назад взяли в дело блондина в перхоти?

- У вас что: нет перхоти? - съязвил "инженер".

- Была. Сульсеновым мылом вывел. Я не удивлюсь, если кроме налета киллера у вас обнаружатся и другие неприятности...

"Инженер" сразу вспомнил о пропавшем в Минске курьере, и какая-то капля доверия к этому бывшему гэбэшнику скользнула в его ледяное сердце.

- Что еще?

- Для того, чтобы найти киллера и, что еще главнее, заказчика, мне нужны дополнительные сведения. И дать их можете только вы. Кто это?

Он положил на диван рядом с собой фоторобот, сделанный на компьютере по портрету, который отдал ему Майгатов. "Инженер" смотрел на него издали. В нем боролись страх и сверхстрах. Страх за то, что от этого нового сотрудника их фирмы следователь-проньера узнает много не самого лучшего для них, и сверхстрах за то, что существует вблизи человек, через которого за ним идет охота. Страх пах колонией строгого режима, сверхстрах - смертью. Но он все-таки был сверхстрахом и победил.

- Он работает в министерстве иностранных дел.

"Инженер" почему-то посмотрел в окно, потом на варана, терпеливо ждущего второго появления пальцев, прошел к телевизору, оторвал пустой уголок газеты и печатными буквами, высоко отставляя прокопченный палец, написал что-то.

- Запоминайте, - показал фамилию.

Бумажка ритмично подрагивала в его сухоньких пальчиках.

- Запомнил.

Те же пальчики быстро скомкали бумажку и бросили ее в вольер. Варан на лету поймал белый комочек и с ненавистью глотнул его. У него был такой же вкус, как у колбасы.

- Что еще?

- Я все-таки хотел бы получить список фирм, которым или вы давали в долг, или они вам, или те, у которых вы можете стоять на пути в их бизнесе.

- Это коммерческая тайна.

"Инженер" сказал это с таким упоением, с таким величием, что Иванов сразу ощутил ложность всего, что его окружало. Маленький серый человечек ходил по унылой, бедно обставленной квартирке, но на самом-то деле ощущал себя разгуливающим по ослепительно белоснежной, залитой ярким южным солнцем вилле.

Язык Иванова пощипывал вопрос о киллере, которого фирма "инженера" приглашала на просмотр в свой офис, но этот вопрос мог стоить жизни уже Иванову. И без того он догадывался, что разъяренные гибелью Пестовского они решили отомстить конкурентам, но мстить-то нужно кому-то конкретно, а не вообще, а конкретно они как раз ничего и не знали. Вот, скорее всего, почему их смотрины закончились отставкой киллера. Не его

профессионализм или непрофессионализм, а их неосведомленность - тому виной.

- Тогда у меня все, - Иванов встал со скрипнувшего сразу всеми ста пружинами дивана, выключил телевизор и громко сказал: - Только учтите: для них границ не существует...

2

Если бы можно было Мишку потом оживить, он бы убил его. Надо же: бахвалился, что будильник работает как зверь, а сам, оказывается, не до конца поднял пластиковый рычажок звонка! Вместо половины шестого он встал почти в девять и теперь, грохоча по ступеням лестницы, думал о том, как на него посмотрит после такого обмана Лена.

Вот и дверь. Звонок. Теперь еще бы дыхание сбить. А, может, м не нужно сбивать. Дело-то не в дыхании, а в том, что опоздал. Почти на четыре часа опоздал.

Дверь распахнулась так резко, что он отпрянул на шаг.

Из прихожей красными оплывшими глазами на него смотрела Ленина мама. Невысокая, но совсем не похожая на нее женщина. Вчера он видел ее мельком, не больше нескольких минут, но все-таки запомнил так поразивший его высокий лоб и какой-то добрый-предобрый взгляд.

Сейчас тот взгляд скрывался за мутнинкой слез, а морщины сдавливали, уменьшали лоб. Шмыгнув распухшим маленьким носиком, она поздоровалась.

- Лена очень ждала вас.

Она сказала это так грустно, так обреченно, что он почему-то вспомнил вчерашнее черное небо над Москвой.

- Извините... будильник...

- Она уехала часа два назад... С этим...

Имя названо не было, но Майгатов опять ощутил стоящий между ними призрак Эдуарда. Высокого, мощного, наверно, красивого.

- Я не хотела ее отпускать, отговаривала. А он впился, как клещ. Говорил, что срочно нужно съездить на собеседование к их шефу, что, если получится, то уже через пару дней у Лены будет командировка в Италию, что сразу появится куча денег. А я не верю в легкие деньги. И не верю этому... Эдуарду...

Она все-таки назвала его. И в том, как эта, в общем-то действительно добрая женщина произнесла его имя, он ощутил если не ненависть, то давнюю, застарелую неприязнь, - это точно.

- А когда она... ну, после собеседования... вернется?

- Он сказал... сказал, что не сегодня.

- Не сегодня?

Это не понравилось ему сильнее всего из набора узанных новостей. И, не понравившись, насторожило.

- А что он за человек, этот... Эдуард? - ему тоже как-то тяжело далось название его имени.

- Нахал, деляга и вообще... безнравственный тип.

- Правда?

Узнанное до того не соответствовало его представлению о Лене, что он почти не поверил ее маме. На том, что она сказала, могло отразиться раздражение после бурной сцены отъезда дочери.

- Я бы на месте Лены не верила ни единому его слову. А она бросила хороший контракт, бросила клинику и примчалась через тридевять земель. Нагородил ей хрустальных замков, а есть ли они?

Она вдруг спохватилась и отошла чуть глубже в полумрак прихожей.

- Да вы проходите. А то у нас какой-то странный разговор - прямо на площадке.

Он помялся и, хоть стеснение и странное тяжелое ощущение от неожиданного отъезда Лены сдерживали его, все-таки шагнул в квартиру. Снял куртку, повесил на крючок в прихожей, разулся и прошел по мягким половикам в зал.

- Чай будете? Или кофе? - почувствовав себя хозяйкой, спросила она.

- Спасибо. Я ел, - соврал он, со страхом ощутив, что заурчавший желудок может выдать его.

- Ничего. Я все равно сейчас сделаю чай. Кипяток еще горячий, заварка - свежая, - и почти беззвучно ушла на кухню.

Майгатов обвел взглядом комнату и ощутил странное жжение в груди. Он вдруг понял, что это не просто комната. Это - ее комната. Диван, на котором она спала. Книги, которые она читала. Телевизор, который она смотрела. Ваза, красивая китайская ваза с лепниной розы на боку, которой она любовалась. Воздух, которым она дышала.

- Уже готово. Угощайтесь, - внесла она на подносе дымящиеся чашечки с чаем, сахарницу, блюдечко с печеньем, поставила это все на лакированный журнальный столик.

- Лена рассказывала, что у вас коммуналка, - вспомнил он их больничный разговор.

- Была когда-то. Сосед у нас жил во второй комнате. Умер уже. А внучка его, которая после него тут жила, вышла замуж и уехала за Урал. Она Лену в медучилище и сагитировала. Лена вот закончила и мучается, а она бросила и теперь, говорят, неплохо живет. Всяко в жизни бывает...

Он положил в чашку два кусочка рафинада, хотя любил очень сладкий чай, помешал их, стараясь как можно реже касаться хрупких фарфоровых стенок и спросил:

- Эдуард... он какой из себя?

Мама помолчала, словно сейчас ей меньше всего хотелось говорить о нем, и все-таки описала Эдуарда:

- Невзрачный такой. Рост - ниже среднего. Чуть ли не ниже Лены. Бороденку себе отпустил. Лысеть начал.

- Он, наверно, сосед ваш?

- Был. Этажом ниже. Он ведь с Леной в одном классе десять лет отсидел. К несчастью, за одной партой. Честно говоря, очень средних способностей мальчик. У Лены списывал все подряд. У меня такое ощущение, что она к нему хорошо относится только потому, что давала ему списывать. Знаете, люди, как ни странно, хорошо относятся к тем, кому они что-то отдают

по своей воле. То ли оттого, что оставляют у них часть самого себя, то ли оттого, что такие люди, принимая дар, дают им возможность ощутить собственную значимость... В общем, она всегда ему помогала. И в школе, где он бы без нее из двоек-троек не вылезал, и в спорте...

- В спорте? - удивился Майгатов.

Что-то он не припоминал, чтобы Лена хоть что-то говорила о своем спортивном прошлом.

- Лена еще в восьмом классе увлекалась стрельбой. Пистолетом, кажется. Мне не нравилось это занятие. В нем было что-то мужское, грубое. Но она быстро дошла до кандидата в мастера. Эдуард где-то в классе девятом приклеился к ней еще и в этом. Она привела его в секцию. Там вдвоем пропуляли почти два года. Лена, правда, на кандидате в мастера застопорилась, приличных мест на соревнованиях не занимала, а он,.. - она все-таки не назвала его по имени, - бронзу на Союзе имел, норматив мастера спорта выполнил. Потом Лена ушла в медучилище, стрельбу забросила, а он еще пулял какое-то время, по стране ездил. А как Лена в Йемен отправилась, его родители квартиру, - она показала вниз, на паркет, - продали. Себе купили где-то на окраине и ему, если я не ошибаюсь, тоже купили. А, может, это и не они, а он купил...

- На гонорары от спорта? - удивился он, прихлебывая уже остывающий чай и с трудом сдерживая себя, чтобы не взять печенье.

- Да какой там спорт! - махнула она рукой. - В коммерцию он ушел или, как сейчас модно говорить, в бизнес. Его однокашники или в армии отслужили или еще служат, кто в институтах - учатся, а он и не служил, и не учится. Говорят, справку купил, что у него с головой что-то...

- Значит, вы не знаете, куда они уехали?

- К сожалению, нет. Единственное, что поняла, - это где-то в Подмосковье.

- По такому снегопаду? - удивленно посмотрел в окно Майгатов. Шторы и тюль на нем были отдернуты, но от тихого, густо падающего на улице снега казалось, что они занавешаны белым-белым тюлем. - Там сплошные заторы.

- Если б моя воля, никуда бы я ее не пускала. Не нужны нам эти винные реки с кисельными берегами, не нужны эти непонятно откуда пришедшие деньги. Но что теперь изменишь? - безвольно опустила она подрагивающую в ее тонких, совсем не постаревших пальчиках, чашку на блюдечко. - Где я их найду?

- А та подруга, - вдруг вспомнил он хмурые небоскребы Совинцентра, ну, Ленина подруга, что в немецкой фирме, знает его новый адрес?

Мама пожала плечами. Она и о подруге, может, слышала когда-то мельком, в полуха.

- Где у вас телефон?

- На кухне.

Она проводила его туда с видом ни во что не верящего человека.

Но в Майгатове что-то проснулось. То ли вспомнил он сцену с Мишкиным розыском Иванова, то ли усиливалась неприязнь к Эдуарду, который оказался не высоким, не мощным и вроде бы совсем не красавчиком, но только пальцы накручивали диск с такой энергией, точно хотели проткнуть телефон и дотронуться, ухватить за шиворот этого Эдуарда, так нагло увезшего его Лену.

Прошло не меньше десяти минут, пока по замысловатой, еще более длинной, чем тогда у

Мишки, "телефонной тропе" он вышел, наконец, на немецкую фирму в Совинцентре с названием на букву "О". Трубку сняла Ленина подруга.

И только в этот момент он понял, насколько маловероятным было то, что он все-таки дозвонился. Висящий на стене кухни календарь подсказал ему, что сегодня-то - воскресенье. Он переадресовал свое удивление Лениной подруге, и та заученно, явно словами шефа проговорила:

- В бизнесе не бывает выходных, - помолчала и все-таки уточнила: - Мы сегодня товар в нескольких трейлерах из Германии получаем. Надо контролировать ситуацию.

Он сразу, без всяких предисловий, попросил телефон Эдуарда.

- Я не знаю его. Эдик не из тех, кто дарит визитки. Но я была у него в гостях. Правда, всего один раз...

Впрочем, то, как она, не помня названия улицы, описала путь к дому от метро "Фрунзенская", а потом еще и назвала подъезд, этаж и номер квартиры, убедило Майгатова в том, что Ленина подруга довольно трепетно относилась к любому мужчине, видя в нем потенциального мужа. Кажется, не оказался исключением и Майгатов. С прихихикиваниями, придыханиями и манерничанием она начала выяснять, откуда берутся в холодной Москве такие горячие, такие загорелые, такие крепкие парни и до того явно напрашивалась на свидание, что он еле отбил ее от нее. Возможно, даже немного обидев. Но, говоря с ней, он уже мысленно строил будущий разговор с еще не до конца понятным ему Эдуардом, он уже был скорее на площадке его квартиры, чем на кухне у Лены, чтобы до конца понять, что он кому-то понравился.

3

Из-за плоской бронированной двери он не слышал ни единого звука, и от того казалось, что все его нажатия на кнопку звонка - напрасны. Когда ярость на глухих хозяев сделала движения более резкими, а подушечка указательного пальца заболела, мальчишеский голос заставил его отдернуть руку.

- Вы чиво: к дяди Эдику, да? - одним глазом выглядывая из-под съехавшей на ухо огромной, не по размеру, кроличьей шапки, тащил вверх по лестнице санки пацан лет четырех-пяти.

- Да, к нему.

- А чиво тада звоните?

Пацан был настолько вывалян в снегу, и настолько плотно белая корка обхватывала его курточку и брюки, что он напоминал скорее снеговика, чем мальчишку.

- Что-то я тебя не понимаю.

Видимо, пацан любил с взрослыми говорить по-взрослому, и Майгатову пришлось приспособиться под его манеру и тоже признать в пацане, хоть еще и малорослого, но уже взрослого человека.

- А чиво понимать! - шмыгнул он соплями. - Дядя Эдик ва двале масыну плагиивает. Ты иво новую масыну видел?

- Нет, не видел. А какого она цвета?

- Класивово. Как выйдиш ис падъesda - слева.

Майгатов бросился вниз, чуть не сшибив пацана.

- Плывет йиму ат миня! - проорал ему в спину ходячий снеговик.

Майгатов вылетел из подъезда, прямо под белые струи снегопада, остановил заскользившие, совсем не годящиеся для такой погоды кроссовки и сразу бросил взгляд влево. Там, во дворе дома, парили дымками выхлопов сразу три машины, но "красивого" цвета была лишь одна. Между двумя светло-бежевыми "жигулями" прогревалась ярко-красная "Вольво". Но присыпана снегом она была чуть меньше своих невзрачных соседей.

Майгатов не успел даже обдумать, что же он должен в первую очередь спросить у Эдуарда, как вдруг квадратный, будто сплюснутый сзади от удара, багажник "Вольво" дернулся, и машина поплыла вперед, оставляя место для падающего снега. Он побежал за красным пятном, которое медленно заглатывал проем между домами, но, вспомнив, что тут же за ней начинается оживленный проспект, способный явно сразу втянуть в свой поток и увлечь автомобиль, Майгатов изменил направление бега.

- Браток! - подъехав на скользящих кроссовках к ближайшему из "жигулей", обратился он к водителю - длинноволосому, студенческого возраста парню. - Мне край как надо мужика, что на "Вольво" уехал, догнать.

- Ну и догоняй, - безразлично ответил тот.

- Я заплачу, - вспомнил севастопольского квадратного мужичка, но у студента, кажется, в голове такого кассового аппарата, как у того, не было.

- Извини. Я на тренировку спешу.

Майгатов посмотрел на заднее сидение. Там лежали несколько хоккейных клюшек, шлем с прозрачным пластиковым забралом и толстый баул - явно с формой.

- Брат, ну выручи! - уже чуть ли не взмолился Майгатов. - Я - тоже спортсмен... Вот, - отвернул куртку и показал приколотый к ее бортику с изнанки значок мастера спорта СССР.

- А какой вид? - с интересом рассматривал он значок.

- Бокс.

- А-а, понятно, - оценил он вбитый нос Майгатова. - Нам уже такие значки, к сожалению, не дают. Все только деньгами меряют.

- Ну так что? - уже посмотрел на второй газующий "жигуленок", но там за рулем сидел такой завмаговского вида неприступный мужик с двумя подбородками, что к нему и подходить не хотелось.

- Ладно. Садись, - дрогнуло что-то внутри парня. - Полчаса на тебя угроблю...

На проспекте Майгатов мысленно возблагодарил небеса. Они так густо сыпали снегом, так заставляли скользить автомобили своими лысыми шинами по леденеющему асфальту, что те, сталкиваясь, сооружали "пробку" за "пробкой". Красный кузов "Вольво" торчал в одной из них.

- Вон он, - показал Майгатов.

- Да вижу, - недовольно ответил парень. - Я твоего кореша, кажется, знаю. Он недавно эту красотку купил. Верно?

- Да, - подтвердил Майгатов, вспомнив слова пацана.

- Хорошая машина для наших дорог. И для погоды - тоже, - оглядываясь назад, и подрабатывая газом, он пристроился в соседний с "Вольво" ряд. До того оставалось метров пятьдесят. - Может, пешком дойдешь до своего кореша? Все равно стоим.

А Майгатов вдруг понял, что не должен он сейчас встречаться с Эдуардом. Лены, судя по тому, как он успел разглядеть салон отъезжающей машины, в "Вольво" не было. Значит, он уже отвез ее в Подмоскovie, а домой просто возвращался. Побыл немного - и опять поехал. Но куда? А вдруг опять в Подмоскovie, опять туда, где Лена.

Эдуард казался сейчас крючком, который он не может, нет, просто не должен подсекать раньше времени. И он признался в этом парню.

- Ну ты даешь! - возмутился тот. - То - подбрось до "Вольво", то хочу посмотреть, куда он поедет. Я - не мент.

- Я - тоже, - хмуро ответил Майгатов, достал удостоверение личности и отдал его парню.

- Черноморский флот? Старлей? А я - только младший, хоть и лейтенант.

- "ЦСКА"? - понял Майгатов.

- Точно. Бывшая слава советского хоккея. И середняк - российского... Этот, в "Вольво", - кивнул он вперед, - соперник в любви, что ли?

- Примерно, - ответил Майгатов.

Он хотя и представлял иногда Эдуарда между ним и Леной, но соперником его почему-то не считал.

- Мою тут тоже один хотел захомутать. Теперь ребра сращивает.

- Дрались?

- Не совсем. Он - из "Крыльев Советов". Я его недавно так силовым по борту размазал, что им теперь нового защитника искать нужно.

"Пробка" рассасывалась. Машины объезжали сцепившихся мертвой хваткой две подержанные иномарки и устремлялись вперед на чудовищно быстрой для этой погоды скорости километров шестьдесят в час.

Хоккеист осторожно объехал место столкновения и вдруг направил машину за уходящей в переулок "Вольво". Рука Майгатова до боли в пальцах вцепилась в пластиковую ручку над дверью.

Они немного проехали по улицам, где было еще больше снега, но меньше "пробок", потом свернули на Новый Арбат, и Майгатов, впервые вживую, а не на открытке, увидевший небоскребы-книжки, восхищенно оценил их:

- Красиво!

- Вставная челюсть Москвы, - решил просветить провинциала хоккеист. Всеми архитекторами мира признано, что эти дурищи в центр Москвы не вписываются.

- А все равно красиво!

- Проголодался твой визави, - вдруг совсем не о зданиях сказал хоккеист.

Майгатов еле нашел в строю припаркованных прямо на тротуаре, там, где ходили люди, автомашин красную "Вольво". Эдуарда за рулем не было. Он уже хотел выйти из машины, но хоккеист остановил его:

- Поостыть, что ли, решил? Сиди. Он сейчас спустится. Здесь на втором этаже - "Ирландский торговый дом". Жвачки купит - и спустится...

Хоккеист то и дело поглядывал на часы, и каждый раз, когда это происходило, Майгатов боялся, что уже сейчас, что вот в этот раз он точно откажется везти его дальше. И не мог придумать, что же он будет делать тогда. И от того, что не мог придумать, хоккеист становился ему все ближе и ближе, точно у него одного в Москве была машина и только он один знал, как ехать за красным "Вольво", чтобы их не заметили.

- Все. Вышел, - первым заметил он невысокого человечка в обливной дубленке коричневого цвета, который нес к машине два огромных зеленых пакета. - Богатый Буратино. Смотри, сколько набрал! Долларов на триста, небось.

Майгатов опять вспомнил о своей одинокой пятидесятидолларовой бумажке, и теперь она показалась ему уж настолько мелкой, что ее впору было выбрасывать в урну.

- Хрен с ней, с этой тренировкой, - тронул хоккеист "жигуленок" вслед за "Вольво". - Главное, что за стоянку здесь не оштрафовали. Ты знаешь, не оборачиваясь, сказал он Майгатову, - этот Буратино уже и мне не нравится. Больно рожа плюгавая. Чего твоя в нем нашла?

"Вольво" съехала с тротуара на шоссе, вопреки всем правилам развернулась посередине улицы и помчала, выметывая снег из-под колес, от центра. Хоккеисту пришлось повторить этот маневр. Так они в связке, которая то удлинялась, то укорачивалась, проехали Новый Арбат, Кутузовский, проспект маршала Гречко, Можайское шоссе, пересекли кольцевую и двинулись по "минке" в почти идеальном западном направлении. Или, как сказал бы штурман с "Альбатроса", в направлении "западо-западо-юг".

Хоккеист умело хитрил, меняя ряды, а иногда даже отпускал "Вольво" на два светофора вперед. Вряд ли Эдуард мог заметить в этой молоке, в этом чуть ли не кефире, который создавал на дороге густой-прегустой снегопад, что за ним ползет какой-то престарелый "жигуленок" первой модели да к тому же и с залепленными снегом номерами.

Но когда он свернул с "минки", и идущих за ним машин стало совсем мало, хоккеист почему-то пригнулся ближе к рулю и нервно поерзал на сидении. "Вольво" миновала какую-то деревню, сосновый бор и сделала правый поворот. "Жигуленок" последовал за ним, проехав метров триста, и остановился.

- Дальше нельзя. Может, он уже и без того нас заметил. Мы с ним на этой улице - как два тополя из трех, что были на Плющихе.

- Но ведь уйдет, - тихо сказал Майгатов.

- Знаешь, - нервно потянулся в кресле хоккеист, - если он тебе так нужен, выходи и топай за ним так. Если он и вправду ехал в этот дачный кооператив, то ты его и без меня найдешь. А если нет, то... - помолчал, подбирая слова, - то нет.

Ногой Майгатов по середину берцовой кости погрузился в снег. "Валенки бы сюда", - только и успел подумать, ощутив, как холодеет нога в дешевой кроссовке из кожезаменителя.

- Я подожду. Вон там, за лесочком, - кивнул назад, на сосняк, мимо которого они только что проехали. - Там хоть какие-то машины ездят, а здесь я... ну, как бельмо на глазу.

Майгатов поблагодарил, чем вызвал резкий взгляд хоккеиста, и вылез из машины. Он

действительно стоял на краю шикарного дачного поселка. Двух-трехметровой высоты заборы, если не из железобетонных плит, то из широкой толстой вагонки, дома однообразно красного кирпича, словно все, кто здесь жил, воровали с одного кирпичного завода. "Вольво" уже давно свернула с этой, наверное, центральной улицы, и Майгатов пошел к тому углу, за которым скрылась машина.

Он широко ступал по глубокому, куриным пухом подрагивающему снегу и с удовольствием смотрел на высокие заборищи. Уж из-за них-то он вряд ли был виден. Потом додумался войти в шинный след "Вольво", потопав, отрусил кроссовки и низ джинсов от снега и пошел по елочке протекторов, как по нити волшебного путеводного клубка.

Дачный поселок оказался больше, чем он предполагал. След "Вольво" провел его еще через пару переулков и вдруг заставил остановиться. Машины на улице не было, но по перемешанному, исчирканному вдали, метрах в ста, снегу, он понял, что "Вольво", развернувшись, заехала именно в ворота дачи, стоящей последней по правой стороне. За ней виднелся пустырь, а дальше черной полосой просматривался лес.

За время хождения по следу шин Майгатов уже примерно понял расположение домов поселка. Он вернулся назад, поднялся по параллельной от той, где разворачивалась "Вольво", улице и, увидев уже знакомую по контуру крышу, подошел к забору.

Наверное, нет ничего хуже, чем пытаться в обычной одежде пробраться незаметно по снегу. Но ждать оттепели он не мог. Майгатов кожей чувствовал, что где-то здесь, где-то совсем рядом - Лена, и он почему-то решил, что ей плохо, что она жалеет об отъезде, что она надеется на него. И он решился.

По стволу растущего прямо у забора дуба он взобрался метра на четыре, стал ногами на бетонную плиту и, даже не посмотрев на дом, прыгнул вниз. Земля встретила больно. Земля отшвырнула вбок. Но снег спас. Он мягко принял его, сразу еще и замаскировав. Майгатов даже не стал отряхиваться. Он осмотрел огромный, с деревьями участок, дом из традиционного красного кирпича, какие-то пристройки.

Дом притягивал к себе, и Майгатов, забыв о всякой осторожности, перебежал под его стены. Прижался к кирпичам и с ужасом подумал о собаке. Такой огромный участок просто не мог быть без овчарки, ротвейлера или даже пит-буля. Но, то ли погода была такой, в которую хороший хозяин собаку не выпускает, то ли не успели еще завести волкодава, но только во дворе стояла гнетущая тишина.

Шум в ушах от нее неприятно давил на Майгатова. Он твердо знал, что нужно перелезть забор, знал, что нужно перебежать к дому. А вот что делать дальше, он совершенно не мог представить. Пока не услышал тихую-тихую, еле всосавшуюся в тишину мелодию. Где-то наверху, скорее всего, на втором этаже, играла музыка, и он, подчиняясь ее зову, полез по замеченному из-за угла дома деревянному брусу на длинный, вдоль всей стены протянувшийся деревянный балкон.

Стал на него, осторожно выглянул из-за стены в окно и обомлел. В огромной, ярко освещенной комнате на диване с обивкой-гобеленом, на которой были изображены два рыцаря, сошедшиеся в поединке на турнире, точно между ними, там, где сходятся острые длинные копья, сидела Лена с какой-то незнакомой женщиной, а невысокий, стоящий к нему спиной мужчина выставлял что-то из пакета на журнальный столик. Пакет отливал яркой зеленью, и только по одному этому Майгатов понял, что это - Эдуард.

Выставив покупки на стол, он что-то сказал, прошел к окну, швырнул пустой пакет на подоконник и ушел из комнаты. Майгатов видел его лицо несколько секунд, но его поразили маленькие, близко посаженные глазки Эдуарда. Они так походили на пуговицы, которые раньше пришивали к головам плюшевых мишек, что ему даже показалось, что они и мертвы

так же, как те пуговики. У него действительно была небольшая, аккуратно подрезанная бородка и заметно расширившая лоб лысина.

Лена еще раз беззвучно рассмеялась, и Майгатов подумал, что зря волнуется ее мама, что зря она взволновала и его, что совершенно не нужна была гонка за "Вольво", блуждание по сонному поселку, накрытому обложным снегопадом, лазание по деревьям. И он уже собрался прыгивать с балкона и проделать обратный путь, как Лена вдруг вскочила.

Толстые, с двойными стеклами, рамы скрывали все звуки. Он не слышал из зала ничего, в том числе и того, что вызвало такой гнев Лены. Он мысленно попросил их говорить громче, но женщина тоже вскочила, тряхнув красивыми светлыми волосами, подошла к окну, заставив Майгатова отклониться к стене, открыла форточку и вышвырнула окурок. Короткой черной палочкой с красным мазком помады упал он на снег балкона и тут же снежинки погребли его под собой.

- Сядь! Не психуй! - потребовала женщина. - Перекусим?

- Я не голодна, - села в самый уголок дивана и тихо ответила Лена.

- Ну, смотри. Я ведь не макароны с сосисками предлагаю, а деликатесы из валютного. Налить? - подняла она со столика бутылку вина и тщательно изучила этикетку.

- Немного. Я вообще-то совсем не пью.

- Я - тоже, - с мужской суровостью ответила женщина и налила себе полстакана. Лене плеснула на дно.

Она подняла огромный бокал, посмотрела на тонкую красную пленочку, подрагивающую на дне, и восхитилась:

- Красивый цвет. Как рубин.

- Как кровь, - уточнила женщина и громко поставила на столик опустошенный стакан.

- Бери красную рыбу. Хорошо идет. Красное любит красное.

Лена чуть притронулась губами к вину и тут же мягко, беззвучно опустила стакан с той же красной пленочкой на дне на журнальный столик.

- Зря ты психуешь! Ну что я такого сказала: отдельные интимные услуги? Если начистоту, то никому не нужна просто секретарь-референт. Ты думаешь, зря в объявлениях пишут: приятная внешность, возраст - до двадцати шести лет? Вот мне уже тридцать один, почти старуха...

- Ну что вы! Какая же вы старуха?!

- Не успокаивай меня. Вон, смотри: уже морщинка на шее пролегла. Никаким массажем не разгладишь. И возле углов глаз...

- Вы преувеличиваете.

- Я никогда ничего не преувеличиваю. Я всегда хожу по земле. Эдуард показал мне твою фотографию. Вроде, неплохо. Я дала ее посмотреть шефу. Ты ему понравилась. А потом, ты учти, в солидные фирмы, на солидные оклады кого зря с улицы не берут. Только проверенных, только своих. Вроде как в семью принимают. А в семье, сама понимаешь, отношения должны быть, чтоб эта семья не развалилась, теплыми, нежными, а порой и очень близко интимными.

Лена съежилась в уголке дивана.

- Шеф вечером приедет сюда. У него сейчас теннисный корт, потом сауна. Попутно - пару деловых встреч. У нас, как видишь, все сочетается: и труд, и отдых. Шеф у нас очень симпатичный, очень солидный. В общем, мужчина из мужчин. Иногда бывает грубоват, но это у него вроде детской игры.

Она опять налила себе полстакана. Жадно, с причмокиваниями выпила, выудила из длинной пачки тонкую черную сигарету, закурила и, оставив ее двумя тонкими ухоженными пальчиками в сторону, выдохнула вместе с дымом:

- Две тысячи долларов в месяц мы тебе кладем для начала. Потом можешь дожать до десяти. О премиальных не упоминаю. Они тоже могут быть. Главное, что тебе нужно, это не умение печатать на машинке, не знание компьютера или какого-то иностранного языка. Главное - это умение расслабляться и фантазия. Ведь шеф иногда так зверски устает.

Лена стала маленькой-маленькой - как ребенок. Наверное, уже нельзя было занимать меньше места на этом красивом диване, по синему полю которого все неслись и неслись навстречу друг другу два рыцаря в броне.

- Ты должна понять главное, - расхаживая по комнате, нравовчала дама. - А главное: ты - женщина. Ты создана для наслаждений и для того, чтобы тобою наслаждались. Твоим телом, лицом, ножками, волосами, грудью, твоим запахом. Кстати, как ты пахнешь?

Она наклонилась к Лениной шее, и Майгатов почувствовал, что нервы уже не выдерживают. Ногти уже давно впились в ладони, бугря темно-коричневые кулаки, но что он мог сделать кулаками против толстых двойных стекол?

- Приятный запах. Шефу понравится. Немножко добавим дезодорантов.

- Я хотела бы уехать домой, - тихо сказала из своего угла Лена. Сейчас.

- В нищету? От замаячившего богатства?

- Я не могу...

- Ничего. После двух-трех раз привыкаешь. Просто нужно переступить через себя. Совесть - химера, придуманная пуританами. Переступив, ты станешь истинно свободной. А свобода и деньги - это единственные настоящие ценности в этом мире. Понимаешь?

- Где Эдуард?

- Эдуард - наш лучший сотрудник. Мы верим ему. Учти: от нас теперь просто так уйти или уехать нельзя. Ты уже принята в семью. Да расслабься ты!

Крикнув, она прошла к огромному, наверное, не менее метра по диагонали, телевизору, включила его. Потом заправила видеокассету, нажала на пульт и на экране высветилась постель, на которой две обнаженные белые девицы ласкали такого же обнаженного негра.

- Это так же естественно, как дыхание, как еда, как питье, как отправление нужд. Ты должна будешь этому научиться в совершенстве. Пока посмотри этот фильм. Вроде как в форме учебного пособия. А где-то через час мы втроем - ты, я и Эдуард - попробуем все это повторить. Ты увидишь, какое это наслаждение. А вечером, возможно, встретишься с шефом.

Лена сидела, закрыв лицо ладонями.

Дама загасила окурок о дно своего стакана и вышла из комнаты, нервно тряхнув волосами.

На экране негр мостился между двумя дамами, точно ему было холодно и он иначе не мог согреться.

- Ле-е-ена! - хриплым шепотом позвал он ее через приоткрытую форточку. - Ле-е-ена!

Одна из дам стонала так громко, что, кажется, глушила его голос.

- Ле-е-ена! Иди сюда!

Наконец-то оторвала она ладони от лица.

Вид Майгатова за окном напугал ее сильнее, чем тискающий пудовые груди одной из баб негр. Она так побледнела, что ярко-синяя обивка за ее спиной стала еще ярче. Ее губы что-то произнесли, но он не услышал.

- Иди, иди сюда! - призывно махал он.

Наконец, она поняла, что это не еще один телевизор, а живой, настоящий Майгатов, что он, наверное, все слышал, что он все понял, что он один может спасти. Она бросилась к окну, больно ударившись об угол столика. Бутылка вина, отлетев от удара, брызнула вином на экран, и красная, как кровь, пленка поползла вниз по клубку черного и белых тел.

- Открой шпингалеты! - все тем же хриплым шепотом потребовал он.

Она рванула, но палец сорвался, не хотел подчиняться.

- Ну, давай же! - попросил Майгатов. - Давай, Леночка, милая!

Он произнес это так нежно, что она не выдержала, всхлипнула. Шпингалет в слезящихся глазах раздвоился, стал толще и размытее, но она дернула сильнее, чем в первый раз, и он поддался. Став коленями на широкий подоконник, Лена рванула вниз верхний шпингалет. Створка рамы качнулась назад.

- И вторую! Вторую - так же!

Глаза сами бегали с Лениных пальцев на двери, в которых исчезла та светловолосая дама, глаза пытались удержать на расстоянии ту дверь за ручку и то, что она все-таки не открывалась, казалось заслугой глаз.

Он и сам не сразу поверил, что открылась и вторая створка. Лена, как стояла на коленях, так и упала ему в холодные объятия.

- Не плачь, не плачь, - гладил он ее короткие стриженные волосы, а взглядом все держался и держался за ручку. - Бежим... стой, а одежда, где твоя одежда?

- Вни... ни.. внизу, в... в,.. - так и не сказала до конца под тяжестью душащих горло слез.

Он сорвал с себя джинсовую куртку, вдел ее подрагивающие руки в рукава, запахнул на груди и скомандовал:

- Я спущусь, а ты - за мной. Повторишь все, что я сделаю, - еще раз прощально подержался взглядом за ручку двери и сполз по деревянному брусу с балкона.

- Давай! Быстро!

Она попыталась повторить его движения, но руки не удержали тела, и она упала прямо на

Майгатова. Он не устоял и тоже завалился в уже сметанный ветерком сугроб у стены.

- Ты куда? - метнулся незнакомый испуганный голос из-под балкона.

Тревога заставила Майгатова вскочить с быстротой, которую он не помнил за собой даже по тренировкам в училищные годы.

В двери, прямо под балконом, стоял маленький, лысоватенький, бородатенький, и он остро ощутил, что призрак овегоствился, что вот это и есть Эдуард, из-за которого до сих пор не может избавиться от слез Лена. Майгатов шагнул к нему навстречу.

Эдуард странным движением бросил руку назад, к пояснице, но кулак Майгатова оказался быстрее этой руки. Он с хрустом вмял маленькую головку с немигающими пуговками глаз в деревянную плаху двери. Эдуард упал ничком, и только тут Майгатов понял, зачем он совал руку к пояснице, - там висела кобура.

Коротенький человечек лежал недвижимо, как гипсовый манекен, и Майгатов крикнул Лене:

- Бежим! Вон к тому дереву!

Они долго перелезали, долго бежали, держась за руки, по взбредивающим собаками улицам поселка, долго продирались наискось через сосняк, и, когда, выплыв из сугробов на дорогу, Майгатов увидел стоящие "жигули" хоккеиста с прилипшим к багажнику дымком выхлопа, он наконец-то поверил, что они спасены.

—

4

Майгатов привез ее к Мишке. Теплую, нежную, заснувшую у него на руках, с уставшим лицом и таким же распухшим носом, который утром был у ее матери. Наверное, он угадал, потому что Лена, проснувшись и даже не понимая, куда они приехали, попросила:

- Отвези меня к себе. Я боюсь домой.

Хоккеист поправил чуть не упавший с переднего сидения баул с формой, обернулся к ним и пожелал:

- Больше не теряйте друг друга. У вас классная пара.

Майгатов полез за своей пятидесятидолларовой бумажкой, но хоккеист даже не дал ее вынуть.

- Не вздумай, обижусь...

Они поднялись по длинной-длинной лестнице на пятый этаж. Вошли в квартиру. Ни Мишки, ни его сумки не было.

- Здесь мой знакомый живет, - пояснил он. - Философ.

- Заметно, - сказала она, осмотрев старючие раскладушки и дедушку-телевизор. - А где он сейчас?

- Философствует, - выглянул в окно, за которым сыпал и сыпал бесконечный снег, и подумал, что сегодня у Мишки будет не кассовый день. Пообедаем?

- А что есть у философов? - удивилась она. - Неужели есть что-то, кроме книг?

Майгатов позвал ее к холодильнику, подал дверцу на себя, и Лена удивленно уменьшила лоб взлетевшими бровями.

- Ну и философ! Он что: придворный философ?

- Да нет. Просто им демократы стали платить больше, чем директорам коммерческих банков. Чтоб придумали им новую философию, а то уже два года страна в вакууме живет.

Они засмеялись одновременно, но у Лены это получилось громче, и он так обрадовался смене ее настроения, что сделал свой смех еще бурнее. Он хотел помочь ей забыть все плохое, что принес сегодняшней день. Он до того сильно этого хотел, что и не заметил, как ее смех перешел в рыдания, как ритмично раскачивающаяся голова Лены стала дергаться назад, как мелькнули колючие слезы, и она, закрываясь и от него, и от всего жестокого мира, прижала к глазам ладони.

Майгатов обнял ее дрожащими руками, больше всего боясь, что она оттолкнет ее. Он видел такие сцены в кино, и там женщины очень часто отталкивали мужчин, словно не хотели, чтобы хоть кто-то видел их слабость. Лена лишь безвольно легла растрепанной головой на его грудь, а он остро ощутил, что то, что раньше казалось ему любовью, было такой мелочью рядом с тем чувством, что разрывало душу в эти секунды. Может быть, так получилось оттого, что теперь у них на двоих было несколько страшных минут, которые вошли и в ее, и в его судьбу, и этими минутами, словно сиамих близнецов пуповиной, сегодняшнее воскресение сроднило их. Он обнимал ее, как часть себя, и почему-то думал о том, что готов умереть за Лenu, и в этой готовности скрывалось наслаждение, а не страх.

Своими большими грубыми ладонями он оторвал ее лицо от груди и стал неистово целовать соленые щеки, лоб, глаза, волосы. Когда он поймал ее губы, они еще подергивались, они были вялыми, как бы неживыми, но, чем дольше он удерживал их в поцелуе, тем тверже и смелее становились они. Глаза закрылись сами собой. Наверное, он бы смог пересилить себя, поднять веки и все-таки увидеть ставшее счастливым лицо Лены с такими же закрытыми глазами, но он не стал этого делать. Даже сквозь плотно прижатые веки он видел все. Он знал, что вырвал ее из плача, который был не просто плачем, а продолжением плена, придуманным, но продолжением. И она, тоже понимая это, может быть, ощутила в душе часть его нового чувства не просто любви, а любви двух сродненных людей.

- Ми-илый, - первое, что произнесла она, как только прервался поцелуй. - Я тебя люблю. Больше жизни люблю. Ты не бросишь меня?

До этого он боялся, что она бросит его, и как-то смутился от вопроса.

- Ну зачем ты? Я... сегодня...

- Не бросай меня.

- ...сегодня... и навсегда...

- Боже, как я счастлива, что есть ты!

Больше такого он слышать не мог. Слова рвали сердце. Пьянили и все-таки рвали, рвали. Он спасся от этой сладкой пытки поцелуем.

Они пили друг друга, как могут только пить больные единственное спасительное лекарство. И чем дольше она пила, тем сильнее понимала, что все самое важное в жизни уже произошло: она нашла е го, нашли среди миллионов мужчин на планете, и все остальное было всего лишь фоном, на котором это случилось, что любовь к Эдуарду, скорее всего, казалась любовью, а, может, была всего лишь жалостью, а не любовью. И чем дольше он пил, тем

исступленнее боялся ее потерять, и в этом исступлении, кажется, вот-вот готов был схватить ее на руки, унести в комнату и целовать уже там, но целовать не только лицо, а всю ее до последней клеточки.

- Нет в жизни счастья! - захохотали подошвы в прихожей. - Ю-урка, ты здесь?

Они вздрогнули одновременно, словно действительно стали единым целым.

- Ты где, флотоводец? - прогрохотал он на кухню. - Ой, ради Бога, извините, - и, почему-то согнувшись в поклоне, стянул с головы шапку, пошитую, наверно, с половины барана - такой она была огромной, пушистой и выбеленной снегом.

- Я не знал, что... это...

- Познакомься. Лена.

Мишка шагнул навстречу и, протянув руку, поздоровался так, чтобы его выбитый глаз был совсем не виден.

- Ми... Михаил, - ответил он за Майгатова. - Не был, не состоял, не участвовал...

- В чем же? - бросила она смешливый взгляд на Майгатова.

- Ни в чем... То есть во всем...

- Ты раздевайся. А то кухню скоро смоем, - кивнул Майгатов на лужицу от подтаявшего снега, в которой стоял Мишка.

- Я - мигом! - вылетел он в прихожую. - А где ваши вещи? Тут на вешалке ничего нет.

- Моя куртка на раскладушке. А у Лены ничего нет.

- Как это - нет? - вернулся он с ошарашенным лицом и все еще в ботинках, оставляющих серые следы.

- Так получилось, - разведя руками, пояснила Лена. - Мы бежали.

- Ого! Это уже что-то из Дюма. Или Вальтера Скотта.

- Миш, мы правда бежали, поэтому у Лены ничего нет. Знаешь, обернулся он к ней и, прежде чем сказать, опять ощутил ток, прошедший по всему телу, только от вида ее милого, ее такого любимого курносенького лица, - знаешь, давай позвоним твоей маме. И я съезжу за одеждой.

- Нет, я сама позвоню. А где у вас?..

- Пр-рошу! - прыгнул Мишка к холодильнику, стащил с него телефон на стол и отер пыль с трубки рукавом свитера.

Пока Лена набирала телефон, Мишка на цыпочках вышел из кухни и, поджав губы, поманил за собой Майгатова. В прихожке, разуваясь, с короточек торопливо стал расспрашивать:

- Юр, я тебе его сегодня хочу показать. Тут недалеко. Несколько остановок на троллейбусе. Правда, троллейбусы не ходят, но пехом тоже недалеко. Лады?

- Ты чего?

- Да нет. Ты только посмотришь, а потом обсудим...

- Бредишь, что ли?

Произнес и тут же понял: о том мордовороте, что избил его, говорил Мишка.

- Ах да - Лена! - по-своему воспринял его вопрос Мишка. - Идея: гоню к лысому и беру в прокат шубу. До школы и назад.

- Какой школы?! Ты уже совсем рехнулся со своей мезтью. Граф Монте-Кристо!

Из кухни слышался приглушенный Ленин голос, и Майгатову почему-то показалось, что даже в том, что он оставил ее одну на кухне, таилась для нее опасность. А уж когда Мишка поволок его в комнату, сбивчиво, с пятого на десятое, пытаюсь объяснить свой дурацкий план, и голос перестал быть слышен, ему и вовсе стало тревожно на душе.

- Юр, понимаешь... ничего, наверное, не будет, но ты хоть это... садись. Ты тайский бокс видел? Нет, не то... Ну, вот всякие кунг-фу и таэквондо, когда по телевизору...

- Ты точно на морозе перегрелся.

- Подожди... Вот помнишь фильм: там Поддубный за деньги боролся?

- Не видел я такого фильма.

Ее голос совсем не слышался, как он ни напрягал слух. Казалось, что Лену похитили повторно.

- В школу поедем - сразу вспомнишь.

- Да не видел я ничего такого!

- Ну, сядь, сядь. Все, я успокоился. Объясняю по пунктам, как на лекции. Первое - в школе, точнее, не в школе, а в спортзале школы сегодня бои.

- Собачьи, что ли?

Мишка начинал надоедать. Особенно потому, что не давал избавиться от тревоги о Лене. Он понимал, что тревога напрасна, но что-то внутри его было сильнее рассудка.

- Подожди. Я же сказал: по пунктам. Второе - там будет в этих боях участвовать... ну, в общем, тот, что мне это, - и показал тонким, действительно философским пальчиком на выбитый глаз. - Третье - бои ведутся без правил.

Майгатов уже кое-что понял, но последняя фраза его удивила.

- Ты же сам говорил: кунг-фу, таэквондо...

- Понимаешь, - вскочил Мишка и начал размахивать длинными худыми руками, помогая себе рассказывать, - это так и называется - бой без правил. Выходят двое в трусах, босиком, и начинают мочить друг друга куда попало. Применять можно любые приемы: бокс, борьбу, кунг-фу, про которое я уже говорил, и все такое - каратэ, таэквондо, славянскую борьбу...

- Славяно-горецкую, - уточнил Майгатов, который как-то видел небольшой фильм о ней.

- Ну, не важно... В общем, все подряд. Схватка может длиться и десять минут, особенно когда один от другого бегают, и всего секунду. Судья...

- Ну вот - судья есть. А ты говорил: без правил...

- Да для мебели тот судья. Он просто фиксирует, кто первым или сдастся, или отрубится.

- И все?

- Все, - опустил руки Мишка, словно сам сейчас отборолся одну такую схватку.

- Так мне что: биться с ним нужно?

- Ну, ты меня совсем не понял! - возмутился Мишка. - Мы сходим и просто посмотрим на ту харю. И все.

- Как в зоопарк?.. А бить мне его потом?

- Ничего ты так и не понял.

Мишка обиженно отошел к окну, а Майгатов вдруг понял, что ведь он действительно не хотел мстить, он просто хотел поделиться сначала своей болью, потом - умением отыскать обидчика, а сейчас просто хотел, чтобы с ним пошли на эти бои и, скорее всего, порадовались тому, как мордоворота кто-нибудь будет бить на арене, и именно этот момент избиения Мишка воспримет как осуществленную справедливость. А Майгатов нужен ему как свидетель торжества этой справедливости.

- Хорошо. Сходим, - заставил он его обернуться от окна и осветить лицо улыбкой. - Только вот Лена...

Тревога не уходила из души. Она заставила его быстро вернуться на кухню. Лена сидела у молчаливого уже телефона и невидяще смотрела перед собой.

- Ну что? - заставил он ее вздрогнуть.

- Они приходили.

- Кто - они? - он наконец-то понял, что душа не подводила его.

- Какие-то двое. Мама их не знает. Сказали, что завтра придут еще раз. Они вазу разбили.

- Какую? - и тут же вспомнил ту красивую, высокую, китайскую, с лепниной.

- Просто, уходя, пнули - и все. И мама им ничего не сказала. Она испугалась... Боже, зачем я только вернулась из Эфиопии?

Слезы были близко. А он не знал, что сказать, чем успокоить. Любое слово могло оказаться не словом, а тем уколом, что вызовет поток слез.

- Господа! Приглашаю на царский обед, - вошел Мишка в какой-то дурацкой, действительно царской короне. - Цыган подарил. За то, что я ему золотую жилу иногда уступаю. Из какого-то театра сперли.

Одноглазый король смотрелся смешно. Наверное, потому, что были одноглазые генералы и адмиралы, встречались и одноглазые пираты, а царей с одним оком история как-то не запечатлела.

Лена улыбнулась. Вымученно, сквозь давящие ее мысли, но улыбнулась. А Майгатов подумал, что не философией и не коммерцией нужно было заниматься Мишке. В нем умер великий актер.

В зале становилось душно. Несмотря на то, что билет стоил тридцать долларов, а это по московским меркам очень дорого, зрители все прибывали и прибывали. Качки со стрижеными затылками и с вечной жвачкой за щекой, девицы в норковых шубах, кавказцы в костюмах от Кардена, парочка иностранных туристов, пресытившихся Оружейной палатой и храмами Золотого кольца, солидные мужчины, явно спортивные селекционеры, и публика, попавшая сюда почти случайно. Определить ее профессию и хотя бы примерный источник денег было невозможно. К таким Майгатов отнес и их троицу.

Лена явно стеснялась принесенной Мишкой норковой шубы. Сам Мишка сидел как на гвоздях. Может быть, волновался, что его обидчик не появится, и девяносто долларов из его первоначального капитала исчезнут без толку.

Центр спортивного зала школы занимали шестнадцать матов. Видимо, они обозначали поле боя, и тот, кто его покидал, считался побежденным. А, может, этого правила и не существовало. Ведь говорил же Мишка, что здесь пройдут б о и б е з п р а в и л.

- Добрый вечер, господа! - выкатился на маты колобком толстый то ли ведущий, то ли конферансье этого шоу. - Сегодня в Москве чудный зимний вечер, хотя до зимы еще далеко. Придет время и наши соревнования будут проводиться не в этом скромном зале, а в Лужниках или на "Динамо". Но мы с вами - первые. Впечатления, которые вы получите, никогда не сотрутся из памяти. Тем, кто придет на такие же бои в Лужники или на "Динамо", вы смело скажете, что видели это первыми!

- Во заливаает! - нагнулся к Майгатову Мишка. - Седьмой или восьмой раз уже эти драки здесь. А он - впервые...

Его левая нога непрерывно отбивала чечетку.

- Поприветствуем гладиаторов!

Конферансье взмахнул короткими ручками словно мишка на Олимпиаде-80 перед тем, как взлететь в небо, и Майгатов даже посмотрел на крашенный белой водоземulsionкой потолок спортзала.

Зрители лениво, вразнобой захлопали, бритые качки засвистели. Под грохот музыки, льющейся из динамиков дешевого двухкасsetника, на маты вышла процессия. Впереди - почти двухметрового роста мужик в одежде боксерского рефери. Черная бабочка на его непомерной груди смотрелась маленькой мухой, случайно присевшей перед тем, как улететь дальше. За ним по-лошадиному вышагивала девица в купальнике, состоящем из трех ниток. Две из них ложились на арбузы груди, но были не в силах закрыть хотя бы соски, которые у нее оказались по блюдцу размером. Сходясь ниже пупка с третьей ниткой, они образовывали подобие треугольничка. Когда же девица повернулась к ним спиной, то расстояние съело нитки, и она показалась абсолютно голой, если, конечно, не считать черных, примерно сорок четвертого размера, туфель. Такая же кустодиевская дама замыкала процессию, и от того, что и груди, и соски, и нитки на их мощных телах, и волнами перекатывающиеся рыхлые ягодицы были совершенно одинаковы, возникало ощущение, что их двоих только что вылили из одной формы, как выливают чугунные статуэтки, обули, перетянули веревками и вывели в зал. Между ними, словно под конвоем этих женщин-великанов, вышагивало восемь парней в одинаковых черных велосипедных в обтяжку трусах. Двигались они не в ногу. Одни шли вальяжно, расслабленно, другие же ступали тяжело и уверенно, а последний - восьмой - все время изображал бокс с невидимым соперником и оттого казался глупее других.

- Это он! - с такой радостью показал на него Мишка, будто увидел родного и притом любимого брата.

Мордovorот смотрелся хлипко. Явно на пару категорий ниже майгатовской, сантиметров на

десять, а то и больше, ниже ростом, но мозоли на локтях, которые он мог заметить с такого расстояния, его насторожили.

Строй остановился, по-солдафонски выполнил неслышную команду "напра-во", парни помахали зрителям противоположной стороны зала, потом выполнили команду "кру-гом", и поприветствовали их ряды. Качки возбужденно засвистели. Перед строем выкатился конференсье и заорал:

- В соответствии с произведенной жеребьевкой пары разбились так...

Он вырвал из кармана брюк мятую бумажку и стал называть фамилии бойцов. Каждый из них, словно всеми ими руководил один кукловод, делали шаг из строя, выкидывал будто вздернутые нитками руки вверх и тут же становился обратно. И только восьмой, фамилию которого Майгатов прозевал, разглядывая, как и большинство зрителей, не бойцов, а почти голых дам, руки вверх поднимать не стал, а вновь сымитировал бокс.

- Итак, схватка номер один! - проорал конференсье, но, услышав какой-то окрик из зала, встрепенулся, испуганно повернулся к мрачному рефери и заорал настолько громко, что мог и лопнуть: - А судит сегодняшние поединки...

- Ставки будешь делать? - влез со своим шепотом Мишка.

Зал заорал так сильно, точно он пришел посмотреть на одного судью, а не на бои.

- Чего? - не понял Майгатов.

- Ставки - говорю. На фаворита боя обычно один к одной и одной десятой. Поставил на него сто баксов, а если он победил - получишь сто десять.

- А если проиграет?

- Тогда - тю-тю, - вздохнул Мишка. - Ушли денежки... Да, так на фаворита я сказал. А на слабого - один к полутора. В финале ставки могут быть другими. Как бугры решат, что здесь всем крутят. Ну что: ставим?

Майгатов отрицательно покачал головой. Эти ставки как на гоночных лошадях ему не нравились. Да и сам зал, становящийся все более душным, не нравился. Он то и дело бросал тревожные взгляды на Лену, и больше всего боялся, что она посчитает всю эту вакханалию хоть как-то приложимой к его жизни. Она же смотрела вяло, рассеянно, явно находясь не здесь, а дома, где осталась мама в пустой квартире, где лежат на ковре в зале осколки ее любимой вазы, где поселился страх и поселился именно из-за нее.

- Господа! Прошу делать ставки на первую пару! Ставки принимает судейская коллегия!

Несколько качков сорвалось со своих мест. Они сбегали куда-то вправо, где, наверное, находились столы этой самой коллегии, но которые с места Майгатова были не видны. Вернулись они какими-то успокоившимися.

Когда за несколько секунд закончился первый бой, и качки сбегали за прибылью к тому же столику, стало ясно, что они неплохо разбираются в бойцах и зря ставок не делают.

Так и продолжалось: парни в трусах петухами насакивали друг на друга, в суматохе схватки применяя все подряд, что они знали или, быть может, лишь видели в учебных кинофильмах, из бокса, каратэ, айкидо, кунг-фу, а когда падали в свинцовых объятиях, - то в ход шли и вольная борьба, и самбо, и дзю-до, и турецкий гюреш, и японская сумо, и грузинская чидаоба, а чаще всего - просто инстинктивные движения человека, вознамерившегося убить другого человека; бритые качки челноками сновали от своих мест до судейского столика и обратно, и

каждый раз становились все веселее и веселее; зрители орали похлеще, чем на футболе, топотали ногами, и уже закурились по рядам дымки сигарет; рефери был, кажется, безразличнее всех к происходившему, на бойцов смотрел как старый пес смотрит на глупых щенят, и так часто поправлял бабочку, будто боялся, что она и вправду улетит.

Лена пару раз порывалась уйти, но Мишка упрашивал ее остаться. Ему все еще требовались свидетели его триумфа, но триумфа все не было. Восьмой, его обидчик, одним ударом выиграл четвертьфинал, в полуфинале умудрился сбить самого внешне крепкого бойца подсечкой, поймал его захватом за шею и, наверное, задушил бы, если бы рефери вовремя не остановил схватку. В финале качки, судя по их разговору, поставили на него и вновь не ошиблись. Восьмой сокрушил конкурента напором, невиданным темпом ударов, а когда уже на матах, серых, жестких и грязных, в полосах пота, оседлал его, то умудрился даже укусить соперника за плечо.

Когда рефери победно поднял вверх руку и он улыбнулся, на его коротких хищных зубках темнела кровь.

Мишка грязно ругнулся и тут же виновато скосил свой единственный глаз на Лену. А та, кажется, ничего не видела и не слышала. Ей почему-то очень хотелось спать.

- У-у, хляк! - крикнул Мишка проигравшему, который уходил с матов, держась за укушенное плечо, и сказал, ни к кому не обращаясь: - Сто "баксов" на него ставил, а он...

- Когда это ты ставил? - удивился Майгатов.

- Еще когда билеты брал. Я шкурой чувствовал, что мой гад до финала дойдет. Поставил на соперника. Любого. А этот...

По матам черным мячиком раскатывал конферансье.

- Господа! Любой желающий может сразиться с нашим чемпионом! Тому, кто его победит, ставка один к двум!

А этот восьмой, скаля черные зубы, махал и махал кулаками, как бы уже избивая будущего соперника. Качки шептались, но броситься в открытый бой с вампиром не решались.

- Один к трем!

По вискам конферансье текли струи пота. Его лицо блестело, точно его смазали жиром, а толстые губки торопливо сновали друг по другу, словно хотели собрать побольше этого вкусного жира, но не могли.

- Один к четырем!

Рефери, набывшись, смотрел на жующие, болтающие и потягивающие баночное пиво физиономии, явно ненавидя их все вместе и очень желая, чтобы хоть кто-то из них вышел на маты и был оддубасен. Тогда, наверное, рефери бы немного полегчало.

- Один к пяти!

- Юрочка, давай уйдем, - тихо попросила Лена.

- Уйдем, скоро уйдем, - услышав, влез Мишка. - Ну, еще хоть минут пять. Может, кто-то...

- Один к шести! К семи! К восьми! К девяти!

Конферансье уже превратился в рефери, считающего секунды боксеру, попавшему в нокаут,

и Майгатов вспомнил, что и ему один раз почти так же считали. Он хотел встать, но ринг кренился штормовой палубой. Тот, кто вел отсчет, был далеко-далеко - как за кирпичной стеной, и голос у него звучал глухо и совсем не страшно. Гораздо страшнее были числа. Они точно передавали исчезающее время и тогда, лежа на грязном, пыльном ринге, он почему-то подумал, что это сама судьба отнимает секунды от его жизни. Она делала это и раньше, но сейчас он впервые услышал, как это происходит.

- Ну, вот ты? А ты? Что - слабо? - бегал восьмой вдоль рядов и вызывал на бой, хотя такой манерой он скорее пугал, чем действительно приглашал к схватке.

- А ты, одноглазый? - крикнул он Мишке. - Хочешь, второй глаз на пятку натяну и моргать заставлю?

- Один к десяти!

Майгатов встал. Так же, как в том бою, где он все же встал под счет "десять" и был спасен ударом гонга.

- Я! - крикнул он конферансье.

Она вцепилась в его руку.

- Не пущу! Юрочка, миленький, останься! - цеплялась она за него и словами.

- Пройдите в раздевалку, - предложил конферансье. - Господа! Ставка один к десяти на соискателя! Ставка на чемпиона - один к одному и одной десятой!

- Ставь на чемпиона! - пьяным голосом прокричал один из качков, явно главарь, снующему туда-сюда самому молодому из качков. - Ставь все!

Честно говоря, после просьбы Лены он бы сел, но уверенность качков в том, что он проиграет, взбесила его.

- Леночка, так надо, - наклонившись, он еле осмелился отстранить ее руку, а Мишке шепнул: - Ставь все. На меня.

Его единственный глаз стал шире двух прежних, если бы их можно было приблизить.

- Ты с ума сошел! Я же так... Вроде просто посмотреть... Юр, не надо...

- Я сказал: ставь, - и ушел, не оборачиваясь на Лену.

Больше слов он боялся ее просящего взгляда...

На маты он вышел в черных велосипедных трусах. Они были тесноваты, но большего размера не нашли.

Впереди плыла, поигрывая рыхлыми ягодицами, одна из дам. От нее пахло потом и сигаретами. Он смотрел на ее мощные, с жилистыми икрами ноги, но ног не видел. Он вспоминал три увиденных боя, где побеждал чемпион, и все отчетливее начинал понимать, что каждый из них он строил сообразно внешним данным соперника: более низкорослого свалил дальним ударом, крепыша, которому он в обмене ударами проиграл бы, ввязал в ближний бой, а уж потом, свалив, начал душить, финалиста, вяловатого и медлительного, хоть и очень сильного парня, он взял молотобойной частотой кулаков. Майгатова с его ростом и комплекцией он мог "достать" или ногами, или в ближнем бою.

Когда полуголая девица ушла, оставив их наедине, Майгатов вновь увидел мозоли на локтях,

а, присмотревшись, - еще и на ребрах ладоней. Такие могли быть только у каратиста, а их реакция всегда острее, чем у боксера. Ему вновь захотелось отказаться от боя, и, наверное, он бы очень обрадовал этим Лену. Но ведь обрадовал бы и чемпиона, который зло скалил зубы, с которых он уже слизал кровь.

Ударил гонг.

- Бой! - вместо привычного "бокс" крикнул рефери, и Майгатов отступил на шаг назад.

Чемпион, будто заклиная о будущей победе, опять сымитировал бокс и начал пританцовывать, выставив вперед левую руку.

"Хорошо, хоть правша", - подумал о нем Майгатов, сделал прыжковый шаг навстречу и с удовольствием увидел, что чемпион отпрыгнул, оставив то же расстояние между ними.

Зал шумел не сильно. То ли схватка не нравилась зрителям, то ли отсюда, с матов, голоса слышались не так отчетливо, как в рядах. Кто-то беспрерывно свистел, явно качки. Он вспомнил, как снисходительно отнеслись они к нему, поставив все деньги на чемпиона и назло этому свисту бросился навстречу.

Он метил боковым в голову и, с удовольствием видя, что и чемпион - на противоходе, нанес удар. И тут же осел от боли в левом бедре. Чемпион, имитируя шаг навстречу, в последний момент развернул корпус и продлил шаг в удар ногой. Метил, скорее всего, в грудь, но росту не хватило, и пятка, явно тоже с каменюкой мозоля, попала в бедро.

Майгатов отбежал назад, понимая, что если он сейчас согнется над онемевшим бедром, то получит удар по затылку. Здесь правил не было.

На маленьком круглом лице чемпиона зияла зловещая улыбка. Он понял, что Майгатов ничего не знал, кроме бокса, и теперь не просто вытанцовывал перед ним, а как бы праздновал половину победы. Он оценил соперника, а это было важнее любой хитроумной тактики.

Майгатов тоже понял, кто перед ним. Но главное было другое: он почувствовал, что чемпиону нужно р а з р е ш и т ь бить ногами. Как будто он ничего не понял на самом деле.

Он прыгал вокруг чемпиона в стиле "бабочки", в стиле Мохаммеда Али, а тот либо имитировал удар ногой, либо все-таки бил, и в каждый такой удар мозг Майгатова отщелкивал: "Рано, рано, рано". Чемпион бил, но не раскрывался. Он был похож на язык змеи, который, выметнувшись, может потрепетать на воздухе, а может и скользнуть внутрь головы. Это он уже видел на "Альбатросе", когда шел в атаку на рогатую гадюку.

- Убей его! - заорал кто-то из качков.

По виску и щеке Майгатова медленно стекала струйка. Наверное, пот. А, может, и кровь. На левой брови лежали три шва, и любой из них мог лопнуть от таких ударов. Но времени проверить, что же это так щекочуще текло по щеке, не было.

- Убе-е-ей! Убе-е-ей! - заскандировали все качки вместе.

Какие-то дураки рядом подхватили этот звериный клич.

Чемпион, сморщив улыбкой маленькое личико с мелкими, кукольными чертами, красиво, словно для съемок учебного видеофильма, протанцевал, сгруппировался и со всего маха правой ногой ударил по уже разбитой левой брови соперника и тут же ощутил, что у него самого оторвалась голова. Он с размаху упал навзничь, но чернота, которая ослепила глаза, осталась и после удара о жесткий мат.

Ноги Майгатова подкосились. Он сел на маты, еле удержав рукой равновесие, чтобы не упасть совсем. Левый глаз ничего не видел. Что-то липкое и теплое заливало его, и когда оно достигло усов и губ, Майгатов с усилием лизнул. Жидкость оказалась соленой. Пот таким соленым не бывал.

Маты кренились штормовой палубой, как тогда на ринге, но никто ничего не считал. В уши бил, давил крик, но шум в голове почему-то оказывался громче этого крика, и он не мог разобрать ни единого слова, пока вдруг не понял, что кто-то кричит истеричнее других. Он сразу вспомнил Лену, и единственным глазом попытался найти ее на раскачивающихся качелями рядах, но не нашел. Зато наконец разобрал, что кричал тот истерический голос. "Встань! Встань!" - требовал этот голос от него, и только теперь Майгатов догадался, что в боях без правил все-таки какие-то правила были. Чтобы считаться победителем, нужно устоять на ногах.

И он медленно встал.

Кто-то очень сильный рванул его вялую руку вверх.

Качка успокаивалась, словно корабль прорвался сквозь штормовую зону, и он мог видеть не мутное пятно зрителей, а лица, руки, жесты. В паре метров от него кто-то лежал, и ему совали в нос вату с нашатырным спиртом, били по щекам, слушали сердце.

- Приличный грогги! - похвалили его.

Он повернулся на голос и узнал - рефери. Или не рефери? Нет, рефери. Просто без бабочки.

И то, что он снял чуть ли не основной атрибут формы, подсказало ему, что все окончено, что он жив, что где-то наверху, в рядах, его ждет Лена.

- Юр-рка! Молоток! - подлетел сбоку Мишка. - Мы пять тыщ "баксов" сняли! Как ты ему дал по челюсти! Снизу вверх! - и таким же ударом рассек воздух.

- Юрочка! Зачем ты сюда пошел? Тебя же убить могли! - запричитала Лена, вытирая кровь с брови и щек. - Милый, обещай, что больше ты... больше никогда...

- Можно с вашим супругом поговорить? - вырос прямо из-под земли мужчина, которого он еще тогда наметанным глазом определил как спортивного селекционера. - Мы хотели бы предложить ему небольшой контракт. Условия...

- Он - офицер, - твердо ответила Лена.

- Жаль. Очень жаль, - прожевал селекционер и исчез так же быстро, как и появился.

Она положила руку Майгатова себе на плечо, будто и впрямь могла потащить его, и тихо попросила:

- Юрочка, милый, пойдем переоденемся. Пойдем скорее отсюда...

- По... по... пойдем. Дом...мой.

Каждое слово давалось с таким трудом, точно он первым в мире произносил их.

6

Он открыл личное дело и явственно услышал, что над ним смеются. Рывком поднял глаза на седую, чопорную даму, заведующую сектором в управлении кадров министерства иностранных дел, но та сидела с каменным лицом индейского вождя и с раздражением

смотрела на странного капитана ФСК, вторгшегося в ее владения.

- А еще одного, - он отвернул заглавный лист папки и точно считал с него: - Серова Сергея Александровича нет у вас в министерстве?

- С таким отчеством - нет. Другие Серовы есть.

Иванов сощурился, вспомнив бумажку, летящую в пасть варану. "Инженер" не мог ошибиться. Он никогда ничего не забывал.

Еще раз посмотрел на фотографию. Похож, как конь на свинью. Даже слепой не нашел бы ничего общего между этим смуглым, черноволосым Серовым и белобрысым Кострецовым.

- А нельзя с ним поговорить? - опять поднял лицо к каменной физиономии дамы.

- Вы что: не смотрите, что я вам дала? - возмутилась она.

- А что? - он опять закрыл папку и только тогда заметил гриф "Секретно".

- Он в командировке за границей.

- Давно.

- Больше года.

- А далеко, если это...ну, не секрет?

- Я с вами разговариваю только потому, что вы из ФСК. В любом другом случае вы бы сюда не попали.

- Я решал с вашим начальником. Он дал команду на просмотр, - не мог понять недовольство дамы Иванов.

- В Чили он.

- Понятно... Скажите, а от него жалоб каких-то не поступало? Ну, что документы потерял?

- Какие жалобы? - удивилась дама, тряхнув седым клубком волос. - У меня их столько! - обвела рукой забитые папками личных дел сейфы. - Буду я еще с каждым с его жалобами заниматься!

- Спасибо, - вернул он папку.

Хотел уходить, но, вдруг достав из кармана фоторобот Кострецова, протянул его даме.

- А этого гражданина вы не знаете?

Каменное лицо не дрогнуло, но почему-то погрузнели при взгляде на фотографию глаза. А, может, просто хотелось Иванову, чтоб хоть что-то изменилось, вот он и принял маленькую детальку за важный факт.

- Солидный мужчина. Но вижу первый раз. У меня память хорошая.

Он сунул фоторобот в карман, буркнул что-то на прощание и вышел из кабинета.

Мрачная дама памятником посидела несколько минут, а потом, словно ее оживили, повернулась к телефону и начала быстро-быстро набирать номер...

А Иванов в это же самое время стоял напротив циклопического здания МИДа и слушал гудки

в телефонной трубке. Наконец, только что введенный по Москве металлический жетон аж за тридцать рублей нырнул в брюхо аппарата, что-то клацнуло и вечно недовольный Славкин голос ответил:

- Да.

- Это я, Слав.

- Привет.

- Привет.

- Как жизнь на "гражданке"?

- Хуже некуда.

- А я думал, это у нас каторга. Ну чего у тебя? Принес на блюдечке?

- Нет, еще не готов.

"Слышал бы наш разговор тот киллер, - подумал он, - Обоих бы на блюдечки положил".

- Слав, всего две просьбы...

- А я думал, штук восемь будет.

- Нет, серьезно. Помоги. Для нас, - вспомнив о себе нынешнем, изменил слово: - Для вас никакого труда не представляет.

- Давай. Только быстро, а то шеф пятиминутку по одному делу сейчас устраивает.

- Проверь, пожалуйста, личность Серова Сергея Александровича. Он мидовец, находится в спецкомандировке в Чили.

- Записал. А что проверять, если он в норме?

- Ну, к примеру, не терял ли документов, не было ли ничего необычного?

- Ладно, прощупаем... Что? - явно обернулся к тому, кто его отвлек. Уже бегу. Давай второе.

- Запиши телефон. Надо узнать, чей, не меняли ли в последние дни?

Он еле успел продиктовать цифры, как Славик тут же бросил трубку. Путь к этому клятому Пирсону-Зубареву-Кострецову-Серову оказывался длиннее его фамилии.

Иванов вышел из-под навеса телефонного автомата, посмотрел на целлофан, густо усыпанный снегом на лотке у продавщицы, подивился тому, зачем она здесь сидит, если не видно ни товара под этим маскировочным целлофаном, ни, тем более, покупателей, с интересом изучил гигантскую пробку на Садовом, которая здесь сбивалась, наверное весь день, с самого утра, перевел взгляд на здание МИДа и вдруг ощутил, как напряглось все внутри.

По скользким ступеням спускалась та самая дама из управления кадров. На ней красовалась очень модная и не так уж и у многих имеющаяся обливная дубленка, а непокрытую седую голову еще сильнее начинал выбеливать снег. Спустившись, она повернула к гастроному и пошла вдоль него, явно к павильону метро. А рабочий день только начинался.

Наверно, это была излишняя подозрительность, но он все-таки пошел параллельно ей по

Садовому, а когда она действительно свернула к метро "Смоленская", нагло перебежал законопаченную машинами улицу и нырнул за ней по эскалатору.

7

Океан дыбился в шторме. Океан хотел дотянуться до неба, до огромной белой птицы, похожей на оторвавшийся кусочек неба. У него ничего не получалось, и он злился еще сильнее.

Клочками предвечерней тьмы наплывали тучи. И чем быстрее они неслись из-за горизонта, тем чернее и чернее становился океан, словно почувствовал в этих тучах друзей, способных помочь ему в долгой охоте за огромной белой птицей - альбатросом.

А тот и не помышлял о том, что он мешает кому-то. Он сам охотился и ему не нравилось, что так велики волны, что такими длинными языками ложится пена, а в провалах между гребнями темнее, чем в ущельях его родного скалистого острова. Но даже сквозь рябь на воде, даже в разрывах пены его маленький глаз острым, внимательным взглядом прокалывал пленку воды и пронизывал толщу океана. Мелкая рыбешка, кальмары, креветки его сегодня не интересовали.

Он искал огромную страшную рыбу. Ту, что упустил на предыдущей охоте.

Он ждал встречи с ней, но, когда увидел ее, не поверил глазам. Наверное, потому, что теперь, найдя ее, он должен был что-то делать. Но рыба шла слишком глубоко, чем он привык.

Альбатрос еще никогда не заныривал на такую глубину. А рыба, кажется, уходила еще ниже, лениво шевеля огромными зубчатыми плавниками, и в этом движении сквозила и уверенность в себе, и презрение ко всем, кто стоит на ее пути, и презрение к альбатросу.

Он упал камнем, плотно прижав к узкому телу огромные, сбрызнутые поверху серым, мощные крылья. Длинный, загнутый на конце клюв пробил воду, сверху легла волна, а он, как бы продолжая падение, но уже в толще океана, уходил и уходил все глубже и глубже, пока, наконец, не схватил рыбу за голову. Он сдавил ей жабры, и рыба, сначала не поняв, почему она не может дышать, замерла, а потом начала в ярости извиваться огромным жирным телом.

Альбатрос потянул ее наверх и неприятно ощутил, что тоже задыхается. Воздуха, набранного над водой, не хватало, а борьба отнимала и последнее. В глазах поплыло, голову задурманило...

Он отбросил крыло и вдруг понял, что это - рука.

Он лежал на ослепительно белой простыне, окно горело от яркого солнечного света, а в комнате было очень душно.

Взгляд поднялся к форточке - да, ее никто не открыл на ночь, а батарея грела так, словно истосковалась по летней жаре.

Майгатов повернул голову и удивился. Удивился и вспомнил.

Рядом с ним, на его плече, лежала голова Лены. А сама она, свернувшись калачиком, казалось, хотела все сильнее вжаться в него, слиться с ним. Он удивился, что приснился такой странный, такой тяжелый, непонятно чем заканчивающийся сон. Этому можно было изумляться еще сильнее от того, что та невероятная, сказочная, волшебная ночь, которую судьба подарила ему с Леной, не могла завершиться таким тягостным сном.

Он мягко освободил отекающую руку из-под ее милой, растрепанной головы и сел. Сразу больно о себе напомнила бровь, заныло бедро. Такое впечатление, будто побитые места ждали, когда же он проснется, чтобы сразу начать жаловаться на свои недуги. Чуть пригнувшись, посмотрел на отражение в телевизоре. Да он и без этого "зеркала" знал, что левая бровь распухла, и синей сливой висит над глазом, а к вечеру, наверно, поползет синяк на подглазья.

Мишка исчез сразу после того, как довел их до квартиры. То ли понимал, что третий - лишний, то ли очумел от свалившихся тысяч. Он был благодарен Мишке за этот уход.

Он чувствовал себя счастливым, хотя и не знал, как избавиться от горечи, которая мешала ощутить себя полностью счастливым. От чего появилась эта горечь? От того, что так быстро все у них получилось? Или оттого, что вышло как-то не по-людски, до свадьбы? А, может, еще не верил он в ее любовь и боялся, что сделала она это из жалости к нему, избитому и полуживому?

Ночью он больше наслаждался видом ее тела, чем всем остальным. А сейчас боялся повернуть голову, чтобы взглянуть на ее голое плечо и спину, словно, увидев ее при дневном свете, он бы потерял ощущение первой ночи.

Мутное лицо смотрело на него с прямоугольника кинескопа. И таким же мутным казалось все внутри.

Он чувствовал, что она открыла глаза, но не поворачивал головы. Он не знал, что говорят потом. И она вряд ли это знала. Ведь он был у нее первым, а она - первой у него.

- Уже утро? - тихо произнесла она, и простыня поползла вбок.

Она натягивала ее на себя.

Сложенные раскладушки стояли у стены. У них были виновато склоненные дуги ножек.

- Я хочу, чтобы ты стала моей женой, - еле выговорил он, но головы не повернул.

- Мы уже муж и жена.

- Ты согласна пойти в загс?

- За тобой я готова пойти хоть на Луну.

Он пересилил себя и повернулся. У нее было сонное и усталое лицо. Но счастья на нем не ощущалось. Может быть, потому, что ни он, ни она еще не верили в счастье.

Майгатов ребенком прилег к ней на плечо и тут же ощутил то, что и хотел - ее тонкие, нежные пальчики на лбу, возле разбитой брови.

- Сон какой-то дурацкий приснился. Просто чушь.

- Сбываются только сны с четверга на пятницу, - нравоучительно протянула она. - Нужно после завтрака сходить к врачу. Такой ушиб, и ткань разорвана.

- А что тебе снилось?

- Ничего... Чернота - и все.

- А мне вечно что-то снится.

- Наверно, ты слишком впечатлителен.

- Впечатлителен? Может быть.

Он даже не хотел шевелиться. Лежать бы так на ее плече год, два, десять, сто лет. И чтобы вечно гладили лоб нежные пальчики, и чтобы никого, кроме них двоих.

- Иногда возомню себе что-нибудь и начинаю додумывать. Помнишь, ту стерву на даче? - Ее пальцы замерли. - У нее были такие же длинные светлые волосы, как у девицы с яхты. Мне уже потом на корабле о ней рассказывали. Я ее так возненавидел... Ну, ту, на даче, что сразу решил: это она, Анна.

- Кто? - резко села она.

Майгатов не успел среагировать на ее выскальзывающее плечо и ощутил резкую боль в брови.

- Ты чего? - снизу смотрел на нее.

- А ту, на даче, правда звали Анной...

- Надо же! Какое совпадение!

- С учетом, что в Москве и Подмосковье несколько десятков тысяч Ань, удивляться нечему.

Она по-прежнему сидела, и он почувствовал, что не упоминание имени подняло ее, а страх. Если те двое приходили вчера, то кто даст гарантии, что они не появятся сегодня? А он и сам был не рад, что напомнил о самом неприятном из всего возможного для Лены.

- Извини. Я не хотел, - положил ладонь на ее вздрагивающую обнаженную спину.

- Они придут? - не оборачиваясь спросила она.

- Не знаю. Все зависит от их главаря. Может, и отстанут. Ты же сама говорила, что он уезжает в Италию.

- Хоть бы не вернулся!

Даже раздраженным ее голос звучал приятно.

- Мы сегодня поедem искать твою фирму? - спросила она, явно желая уйти от неприятного разговора.

- Какую фирму?.. А-а, "Риф", - по-русски назвал он ее и почему-то вспомнил штурманца, оравшего с сигнального мостика: "Рифы! Рифы!"

Не попал ли он вновь на такой же "риф"? И что толку, если он даже найдет контору, в которой работает Пирсон-Зубарев-Кострецов? Иванову она не нужна. На милицию и ФСК еще нужно найти выходы. И неизвестно, заинтересует его информация кого-нибудь в этих ведомствах или от него отмахнутся как от полоумного. А вдруг глава этого "R.I.F." - известный человек со связями в правительстве? Ведь, как говорил Мишка, наверху все коррумпировано, так завязано-перевязано нитями с бизнесом, банками, мафией, что их уж и отсечь друг от друга нельзя. И никто из них друг друга не сдаст, потому, что если отрезать бок у клубка ниток, то он весь распадется.

- Леночка, извини, что снова о том же... Ты не заметила... ну, или случайно не услышала, как их фирма называется?

Нет, все-таки казацкое упрямство не отпускало его. Если идти, то до конца.

- Нет, не знаю... Их главный один раз звонил на дачу. Эта подошла, она с презрением не назвала ее по имени. - Телефон такой, как по селектору говорят. Все слышно... Про какие-то грузы в Европу разговаривали. Судя по голосу, а он у него такой хриплый, ему лет шестьдесят, - и поехала, представив, что уготовил ей Эдик. - Дурак какой-то! Через каждые три слова добавлял фразочку - "грешным делом". "Я уж, грешным делом, не поверил". "Я тебе, грешным делом скажу", - перекинула она. - Вот уж действительно, наверно, грешник!

Майгатов упрямо сжимал зубы. Ему очень хотелось все, что он понял, рассказать Лене. Но тогда бы он перестал себя уважать.

8

Иванов вошел за ней в подъезд с минимальной паузой. Риск был невероятным. Задержись дама у почтовых ящиков на несколько секунд, и он бы столкнулся с ней лицом к лицу. Что бы он тогда сказал в свое оправдание? А что может сказать вор, которого на месте кражи схватили за руку?

Тело ощущало себя окаменевшим, как в бронезилете. И только когда он увидел, что вестибюль пуст, как-то сразу, мгновенно ссутулился и легче задышал. И тут же глаза бросили его на лифтовую площадку.

По длинной ленте цифр над дверью переползал свет. Зажигался и гас, перебежав в соседний квадратик, опять зажигался и гас. Пока не замер на пятнадцатом этаже. Он подождал еще немного - ведь могли быть и попутчики, но огонек упорно горел и горел все под той же цифрой "15".

Третий сверху этаж типового семнадцатизэтажного дома. Еще по пути за дамой он заметил, что внизу офисов нет. Первый этаж тоже был заселен. Да и нумерация почтовых ящиков это подтверждала. Он сосчитал, все время прибавляя по четыре - по числу квартир на площадке, - мысленно добрался до пятнадцатого этажа, еще раз посмотрел на почтовые ящики и вдруг понял, что он сделает дальше...

Он прошел вдоль дома, так, чтобы сверху его было видно слабее всего, хотя бесконечный снегопад и без того маскировал его светло-бежевый, густо выбеленный пуховик. Свернул между башнями к тоже типовому, квадратному, под жестяным козырьком, зданию почты, но вошел в него не с главного входа, а через узкую дверь сбоку, над которой висела красная табличка "Отдел доставки".

Огромное помещение, где столы и шкафы с ячейками были явно рассчитаны на миллионные тиражи газет и журналов, от пустоты на этих же столах и шкафах казалось еще больше. Худенький, бедно и неряшливо одетый почтальон слушал музыку из дешевого гонконговского плейера и на Иванова не отреагировал. Других людей в слабо освещенном, как бы заснувшем в летаргическом сне, зале не было, и Иванову пришлось громко поздороваться именно с этим почтальоном-меломаном. Тот опять не отреагировал, и, когда Иванов собрался повторить свою попытку, вдруг сдвинул наушники на худенькую, состоящую из одного кадыка, шею и крикнул через весь зал:

- "Вечерку" еще не привозили!

- Я - из Всероссийского центра по изучению общественного мнения, первое, что пришло в голову, сказал Иванов.

Сказал и испугался двух вещей: правильно ли он назвал так часто упоминаемую по телевизору и радио организацию и не потребует ли почтальон "ксиву".

А тот, то ли устав от одиночества, то ли разочаровавшись в качестве записи на кассете,

вскочил, ходко направился к Иванову.

- По выборам в Думу? Это интересно. Давайте ваши вопросы.

- У меня другая тематика, - на ходу придумывал он. - В основном, по подписке. Кто, чего и сколько выписывает...

- О-о! Я вас понял, - хитро сощурился почтальон. - Хотите только по подписке определить будущий электорат партий? Очень умный ход! Правда, нужно учитывать отклонения. Ведь может же, к примеру, коммунист выписывать "Московские новости", чтобы знать обстановку в стане врагов.

Зубов у почтальона явно не доставало. Говорил он с присвистом, и от того казался еще жальче. Он был сух и тонок, как газета, и даже запах, исходивший от него, напоминал запах старой пожелтевшей газеты.

- Но чаще всего, конечно, соответствие пристрастиям человека и выбранной прессы - удивительное. Новые богатеи, одинокие дамы бальзаковского возраста и бывшие посетители демократических митингов любят "Известия" или там "Московский комсомолец". Люди более умеренных демократических взглядов - "Комсомолку" и "Сегодня". Коммунисты и сочувствующие, - естественно, "Правду" и "Советскую Россию", но они до сих пор не выходят.

- А те, кто совсем ничего не выписывает?

Познания почтальона могли оказаться столь безграничны, что за их выслушиванием Иванов, наверное, забыл бы, зачем же он сюда пришел.

- Ну-у, это большинство, - с нескрываемым презрением к тем, кто брезгует его работой, протянул почтальон. - Я думаю, что это - лучшая почва для оппозиции. Причем, любой.

- Хотелось бы конкретики. Давайте проанализируем подписку по домам.

- Зачем же по домам? - удивился почтальон. - Есть общие списки, в них - сводная таблица. Чего, каких изданий и сколько...

- Ну, знаете ли, важна адресность прессы, то есть по категориям, опять придумывал, а сам думал о том, что какой из него социолог, если даже шариковой ручки с собой нет. - К примеру, начнем с дома номер восемь, назвал интересующую его семнадцатизэтажку.

- Очень интересный подход! - восхитился почтальон, и это опять не понравилось Иванову.

Наверное, этот худенький, измученный нищенской зарплатой и убогой жизнью человек либо был непробиваемо глуп, либо сам хотел войти в социологические сводки, чтобы хоть этим скрасить ужас своего существования. Он услужливо предложил Иванову сесть, сам примостился на стоящую рядом кособокую табуретку.

- Вот, пожалуйста, - достал он из ящика стола худенькую и замаранную тетрадку. - Дом восемь. Итак, квартира номер один...

Сразу спрашивать о четырех других, на пятнадцатом этаже, было как-то не к месту, и он терпеливо выдержал тягучий, усыпляющим газом втекающий в него, монолог о жильцах, выписываемых ими газетах и журналах, их профессиях, возрасте, привычках, с удовольствием думая, что почтальон все-таки глуп, раз не спрашивает, почему это социолог ничего не записывает. Когда дошли до нужного этажа, с Иванова дрему как рукой сняло.

- Та-ак, пятнадцатый... В трехкомнатной никто не живет. Хозяева где-то за границей. В

однокомнатной - бабуля, сто лет в обед, ничего не выписывает. А вот в двухкомнатных есть мои клиенты. Вот в этой, меньшей, ткнул он тоненькой спичкой пальца в номер, - армяне живут. Они журнал "Смена" выписывают. Из их семьи кого-то лет десять назад "Смена" опубликовала. Они теперь ее одну без конца и выписывают. А в большей Левина. Солидная женщина, где-то в правительстве работает. Она и "Коммерсант-Дейли", и "Экономику и жизнь", и штук пять центральных... вот, сами читайте...

Иванов имитировал чтение.

- Самый боевой подписчик! - оценил Левину и все никак не мог придумать, что же спросить у почтальона, словно он действительно так усыпил его предыдущим монологом, что все заранее заготовленное утонуло в этом сне.

- Она вообще женщина боевая. Три мужа сменить не каждому дано.

- Целых три?! - своим восхищением усилил восхищение почтальона.

- Ага. И каждый ведь солидный такой мужчина был, с положением. Надоедали, что ли, они ей?

- А дети от всех есть? - нет, он никак не хотел отпускать эту Левину, хотя, скорее всего, вся его погоня могла оказаться пустым занятием. Полстраны сбегало с работы под разными предложениями в любое время, а ему возманился криминал в том, что он застукал за этим кадровичку из МИДа.

- От первого мужа детей не было. Это я точно помню. От второго сын был, а от третьего, кажется, дочь. Да - дочь, он вместе с ней от нее и ушел. Это вот Левин, от которого у нее фамилия, и был.

- А чего ж она от второго мужа не сохранила?

- Этого я не знаю. Может, чего боялась. У ней же муж, - он обернулся назад, в пустоту сортировочного зала, словно боялся, что и пустота может его подслушать, - по делу рыбхоза проходил. Может, помните, громкий такой судебный процесс был - по икре, рыбе и прочем? А муж этот, второй, большим тузом в министерстве служил. Серов Александр Сергеевич. Не слышали?

Почтальон произнес это в тот момент, когда Иванов уже твердо решил уйти, и новость, обрушившаяся на него, так вдавила его в стул, что он не встал бы, если бы даже захотел.

- Нет, никогда не слышал, - соврал он.

Судя по голосу, внешне он остался холоден.

- А сын от этого Серова с ней живет? - вроде бы из чисто человеческого любопытства спросил он.

- А я вас понимаю! - опять восхитился почтальон, напугав его. - Вы очень хитрый человек. Вы хотите знать точного адресата газет? Правильно? Для точного социологического анализа?

- Да, - обрадовал он почтальона.

- Нет, не живет. Иногда лишь заходит. Просто гражданка Левина - очень интересующаяся жизнью страны и ее экономикой человек.

Иванов, оторвав взгляд от тетради, посмотрел на почтальона, и тот показался ему еще хуже, чем в начале их встречи. Такое впечатление, что это он выжал из него новости и сделал его

еще костистее и тоньше.

- Знаете, мы с вами слишком углубились, а "массив" большой, - обозвал он социологическим термином стопку тетрадок. - Если вас не затруднит, составьте для нас анкету по газетам. К примеру, "Труд" - кто, в каком возрасте, какие профессии. А я на днях забегу и заберу. Хорошо? Ваша фамилия будет упомянута при публикации исследования.

Он "выстрелил" точно. Почтальон заерзал, бросил восхищенный взгляд на тетрадки, которые раньше казались такими ерундовыми казенными бумажками, а теперь вдруг представились фолиантами в драгоценных обложках, которые вознесут его к славе и известности.

- Конечно... За пару дней... Я по ночам...

- По ночам не нужно, - посоветовал Иванов и, пожав щуплую детскую кисть, вышел из почты.

Вдохнул резкого морозного воздуха, и запах старых газет выветрился из головы. За домами обошел двор, обогнул стоящую напротив восьмого номера такую же семнадцатизэтажную башню и, став за металлической коробкой гаража, сразу определил два окна из квартиры Левиной, выходящие во двор, со стороны подъездов. Два самых обычных окна, выбеленных тюлью. На одном из них, том, что из кухни (а Иванов сам жил в такой же типовой квартире такого же типового дома) зеленела полоса сетки из пластиковых нитей. Защита от комаров зимой смотрелась нелепо и глупо.

Он задержал на ней взгляд и вдруг заметил, что рядом с этой полосой, на среднем стекле, качнулся тюль. Кто-то выглянул и тут же вернул тюль на место. Мгновенное, почти неуловимое движение. Как всплеск рыбы на озере, который сразу гасится, рассасывается тонкой пленкой воды.

Иванов ударил ботинком по ботинку. Пуховик грел неплохо, а вот ноги...

Грохот подъездной двери заставил его сбросить взгляд с окон пятнадцатого этажа на землю. По ступеням спускался среднего роста человек в сером пуховике, с серой вязаной шапочкой на голове. Лицо утяжеляли огромные, в роговой оправе, очки. И чем ближе он подходил сквозь тихий снегопад, тем сильнее напоминал портрет, принесенный Майгатовым. А когда он прошел мимо перешнуровывающего ботинки Иванова, и тот бросил взгляд на его спину, то догадка превратилась в уверенность. На плечах у человека перхоти было больше, чем снега.

—

Глава пятая

1

Удар о землю получился еще жестче, чем в тот раз. Первым на падение отозвалось бедро, потом - бровь.

Майгатов сел и отругал себя за то, что одел бронежилет. "Сталь сорок четыре. Пулю из ТТ с пяти метров отражает..." Заразился болезнью перестраховки от Иванова. А, может, через бронежилет и заразился? Все-таки тот сколько в квартире Иванова отлежал.

Надевал его тайком от Лены, в ванной. Увидела бы - не знал, как объясниться. А так - просто шел к одному знакомому, встреча назначена давно, не перенести. Она порывалась идти с ним. Еле отговорил. Уходя, запретил звонить маме. Утром они уже разговаривали. Наверное, не будь его рядом, сорвалась бы, уехала. А там, он был просто уверен в этом, - засада.

Он оглянулся на высоченный бетонный забор, через который перелез уже в четвертый раз. Стоило ли вновь так рисковать? Он не знал. Ему очень хотелось взглянуть на шефа.

Слишком многое совпадало, чтобы не вызвать такое желание.

Неужели в этом тереме под жестяной крышей и живет человек с бородавкой на лбу?

Майгатов обвел взглядом двор. Небольшая оттепель после долгого, обильного снегопада сплющила сугробы, отглянцевала их ледяной коркой. Но если здесь эта корка смотрелась безобидно, даже красиво, то на дороге, пока ехал из Москвы, - зловеще. У обочин мятыми консервными банками валялись битые машины, от легкого торможения автомобиль вело в сторону. Водитель, которого он поймал на "можайке", крыл Лужкова, Ельцина и даже ООН за то, что запретили посыпать дороги песком, а мелкий гравий вперемешку с солью скорее помогал скольжению, чем мог от него обезопасить.

Из окон дома на ночной двор ложились вытянутые желтые прямоугольники. Майгатов остановил дыхание, чтобы обострить слух. Нет, кажется, собаки все-таки не было на даче. А если бы и подремывала где-нибудь в будке, его бы не учуяла - ветерок тянул в лицо, от дома.

Куртка из "вареной" джинсухи хоть и казалась светлой, но на снегу маскировала плохо. Он поправил купленную вечером светлую, почти белую кепку и, неприятно ощущая, что бронжилет мешает сгибаться, вскочил и перебежал за сосны. Постоял, сдерживая одышку, и вдруг увидел, что в углу двора сразу несколько деревьев росло так плотно, словно они сами из своих стволов хотели составить забор.

Он перебежал за них, но не успел даже прижаться к стволу. Сбоку на него упал кто-то не очень тяжелый, но резкий и решительный. Сбив с ног, он насел сверху, вскинул руку с чем-то похожим на молоток, но Майгатов успел поймать эту страшную руку в воздухе. Не будь на груди бронжилет, змеей бы извернулся и ушел из-под противника, но стальная бочка сделала его неповоротливее черепахи. Оставались свободны лишь ноги. Он пнул большим бедром, чувствуя, как от удара по собственному синяку прошибла лоб испарина, пнул еще раз, и нападавший обмяк.

Кажется, он попал в пах, потому что свалившийся вбок от него человек резко сунул руки ниже пупа и заматерился.

- Тов-варищ капитан? - еще сильнее, чем нападения, испугался от того, что узнал голос. - Вы?

- Ой, я! Я! - хрипел Иванов. - Это ж за... запрещенный прием...

- Извините, но откуда я...

- А что ты здесь делаешь? - резко сел и всмотрелся в размытое ночной тьмой лицо Майгатова.

- А вы?

- Что ты, как еврей, на вопрос вопросом отвечаешь?

- А вы?

- Да ну тебя! Фу-у! Отходит. Кто тебя только таким манерам учил?

- Чем вы меня хотели? Молотком?

- Во-он, - кинул на колени Майгатову короткую, сучковатую палку. - Что первое под руку попало, то и схватил... А ты, я смотрю, времени зря не терял. Выходит, мы за одним и тем же чайником охотились?

- Я-то - за своим. А вот вы за кем?

- Если я не ошибаюсь, то враг моего заказчика и твой личный враг одно и то же лицо. Тот, с бородавкой?

Майгатов кивнул. Делать это в темноте, даже чуть разбавленной голубизной подтаявшего снега, было глупо, но Иванов, кажется, и так все понял.

- Я здесь уже был, - тихо проговорил Майгатов, выглядывая из-за стволов на дом.

- Seriously?

- Я вообще не из шутников.

- А что ты здесь делал?

- Проверял догадки, - уклончиво ушел от ответа.

Не время сейчас рассказывать историю с Леной. Не время. Да и сама Лена, побывавшая уже здесь, как бы стояла рядом с Майгатовым и мешала ему быть до конца откровенным.

- Так ты внутри дома лазил?

- Нет, ну что ты, - вдруг вспомнил, что они же еще на квартире у Иванова перешли на "ты". - Все, что я знаю, это... во-он те окна - как бы основное помещение. Зал или гостиная, в этом роде.

- А внизу?

- Внизу?

Кроме лежащего ничком Эдуарда с кобурой на поясице да балок, подпирающих балкон, ничего он припомнить не мог.

- Ладно. Послушаем твой зал, - нечто странное сказал Иванов и выволок из-за ствола огромную дорожную сумку. Мягко, почти беззвучно расстегнул замок-молнию. - Ты чего мне не звонил, раз своего бородавочника нашел?

- Вчера - не мог, - не говорить же о том, что вчера еще и не знал ничего, - а сегодня никто трубку у тебя дома не поднимал.

- Тогда верно, - согласился Иванов. - Я с утра к Славке умотал, за этой дурой, - похлопал по странному прибору, выуженному из сумки, - жена на работе, дочь - в школе, а теща к другой своей дочке укатила.

- Что это? - не сдержал удивления Майгатов.

- Военная тайна... Короче, через стекло будем твой зал прослушивать. Как легкие - стетоскопом. Понял?

- А это возможно? - все-таки не верил он.

- И невозможное возможно, - словами поэта ответил Иванов. - Лазерный луч, старичок, и не на такое способен.

Он надел наушники, долго пристраивал на сумке прибор, направляя самую длинную его часть на дом, словно метился обстрелять его. Ветер сухо шумел в кронах сосен и елей, и оттого казалось, что деревья разговаривают друг с другом, обсуждая странных гостей с их еще

более странной штуковиной.

В окнах зала мелькнул чей-то силуэт. Погасло одно окно на нижнем этаже.

- Там он, - почему-то шепотом сказал Иванов. - С какой-то бабой болтает. О, а теперь - мужчина.

Майгатов слабо верил, что с такого расстояния можно действительно что-то расслышать. Наверное, Иванов почувствовал это и, сняв наушники, показал Майгатову: слушай, мол, правый микрофон, а я - левый.

Сквозь потрескивания и шорох, похожий на тот, что издает перетираемый песок, пробивались голоса:

- Подтверждение есть?

- Факс пришел утром. Груз - в Неаполе.

- А "коридор"?

- Микеле, ты слишком стал осторожен после того, как этот больван... карош слов - больван... Паоло...

- Станешь сверхосторожным, когда думаешь, грешным делом, что ты скрыт, как в сейфе, а на твою дачу забирается какой-то бандюга! Нашли этого хренова Робин Гуда?

- Мать не знает, где он живет.

- Ну так поджарьте ее, чтоб вспомнила!

- Михаил Борисович, не волнуйтесь! Ребята на месте. Какую-нибудь зацепочку найдут...

- Миша, ему так тяжело говорить. Не тревожь Эдика.

- Боксом пусть занимается, а не стрельбой. Что по Крумишьну?

- Пока тихо.

- Как там гость?

- Марафет наводит. Видать, чистюля. А костюм ему понравился. И обувь тоже.

- Тоже мне - новость! За такие деньги экипировка кому хошь понравится!

- Микеле, он тольщье меня и тебя. Анна будит с нас змеяться. Три толстяка! У фас эст такой скаска?

- У нас, Сальваторе, вся жизнь - сказка... Осмотр провели?

- Проводят, - сухо прозвучал женский голос, и Майгатов вдруг понял, почему погасло окно на первом этаже.

- Охранниики где-то рядом, - прошептал он Иванову, но тот, увлеченный прослушиванием, только махнул рукой.

Майгатов повернул голову по ветру, остановил дыхание и с подступающей к горлу тревогой уловил хруст ледяной корочки под чьими-то тяжелыми шагами. В глаза ударил, ослепил свет прожектора.

- Ни с места! Стоять! Руки - на деревья! - проорала тьма.

Ослепшие и очумевшие от крика, Иванов и Майгатов подчинились команде. Иванов не побежал, потому что боялся оставить прибор, а Майгатов - потому, что не побежал Иванов. Да и железяка бронезилета к пробежкам не располагала.

Сбоку выросли две сопящих гориллы, бесцеремонно оцупали.

- Этот - в бронезилете, - чесноком дыхнул в затылок Майгатову один из них.

- Сумку захвати! - приказал кто-то из тьмы, явно старший. - Ведите их в дом!

2

В такой помпезно богатый особняк он попал впервые. Тогда, через окно, он мог наблюдать лишь за половиной зала, да и то видел не обстановку, а людей, и особенно - Лену. И существовали они как бы отдельно от всего вокруг них.

Сейчас же он стоял без куртки, без кепки, без кроссовок, с руками, защелкнутыми сзади в наручники, и дивился богатому убранству. Гнутая, явно ручной работы мебель с позолотой, стоящая вдоль стен, диван и стулья, обитые гобеленом с ярким рисунком сцены средневекового рыцарского турнира, длинный стол, крытый зеленым сукном и стоящий на двух мощных резных тумбах, телевизор с метровым экраном по диагонали, вавилонская башня музыкального центра. Стены обиты шелком с постоянно повторяющимся сюжетом любовного свидания дамы в длинной, до земли, юбки и бравого офицера при шпаге на боку. Снизу, от выложенного узором паркетного пола, стены освещались полуметровой высоты полосой из дерева. Венчали зал две огромные, чересчур великоватые для комнаты хрустальные люстры.

Иванов, наверное, уже видел в своей жизни дома новых богачей, потому что стоял с безразличным видом и непрерывно удерживал взгляд на огромном букете роз, стоящих в вазе в углу зала.

За столом с видом судьи восседал крупный мужчина в хорошо пошитом синем, с прожилкой, костюме и смотрел на гостей в носках, словно на обвиняемых, которым за их прегрешения грозит смертная казнь, - с любопытством и слегка снисходительно. Любопытство было от того, что эти двое могли узнать, что такое смерть, раньше него, а снисхождение - от ощущения своего превосходства.

- Что, Гришутка, совсем обеднел? - заметил он дырку на левом носке Майгатова.

- Какой я тебе Гришутка? - огрызнулся и тут же обвел взглядом остальных.

Телохранители, три бугая с шеями толще головы, напряглись, Эдуард, сидящий на диване с опухшей скулой, удивленно посмотрел на шефа, Сальваторе качнул животом и полез к книжной полке за словарем, чтобы узнать, как переводится странное слово "гришутка", Анна подошла к главарю и мягко положила ему руку на плечо.

- А я, грешным делом, думал, что ты подох. После такой инфекции...

- А я думал, ты... Ошибся, видно. Одну бородавку-то, наверно, и срезало взрывом, - только сейчас он заметил, что нет на лбу черной точки лишь легкий, еле заметный шрамик.

- Какой же ты некультурный! Залез в чужой двор, пытался разузнать наши секреты, может, даже украсть что-нибудь - и хамит. Может, тебя еще и премировать за покушение на частную собственность, а?

Иванов незаметно толкнул его ногой. Ничего хорошего за такой перепалкой не могло последовать.

- Мы всего лишь заблудились в лесу. Возвращались с прогулки и заблудились, - сказал Иванов. - Ваши действия противоположны.

- Ха-а! Заблудились! А, может, вы на меня хотели покушение устроить? наклонился главарь вперед, состарив крупное, квадратное лицо морщинами на лбу.

- У нас нет оружия, - спокойно отпарировал Иванов.

- А это что? - пальцем показал он на сумку.

- Мы нашли это в лесу.

- Лазерный сниматель звука со стекла - и в лесу?

- А что тут такого? Угнанные машины бросают - и ничего, никто не удивляется... Я требую связать меня с моим адвокатом, - соврал Иванов, у которого никакого адвоката никогда не водилось, но уж очень весомо всегда звучала эта фраза с экрана телевизора, когда видеомаягнитофон терпеливо крутил в своем черном стальном теле какой-нибудь американский боевичок.

- Адвоката тоже в лесу искать нужно? - хриплым, сдавленным голосом съязвил главарь.

- Микеле, а чтьо такойе - "гришю-ютка"? - влез толстый итальянец.

- Это примерно то же самое, что и дебил.

Майгатов шагнул навстречу и тут же ощутил стальную хватку на своем предплечье. Сзади чесноком сопел телохранитель.

- Сам ты дебил! - если уж не ударил, то хоть крикнул он.

- Сво-о-олочь! - со звериным рыком вскинулся Эдуард, подбежал к Майгатову и со всего размаху ударил кулаком в грудь.

И сел на корточки с еще более звериным воем. Все посмотрели на блюдце лысины, прикрывающее его маленькую, коротко стриженную головку.

- Ой, мамочка! Я пальцы сломал! - и с бесконечным причитанием: "Сломал, сломал, сломал" выбежал из комнаты.

- Что?! Что такое?! - вскочив, вращал выпученными, рачьими глазами главарь.

- На нем бронежилет, - мрачно и очень спокойно пояснил самый низкий из телохранителей, явно их старший.

- А поч-чему не сняли?! - истерично заорал главарь.

- Миша, у тебя - сердце, - напомнила о себе Анна.

- Пошли, - пнул Майгатова коротышка. - Ты - со мной, - приказал самому амбалисту из телохранителей, который и без того держал Майгатова грабаркой своей руки за предплечье и пытался зажевать запах чеснока жвачкой, но жевал с таким чавканьем, словно во рту у него лежала, по меньшей мере, резиновая галоша, а не крохотный "Стиморол".

Они стащили его по лестнице, загнали в какую-то маленькую, увешанную оленьими рогами,

головами кабанов, винчестерами, охотничьими рожками и, почему-то, саблями комнатенку, сняли наручники и заставили раздеться.

Майгатов неспешно снимал свитер, рубашку, отклеивал липкие ленты застежек, тянул наверх, через голову, тяжелые, раскачивающиеся половинки бронежилета, а сам все не мог вспомнить, где он еще встречал витающий в комнате странный, приторно-сладкий, похожий на запах пригоревшего сахара аромат. Спрашивать у телохранителей не хотелось, а память никак не могла помочь ему.

- Теперь одевайся, - швырнул бронежилет вместе с амортизационной лентой в угол старший.

Майгатов прощально взглянул на почти и не выручившую его "сталь сорок четыре", покорно подставил за спиной руки для жестких наручников и пошел наверх. Запах вопросом стоял в голове.

В зале ничего не изменилось, словно его на время законсервировали. Стоял с безразличным видом Иванов, над которым дыбился медведем телохранитель, сидел сразу на двух стульях толстый итальянец, пытающийся все-таки найти в словаре термин "гришутка", монументом сидел главарь, а очаровательная, до стервозности очаровательная Анна все так же удерживала ладонь на его плече, и оттого вся парочка казалась сошедшей с фотографий начала века.

Майгатова вновь поставили рядом с Ивановым, будто на этом фантазия телохранителей заканчивалась. Распахнулась дальняя дверь, но вошел не Эдуард, которого он ожидал, а среднего роста человек в костюме. Его глаза утяжеляли очки в роговой оправе, а перхоть на плечах была видна даже с двадцати метров дистанции.

- Кострецов! - не сдержался Майгатов и вновь получил пинок по ноге от Иванова.

А человек безразлично, даже не взглянув на пленных, пронес свою перхоть на плечах к столу главаря, нагнулся к его уху, явно перегрузив на него часть своей "муки", и что-то быстро-быстро зашептал.

Лицо главаря обрадованно расплылось, стало шире. Еще слушая человека, он рукой стал показывать на телевизор, но никто не мог понять, чего же он хочет. Наконец, Анна сняла ладонь с его плеча и притопила кнопку под пепельно-серым экраном.

- Четвертую поставь, - приказал главарь.

Отговоривший свое и отсыпавший свою норму перхоти человек распрямылся, но на Майгатова упрямо не смотрел. Экран почему-то интересовал троицу больше, чем все остальное.

А на метровом стеклянном полотне разворачивались новости. Медленным ироничным голосом черноглазая дама, которую Майгатов видел впервые, потому что на кораблях да, кажется, и во всем Севастополе эта программа не принималась, рассказывала о боях то в одной, то в другой "горячей точке", которых на территории бывшего Союза почему-то оказывалось с каждым годом все больше и больше, о продолжающемся падении промышленного и прочего производства, о дальнейшем неостановимом обнищании народа, о том, что богатые непонятно почему стали еще богаче за последний месяц, чем до этого, будто не ясно было, за счет кого обеднели остальные, о непрекращающемся росте преступности, о сотнях автокатастроф по Москве только за выходные, вызванных жутким гололедом, а Майгатов все не мог понять, зачем все это нужно главарю. Может, ждал нового курса доллара? Но он почти не изменился за неделю и вряд ли мог совершить скачок сегодня. Решили поиздеваться над ним с Ивановым?

- Наш корреспондент сообщает о том, что сегодня, когда в Соединенных Штатах была полночь, в Майами-Бич, во Флориде, в номере гостиницы убит российский предприниматель Айвар Круминьш.

Майгатов услышал, как хрустнули пальцы в сжатых кулаках Иванова.

- В свое время, - монотонным голосом продолжала диктор, - он организовал одну из первых в России фирм по дальним морским перевозкам. Ему прочили славу известного греческого мультимиллионера Онассиса. Мотивы убийства пока неизвестны, но хорошо осведомленный источник из ФБР сообщил нашему корреспонденту, что возможная причина убийства - борьба мафиозных группировок за передел рынка наркотиков, особенно - транспортных артерий, где все большую роль начинают играть наши соотечественники.

По счастливому лицу главаря мелькнула тревожная дымка. Он махнул рукой, одновременно как бы отгоняя ее и приказывая выключить телевизор.

- О чем загрустил, капитан? - подначил он Иванова. - Что никогда уже не будешь майором?

- Неужели ты думаешь, что можешь все? - так смело спросил Иванов, что даже Майгатов удивился.

- Абсолютно, - уверенно ответил главарь. - А скоро у меня будет еще больше возможностей.

Он выдвинул верхний ящик стола, достал из него рулон, развернул его, и все увидели красиво, в ярких красках отпечатанный предвыборный плакат. "Степных Михаил Борисович," - с интересом прочел Майгатов, а Иванов брезгливо смотрел в окно. Он знал и фамилию главаря, и то, что он баллотировался в Думу. Он не знал совсем немного и спросил именно об этом:

- А чего ж вы тогда горячку с вахтенным журналом пороли? Через месяц-два точка, где затоплена "Ирша", все равно была бы названа в "Извещениях мореплавателям" и пошла циркуляром по всем кораблям и судам...

- Время - деньги, - с удовольствием произнес главарь.

- А, может, боялись, что Круминьш опередит? Все-таки "Ирша" - его собственность...

- Уже не опередит. Он наказан за то, что полез туда, где уже работали мы. Его людишки проиграли драчку и должны сойти с моего пути.

—

- Уже не опередит. На днях мы улетаем в Италию. Сальваторе, Италия красивая страна?

- О-о! Пьяче мольто! Очьень! - воздел толстяк глаза к потолку.

- Ты страшный человек, Степных, - опять настолько смело сказал Иванов, что Майгатов наконец-то понял, что никакой он по характеру не перестраховщик, что точное следование инструкциям - не страх, а профессионализм.

- Я - человек нового времени, - встал Степных и прошелся поперек комнаты. - Ты пытаешься судить меня по моральным законам ушедшей эпохи, но они сейчас не действуют. Сейчас никого не волнует, как ты сколотил первоначальный капитал, а поскольку честным трудом, как ты знаешь из учебников политэкономии, а также из жизни, этого достичь невозможно, то полстраны занимается этим, чихая на все и всяческие законы...

- А наркотики? Они тоже - в твоей новой морали?

- Наркотики - такой же бизнес, как продажа жвачки. Просто полицию и чиновников берет зависть от той прибыли, которую они дают... Дело даже не во мне. Просто мои друзья, - повернулся он к Сальваторе, - понесли весомые потери. И я пришел им на помощь. Но теперь я так прочно стою на ногах, что скоро полмира будет у меня вот здесь, - показал он как сжимаются в кулак его толстые, в массивных золотых кольцах, волосатые пальцы. - Американцы думали, что железный занавес падает на нашу страну. Они ошиблись. Он упал на их территорию. Пройдет время - и все американские наркоши будут нюхать только мой товар.

- А конкуренты? - нанес удар по его амбициям Иванов.

- Вон - мои конкуренты! - показал он на экран. - Меня могли остановить, когда я был слаб...

- ...когда делал начальный капитал, продавая налево рыбу...

- Да, с рыбой я проиграл. Но только потому, что я там не был главным и даже не в первой десятке. И все-таки я сохранил тот капитал, и он открыл мне путь вверх.

Он резво подбежал к Иванову и крикнул, брызгая слюной:

- И ты не остановишь меня!

- Не смогу я, получится у других.

- Это все словоблудие. Красивая поза. Финальная сцена фильма "Александр Невский". У вас нет никаких улик против нас. Никаких, - по слогам хрипло проговорил он, отошел за свой стол и оттуда, словно из-за трибуны в Думе, пояснил: - Я - честный предприниматель. Морские перевозки, торговля недвижимостью, сеть магазинов в Москве и Питере. Я жертвую на детские дома...

Чем больше говорил своим то ли простуженным, то ли прокуренным голосом Степных, чем дольше стоял в огромной, ярко освещенной комнате Майгатов, тем сильнее казалось ему, что он погружается во мрак, в бездну. Он впервые вот так прямо видел человека, который без дрожи на лице признавался в убийстве, других преступлениях, нет, даже не признавался, а бравировал этим. Наверное, и вправду, как говорил Мишка, на просторах страны шла война за передел собственности, а на войне никакие законы, в том числе и моральные, не действуют. И этот угрюмый человек, если его можно было назвать человеком, считал себя одним из победителей. Скорее всего, так оно и было. Если уж он просунул свои щупальца по всему миру, значит, страны ему уже мало.

В его циничных признаниях сквозило презрение к ним двоим. Он не боялся, что Иванов и Майгатов кому-нибудь, даже в руководстве ФСК или МВД, расскажут о нем. Неужели он действительно настолько силен? Или успел коррумпировать всех "наверху"? Или?.. От этой мысли стало холодно, словно он действительно спустился на дно бездны, на дно глубокого, черного, страшного ущелья. Неужели они уже приговорены?..

- Ну, что могу сказать, Михаил Борисович? Хорошо живете, добротнo...

Майгатов вздрогнул от знакомого голоса и сразу вспомнил, где же он встречал приторно-сладкий запах одеколона. Он резко обернулся и глаза в глаза столкнулся с Бурьгой.

Тот под напором его взгляда замедлил подъем по лестнице и резко, разом, покраснел. И только увидев наручники на Майгатове, о чем-то догадался и стал чуть спокойнее.

- Распустил ты своих подчиненных, - вальяжно попрекнул его Степных. По чужим владениям лазят. Неужели и правда Черноморский флот до такой степени деградировал?

- Он на флоте больше не служит, - пробасил Бурыга.

На нем ладно сидел красивый, с отливом, синий костюм, а такого безупречного качества ботинки в Севастополь не попадали с его основания. Они приодели его уже здесь, за услугу.

- Я сегодня с утра в штабе флота был. Заходил и в "кадры". Приказ министра есть. По дискредитации. Как решила аттестационная комиссия...

Анфимов оказался прав. Суд чести младших офицеров оправдал Майгатова, но в руках Бурыги оставалось еще одно оружие - аттестационная комиссия. И он нанес удар.

- За сколько сребреников продался?! - впервые в жизни назвал он Бурыгу на "ты".

Если бы существовала в русском языке форма обращения еще ниже повседневного, даже грубого, если говорил со старшим или начальником, обычного "ты", то Майгатов бы применил ее. Сейчас он презирал Бурыгу больше всех остальных бандюг вместе взятых.

Он вспомнил роспись на папке отчета о боевой службе, которую увидел в штабе флота. Это была роспись Бурыги. Тогда он еще колебался между тем, что Бурыгу просто провели, и тем, что он сделал это осознанно. Теперь от сомнений не осталось и следа. Последовательность событий сложилась в цепочку, как только он вспомнил звонки о соляре.

Значит, соляр, предназначенный для кораблей бригады, украл Бурыга. И украл мастерски, раз ни одна комиссия не нашла концов. Ему казалось, что он обезопасил себя. Но тут раздался звонок от Пирсона-Зубарева, ну, и так далее, вплоть до настоящего имени, и его начали шантажировать. Наверно, у Степных и вправду были длинные руки, если уж он смог найти самое больное место у Бурыги.

Если бы Майгатов знал, что неспроста звучали тогда, в его присутствии, вопросы Бурыге о соляре! Может, не оказался бы в холодной, заснеженной Москве, на этой красивой и страшной даче. Но не дан человеку такой слух, не дан...

Стало ясно, почему появился потом Бурыга на "Альбатросе", почему требовал отвезти отчет. Он не хотел выписывать координаты столь явно. Он знал, что спокойно и без лишних глаз возьмет их в штабе флота из отчета. Понятно, почему он чуть не столкнулся с "жигулями" на выезде с Минки. Он поднимался оттуда на своей машине после встрече на "Енисее" с этим... И поэтому он был пьян...

Бурыга беззвучно проглотил его "сребреники", подошел к Степных, обменялся рукопожатием и спросил так, словно уже много лет со всеми присутствующими знаком:

- А Эдик здесь?

- Он об вашего бугая руку сломал. Только что в травматологию увезли, ответил за главаря человек в очках.

- Правда? - удивился Бурыга, но не обернулся к Майгатову. У него была странно сгорбленная, как у услужливой собаки, спина. А раньше ходил прямее палки.

- Так дал по груди, что три пальца - в порошок. Он же не знал, что на флоте в бронежилетах ходят.

- Серов, - прервал его Иванов, и человек в очках вздрогнул, испуганно посмотрел на Степных, словно только тот мог запретить называть его настоящей фамилией.

- Серов, - еще раз упрямо сказал Иванов, - твоя мамаша специально еще одного Серова с твоими инициалами на работу взяла да еще и в Чили отправила, или показ его личного дела

был экспромтом?

- Ребята, вы мне надоели, - небрежно прохрипел Степных. - У вас нестиранные носки и воняет аж до меня, - нагло соврал он. - А я бедных и нерях не люблю. Я мог бы вас закопать где-нибудь в лесочке, и никто и никогда, грешным делом, не нашел бы ваших следов. Но я в последнее время стал сентиментален. Я дарю вам, грешным делом, жизнь. Убирайтесь, - и уже старшему телохранителю скомандовал: - Довезешь до шоссе и брось их там. Пусть пешком до Москвы топают...

3

Машины пронеслись мимо их поднятых рук и, отсвечивая назад габаритными огнями, как бы разглядывали потом своими воспаленными красными глазами странную парочку на ночном шоссе.

- Глупо. Все равно никто не остановится, - тяжело вздохнул Иванов. - Одному бы не тормознули. А двоим... Знаешь, сколько убийств и ограблений на трассах?

- Но мы же не грабители, - удивился Майгатов. - Неужели никто не придет на помощь?

- А ты забыл, что тот бугай говорил? Старые моральные нормы не действуют. А по новым - каждый сам за себя. Закон ЧЧВ: человек человеку волк.

- Тогда мы все друг друга перегрызем...

Майгатов стоял аистом: то на левой ноге, то на правой. Их отпустили, но обувь не вернули. Ледяная корочка на шоссе жгла подошвы. Хотелось подпрыгнуть и зависнуть в воздухе. Можно было бы одну ступню утеплить кепкой, но ее тоже не вернули.

Иванов сошел с дороги, поднялся из кювета и присел на обледенелый пенек. Подняв ноги, по-турецки примостил их под себя.

- Ты где бровь-то так разбил? - крикнул Майгатову, упрямо изображающему из себя букву "Г".

- Об дверь... Дома, - соврал он.

- Я так и думал, - явно не поверив, сказал Иванов. - Во всем, что произошло, я не понял только двух вещей: откуда в их банде появился твой начальник... как его?..

- Бурыга, - нехотя, через силу назвал его.

- Во-во... И еще одно: кому предназначался огромный букет роз? Видел в углу, в вазе?

- Да, видел, - еще и кивнул в темноте Майгатов.

Он знал ответ на оба вопроса. И о том, почему появился на даче Бурыга, и о том, кому предназначались цветы. Конечно же, Лене. Скромный элемент обольщения по цене его, Майгатова, двухгодичной зарплаты.

- Может, и вправду этот кретин такой сентиментальный, что любит себя цветами окружать, - свою гипотезу выдвинул Иванов и, наверное, удовлетворился ею, потому что замолчал.

Тяжело груженные трейлеры шли на Москву с тяжелым, надсадным ревом, словно уже устали от набитого в них товара и не чаяли от него избавиться. Новенькие иномарки пронеслись почти беззвучно, и только шуршащий под их шипованными шинами гравий обозначал, что это были все-таки машины, а не призраки. Редкие "жигули", "москвичи" и "таврии" почему-то прижимались к осевой, когда видели стоящего у обочины человека.

Автобусы же, явно идущие пустыми, но идущие непонятно куда, обдавали такой гарью, словно ездили на змеином яде, а не на бензине.

- Иди ноги погрей. Вон - рядом еще пень есть.

- Надо ловить, а не греть, - не подчинился Майгатов.

- Слушай, а чего этот козел тебя Гришуткой назвал?

- Это давняя история, еще с допроса в трюме...

- А-а, вспомнил... Ты ж в отчете писал. Это он когда по классификации "Джейна" ваш корабль "Гришей-три" назвал?

- Да.

- А на самом деле - "Буревестник"?

- "Альбатрос".

- Красивое название. Я читал, что это самая крупная из всех летающих птиц. Парит над океаном только в одиночку и никаких стай не признает. Появляется в бурю, когда ветер наиболее силен. Точно?

- Я - не биолог. Я - ракетчик по образованию. К тому же, наверно,... уже бывший...

- Ну это мы еще посмотрим! - сказал с эдакой бравадой и примолк. Чего смотреть, если самого выгнали, а он и не пикнул. - А Степных не очень-то похож на того типа, что ты описал в Йемене, - решил побыстрее перейти на другую тему.

- Я же его через иллюминатор видел. С подсветкой сзади. Может, поэтому он мне таким страшным и некрасивым показался, - прыгая с ноги на ногу, ответил Майгатов.

- Наверное, ты все-таки не сильно ошибался. Да и Степных знал, что он не красавчик. А на предвыборном плакате нужно прилично выглядеть. Вот он себя и облагородил. Бородавочку в косметическом кабинетике срезал, кое-где кожу на лице подтянул, разными масочками, кремами да массажами освежил. Может, даже коллагенчику под кожу впрыснул...

- Чего?

- Коллаген. Препарат такой. Вместе с операцией баксов пятьсот стоит. Местное обезболивание сделал, под кожу впрыснул - и никаких тебе морщин. Не дед в шестьдесят лет, а мальчик пионерского возраста...

- Ничего себе мальчик! - возмутился Майгатов. - Смотри! - показал он на притормаживающий "УАЗик".

Но водитель, разглядев, что пассажиров все же двое, рисковать не стал и, обдав подбегающего к машине Майгатова черным вонючим облаком, нажал на газ и поехал еще быстрее, чем до встречи со странными путниками.

- Я ж говорил, никто не остановится. Или рассвета нужно ждать... Ох, и долго же ждать! Или топать до ближайшей деревни.

Разочарованный Майгатов все-таки последовал совету Иванова. На цыпочках подбежал к свободному пню, сел на него, приподнял ноги и охватил немеющие ступни пальцами. Хотел посмотреть, сколько же времени, но запястье оказалось пустым. Маленький охранник, старший - как называл его тот амбал, перед тем, как отпустить их на дороге, снял с Майгатова

часы. То ли по старой воровской привычке, то ли потому, что действительно часы "Океан" считались неплохими.

- А ты точно знаешь, что того... Серовым зовут?

- Я даже больше знаю. Папаша Серова и этот козел... Степных вместе проходили по одному делу, ну, ты, может, не знаешь, была такая эпопея с икрой, рыбой и, естественно, с большими деньгами. Серов-старший сел и в зоне умер. А Степных вышел сухим из воды. Даже условный срок не получил. А сына Серова в новое дело взял, наверное, из благодарности к его папаше. Да и сам мальчик не без способностей. Смотри, как перевоплощался!

- Да-а, - грустно протянул Майгатов. - От журналиста до пьяницы с плавмастерской... Только непонятно, зачем он так рисковал, когда ночью часовому...

- Во-первых, он должен был выполнить приказ и координаты добыть. Во-вторых, кто б еще, кроме него, опоил часового? В-третьих, я уверен, он стоял за плечом твоего грабителя... как его?..

- Жбанского.

- Ну да - Жбанского... Стоял, когда тот вскрывал сейф. Представляешь его рожу, когда он увидел, что вахтенного журнала там нет?

Кивком Майгатов согласился с этим, хотя он не думал о том, что Серов мог находиться в секретке во время самого ограбления. Небось, ждал где-нибудь за забором.

- Телефон я не успел проверить, - вспомнил девочку-телефонистку со смешным белым хвостиком волос на затылке. - Хотя к чему это теперь. Все равно я их берлогу увидел...

- Толку от твоего телефона! - добавил горечи Иванов. - Славка мне его проверил. Это номер дежурной по общаге профтехучилища. Явно контактный телефончик. И не более. Ты бы месяц потратил, чтобы узнать, какой пэтэушник забирает сообщение и несет его какому-нибудь другому дятлу, а тот... В общем, радуйся, что ты по этому следу не пошел...

От другого варианта, впрочем, радости тоже было мало. Все случившееся выглядело бессмыслицей. Сейчас, когда они явно проиграли, гораздо большее значение имело другое - выберутся они отсюда или примерзнут к пням.

- Знаешь, я больше голосовать не буду, - спрыгнул на снег Иванов. Хоть сдохни, никто не остановит. Пойду до ближайшей деревни. Там переночую.

- А далеко до деревни?

- Не знаю. Может, с километр, а, может, и намного дальше.

- Я не пойду. Должен же хоть кто-то остановиться. Мы же просим помощи!

- Ты меня уже со своей провинциальной простотой заколебал! - вспыхнул Иванов. - Я тебе русским языком объясняю, что не остановят, а он уперся как бык! Точно говорят, что у донских казаков характер - не сахар...

- Ты казаков не трогай, - тихо сказал Майгатов. - Понял?

- Да иди ты! - махнул рукой и пошел по краю шоссе к Москве.

Майгатов, может, и направился бы следом за ним, но после слов о провинциальной простоте и казаках внутри все клокотало. Он вскочил с пня, перебрался через поросший мертвой,

присыпанной снегом травой кювет, поднялся на дорогу и стал еще яростнее махать редким машинам.

А Иванов, на которого он изредка оборачивался, все уменьшался и уменьшался на глазах. Тьма поглотила его. И Майгатову впервые за последнее время стало по-настоящему страшно.

4

- Ле-е-на-а...

Квартира ответила молчанием.

Предрассветные сумерки уже растекались по ней, отгоняя тьму по углам, но в душу Майгатова этот свет еще не попал. Его солнце было иным, с прекрасным, курносеньким лицом.

Он еле стащил кирзачи и мягко, боясь грохнуть их пудовыми каблучищами об пол, поставил на паркет в прихожке.

Через два часа после того, как ушел Иванов, он все-таки остановил автобус. На двери оранжевого, округлого, как колобок, "ПАЗика" красовалась пятиугольная эмблема из цветов российского флага и в средней - синей полосе - виднелись желтые буквы "ВС". В усталом, уже безразличном ко всему мозгу они расшифровались как "Верховный Совет", и только когда изнутри, из тепла, пропахшего кирзой и потом, высунулась голова армейского лейтенанта, он понял, что "ВС" - это "Вооруженные Силы". Они без всяких вопросов посадили его, растерли ноги спиртом, который оказался у запасливого старшины-прапорщика, заставили обуть сапоги самого крупного из солдат да так и оставили их в подарок.

Первые километры пути в автобусе он до рези в зрачках вглядывался в дорогу, но Иванова так и не увидел. Только две краски бесконечно вливались в глаза: белая в желтом свете фар - дорога и черная - лес. Первую деревню они встретили только минут через десять езды, но дома были так же черны, как лес, и в этой черноте сквозило что-то зловещее.

Он на цыпочках прошел в комнату и тут же сглотнул удивление уже ощутимым, начинающим болеть горлом. Лены не было. Метнулся на кухню пусто. И только когда сел, заметил записку.

"Юрочка, милый, мне страшно, но мама умоляла приехать. Я ждала почти до полночи. Уезжаю, наверное, последним поездом метро. Целую. Твоя Лена".

От Мишки даже таких следов не осталось.

Ему было приятно сидеть на этом жестком кухонном стульчике. И скорее даже не от того, что страшный вечер и бессонная ночь отняли все силы и хотелось сидеть вечно, не двигаясь, а от того, что это место, казалось, еще хранило тепло Лены с той минуты, когда она выводила буквы на обрывке тетрадного листка.

Широко раздвинув локти, он положил руки на холодный пластик стола, уронил на них голову. Тьма из углов кухни хлынула на него и растворила в своем густом терпком настое...

Звонок пульсировал где-то вне пределов этой тьмы. Он был похож на путника, стучащего в дверь, но путника слишком робкого, чтобы ему открыли сразу. Да и тьма не хотела, чтобы он прервал ее владычество. Она расширялась и расширялась, как шар, который упорно накачивали. А звонок все ввинчивался и ввинчивался в темноту, но так и не мог в нее попасть. Звонок был с надрывом, просительный, и он, которому сегодня помогли, не выдержал, разжал глаза. Шар лопнул - и от тьмы осталось одно ощущение. Кухня горела от

солнечного света. Кажущаяся секунда, которую он спал, оказалась четырьмя часами с лишком.

Все еще не веря, что он так долго был в черноте, не ощущая времени, Майгатов отекшей, с красным пролежнем от щеки, неподчиняющейся рукой снял трубку, неприятно отзывающимся на каждый звук горлом прохрипел:

- Слушаю.

- Это Юра?

Сдавленный женский голос. Где он его слышал?

- Да. Это я, - и взялся другой рукой за горло. Кажется, эксперимент сентиментального главара начинал приносить плоды.

- Вас беспокоит мама Лены... Они забрали ее.

- Кто - они? - рука сама упала с шеи на стол.

- Два молодых человека. Очень крепко сложенных. Они сказали, что от ее отъезда зависит ваша жизнь...

- Моя?! - вскочил он. - А когда они... ну, приходили?

- Утром. Сегодня утром... И она уехала.

По голосу чувствовалось, что она вновь плакала. Она даже не спрашивала, на самом ли деле ему грозит опасность, наверно, уже все поняв только по его удивленным вопросам.

- Зачем я ее только позвала? Наверное, самой стало страшно... Знаете, этой ночью мне снился... снился Эдуард. У него были черные руки... Вы не зна... не знаете, где она может быть?

- Знаю, - ответила за него злость. - Я вам позвоню. Не волнуйтесь. Ради Бога, не волнуйтесь...

Положил трубку и вдруг понял, что не знает он, где она. И что толку даже от того, если бы знал? На дачу в третий раз, да еще и днем, незаметно забраться он бы не смог, а если бы проник, то что толку от его кулаков. У охранников - пистолеты. Адрес квартиры главара он не знал. Только Эдуарда...

Наверно, это тоже выглядело глупо, но он решил съездить на квартиру к Эдуарду. Хотя бы потому, что это был самый легкий путь из всех возможных...

5

Пацан нахмурился и ловким движением вогнал сосульку сопли в нос.

- Не паду я до дядьки Эдика. Он делется...

- С кем? - удивился Майгатов.

Они стояли за кирпичной трансформаторной будкой, и не могли быть видны из окон квартиры Эдуарда, но Майгатов все равно почему-то горбился.

- Са мной, - выдохнул и опять вывесил соплю над обветренной губкой. Я иво спласил: "Со, дядь Эдь, жубы болят?" У ниво ж уся ссека апухла. А он как дал по баске...

- Когда же это он тебя?

- Сиводня.

- Так он дома?

Пацан с недовольным лицом кивнул.

- Я иво зду. Как кину здалека ледыской! И плям по иво зубам!

- А мстить некрасиво, - сказал пацану, а сам подумал, как трудно следовать законам морали, когда другие им не следуют. - Ты пойми: тебе нужно только позвонить, чтоб он открыл...

- А вы циво сами?

Пацан усиленно морщил лоб, чтобы казаться взрослым. Он, правда, и без того считал взрослых просто крупными детьми, которые этого всего лишь не знали. Но он-то знал и потому чувствовал, что этот усатый дядька играет в какую-то странную игру, и самым интересным для него было не то, почему позвонить должен он, а то, что же это за игра.

- У меня сюрприз, - еле придумал Майгатов. - Он тебе откроет, и мы его обрадуем. Ну, лады?
- и протянул кисть.

Пацан запанибратски хлопнул своей узкой, как селедка, ладошкой по мозолистой майгатовской, и этой дани рукопожатия ему хватило, чтобы согласиться с усатым дядькой...

Сначала Майгатов расстроился. Он стоял на площадке между этажами, снизу смотрел на пацана, который не мог дотянуться до звонка, и отчаяние чуть ли не бросило его самого к двери. Но мальчишка вспомнил про свои санки, перевернул их, стал на полозья, удерживая равновесие рукой об стену, и все-таки до кнопки достал. Давил так долго, пока хватило терпения, а потом, спрыгнув с санок, стал перед дверью, наклонив на бок голову со светлыми, намертво перепутавшимися волосенками.

Наверное, маневр выглядел глупо. Ну зачем Эдику открывать дверь сопливому пацану? Нужно было придумать что-нибудь пооригинальней. Майгатов разочарованно махнул пацану: "Спускайся", и в этот момент щелкнул замок.

- Чего тебе? - все-таки через цепочку спросил хриплый голос.

- Дядь Эдь, а у вас масыну угнали!

Пацан, оказывается, был еще тем юмористом. А, может, решил свою месть с ледяным снежком заменить на более утонченное издевательство. "Вольво" спокойно стояла во дворе, что Майгатов краем глаза отметил еще по пути в подъезд.

Щелкнула отбрасываемая цепочка.

- Ты их видел? - вылетел из квартиры Эдуард с рукой в гипсовом набалдашнике и на перевязи.

Пацан уверенно кивнул. Если бы он был одного роста с Эдуардом, то вlepил бы ему ответную затрещину. А так еще требовалось подпрыгнуть, врезать и убежать, но тогда бы он потерял санки, а санки для него были важнее, чем "Вольво" для этого бородача.

Майгатов медленно, как тогда, в дельфинарии, вышел из-за вонючей трубы мусоросборника и двинулся по лестнице вверх. Ноги Эдуарда успели сделать два шага вниз, и в этот момент они встретились глазами.

Пацан вдруг ни с того, ни с сего налег руками на бронированную дверь, крякнул, и она захлопнулась.

Эдуард оглянулся и стал белее гипсовой повязки. Только бусинки глаз яростно горели на маленьком, уменьшенном бородкой лице. Теперь он должен был потратить время на открывание двери, а не просто, скользя за нее, спрятаться от этого бешеного усача.

- Где она? - негромко спросил Майгатов.

- Ты ее не получишь, - прошипел, отступая Эдуард. - Никогда... Она моя жена...

- С каких пор? - наступал он.

- Час назад мы расписались.

- И она согласилась?

- За деньги можно согласиться на все, - и, резко развернувшись, локтем левой руки ударил по лицу мальчишку.

Тот отлетел в угол, сполз на пол, и на его потертое серое пальтецо из носа и рта потекла кровь. В широко распахнутых синих глазах пацана мутинка медленно вытесняла удивление.

Гнев такой же плотной мутью залил мозг Майгатова, и он прыгнул на Эдуарда. Тот по-обезьяньи ловко увернулся и бросился вверх по лестнице.

Майгатов бежал за ним, а в голове пульсировало: "Как там пацан? Как там пацан?"

Сорвав марлевую перевязь с шеи, Эдуард прыгнул с площадки самого верхнего, технического, этажа на металлическую лестницу и с невероятной ловкостью взлетел по ней на крышу. Ему очень хотелось хлопнуть люк, но тот намертво примерз к гудрону. И тогда сверху он начал лягаться. Нога попала по голове Майгатову, а потом лишь тыкалась в пустоту, потому что не успевала за резко уклоняющимся лбом.

Это могло продолжаться вечно: мелькание черной кроссовки, нырки головой вниз, влево, вправо, угрюмое молчаливое сопение двух взрослых людей, холод, втекающий из квадратного люка в подъезд, гудение безразличного к ним, едущего то вниз, то вверх лифта, хлопанье закрывающихся дверей, чьи-то скомканые расстоянием голоса, нервный смех на нижних этажах, грохот мусора, летящего по гулкой полый трубе, обрывки пошлой, глупой музыки. У этой сумасшедшей сцены с сумасшедшим звуковым оформлением могло бы не быть конца, если бы снизу, с площадки, Майгатова не спросили:

- Делется, гад?

Он обернулся, хорошо понимая, что рискует получить удар, и увидел пацана с бледным лицом, вымазанным кровью и устало опущенными руками, тоже темными от крови.

Второй тычок пришелся в бровь. Кроссовка скользнула и Майгатов, резко развернувшись, поймал ее и, обняв одной рукой, потянул на себя. Эдуард в ярости ударил по его темени другой ногой. Рука разжалась, но разжалась под его рывок вверх, и он, не ожидая, что ему так легко отдадут ногу, отлетел от люка на пару метров. Майгатов быстро-быстро, как матрос парусного флота, взбирающийся по вантам на рею, чтобы успеть убрать паруса и спасти попавший в шторм корабль, заработал руками и пробкой выскочил из люка на крышу.

Не успевший встать Эдуард задом отполз по ледяной корке, укрывшей гудрон, вскочил, привычно сунул руку к пояснице, и Майгатов уже решил прыгать солдатиком вниз, в люк, но то, как медленно шарил он по спине и как не менял испуганного лица, вдруг подсказало ему,

что у него нет никакого пистолета. И он, набычившись, молча пошел на сразу измельчавшего, осунувшегося Эдуарда, чувствуя, как противно, нудно пульсирует шишка над бровью.

- Ты никогда ее не получишь, ублюдок, - хрипел Эдуард. - Она всегда была моей, всегда... Чего тебе нужно? Вали в свой вонючий Севастополь!

Он наткнулся ногой на барьер, обернулся и с ужасом увидел, что крыша кончилась. Внизу лежала двадцатиметровой ширины пропасть до стены следующего дома, а внизу, по обледенелой земле ветер гнал поземку, словно с жалостью поглаживал замерзший асфальт.

- Где она? - еле выжал из горла, по которому каждое слово полосонуло лезвием.

- Ты ее никогда не увидишь, - опять прохрипел он и вдруг заметил канаты, перекинутые через стену. Они удерживали строительную люльку, висящую метрах в трех-четырех ниже крыши. На ее деревянном, сером от навеки въевшихся цемента и белой извести, днище лежал продолговатый пульт с тремя кнопками. Он быстрее любого лифта мог спустить его вниз, и Эдуард, даже не оглядываясь на Майгатова, вскочил на бортик крыши и прыгнул в люльку.

Три или даже четыре метра - это так мало! Но если под ними - еще тридцать пять-сорок, то три (или четыре) метра решают все. Он прыгнул с облегчением, почти с радостью и эта усыпляющая радость не дала ему заметить еще один серый канат, висящий под углом к основным, удерживавшим люльку. Нога зацепилась за него, развернула Эдуарда в воздухе и он, испуганно прижав загипсованную кисть, словно больше всего остального оберегая ее от удара, попытался свободной рукой поймать один из канатов, но тут голова ударилась о перила люльки и он, сразу, за секунду, потеряв сознание, камнем рухнул в пропасть...

В расширившихся зрачках Майгатова плескалась белизна снега с черным крестом на ней. Эдуард лежал ничком, широко разбросив руки, будто хотел обнять всю землю, и очень напоминал крест.

- Ты убил его! - истерично закричали сзади. - Ты убийца!

Он обернулся, и на место исчезнувшего креста в зрачки ворвалось обезображенное страхом и ненавистью лицо Лены.

- Он сам... Я не...

- Ты, ты, ты! Ты убил его! - подступалась она к нему.

Майгатов хотел сказать что-то, но пронзившая его догадка омертвила слова в горле. Он вдруг ясно, как после вспышки, осветившей ночь, понял, что Лена все-таки любила Эдуарда, что он был для нее первым, а не Майгатов, что любила она его и как мать сына, когда давала списывать в школе уроки и когда сама за руку привела его в секцию стрельбы, и как дочь - отца, когда восхищалась сначала его успехами в спорте, а потом - нахлынувшим богатством, и как женщина - мужчину. И когда он отверг эту третью, самую важную любовь, она была на грани самоубийства, и только командировка в далекий, одним только расстоянием способный излечить ее Йемен, спасла Лену от страшного шага. Его звонки через тысячу километров, его просьбы приехать медленно-медленно, по каплям заполняя, казалось, опустевший сосуд, вернули любовь. И никакой Майгатов уже ничего не мог изменить. Если бы не Анна, испугавшая ее на даче, она бы приняла их предложение об интимных услугах. Не сразу бы, но приняла, потому что вместе с этим согласием она бы навсегда приобрела Эдуарда. Маленького, лысеющего человечка с глазами-бусинками.

Он снова посмотрел вниз, на крест, вокруг которого уже собиралась толпа, и все-таки выдавил:

- Он сам... Я его даже пальцем...

- Ты, ты его убил! - машинально повторила она и прижала к губам твердые кулачки. - Ненавижу! Ненавижу! Откуда ты взялся на мою голову?!

Ледяной ветер шевелил ее волосы. Ему так хотелось их поцеловать, ему так хотелось обнять ее хрупкие плечи, и он еле вытерпел эту муку, проходя мимо нее. Отошел на несколько тяжелых шагов и вполборота тихо сказал:

- Я любил тебя.

Она ничего не ответила.

Майгатов бросил прощальный взгляд на ее подрагивающие плечи и спустился по лестнице на площадку технического этажа.

Пацана там уже не было.

Люди, которых он сегодня встречал, почему-то исчезали, переставали для него существовать. Черная, страшная бездна поглощала их, и он был бессилен перед этим смерчем.

—

6

Майгатов не помнил, как доехал до квартиры, как вошел в нее, как упал прямо в одежде на все еще постеленную посреди комнаты на матрас простыню, на сбившиеся комком подушки. Он лежал лицом к стене, слепыми, невидящими глазами смотрел на старые, некрасивые обои и больше всего хотел умереть. И от того, что он очень этого хотел, Майгатов даже не двигался.

Сначала он ощущал боль. Но потом затих, онемел синяк на бедре, исчез, словно сполз на подушку, червь, точивший бровь, перестало ворочаться лезвие в горле. Бетонные стены дома, лакированный паркет, стоящие справа от него с удивленно наклоненными дугами ножек раскладушки, пустой беззвучный воздух начинали казаться частью его самого. Их мертвое, холодное молчание было ему понятно, потому что он сам медленно становился частью этого молчания. Мысли исчезли. Их место в голове заняла горечь. Противная зеленая горечь. Словно все плохое, злое, отвратительное, пошлое, мерзкое, с чем сталкивался он в последние месяцы, вытеснило последние остатки хорошего и теперь властвовало над ним. И весь мир вокруг казался таким же злым, отвратительным, пошлым, мерзким. Свет, которого он так долго ждал, и который так ярко блеснул во взгляде Лены, превратился во мрак. Страшнее этого мрака не было ничего. Именно из-за него он и хотел умереть.

Наверное, где-то существовало время, текла жизнь, рождались и умирали люди, кто-то смеялся, а кто-то рыдал, а он все лежал и не находил в себе силы почувствовать собственную нужность для этого мира. Даже ощущение песчинки, испытанное в Севастополе, было оптимистичнее его нынешнего состояния. Сейчас он не мог даже позволить себе такого представления, потому что песчинка - часть мира, а он не хотел быть частью т а к о г о мира, который он узнал.

Бездна. Страшная, черная бездна болотной тиной всасывала в себя, обволакивала руки, ноги, тело, мозг. Страшный новый мир, в который он так медленно погружался и, наконец, погрузился там, на даче у человека уже без бородавки, оказался сильнее его. И сильнее Иванова... Иванов? А кто это?

Он еще раз повторил фамилию и вдруг уловил, что от нее не исходит ни зла, ни мерзости, не

исходит ничего черного. Фамилия дышала светом, и он, непонятно зачем, вдруг ухватился за нее и начал медленно вытягивать себя из бездны, из зеленого кипящего варева.

Майгатов сел и только тут заметил, что в комнате светло. Сначала он подумал, взглянув на часы, что пролежал совсем немного, а ощущение тьмы не было ощущением ночи. И лишь когда вспомнил, во сколько он пришел к Эдуарду, вдруг понял, что ночь все-таки побывала в комнате, что он лежал недвижим почти сутки. Он вспомнил желание смерти и ему стало стыдно за себя. Майгатов обвел мутным взглядом стены, раскладушки, телевизор с черным брикетом "видака", окна, словно боялся, что они запомнили его слабость, и все-таки встал.

Дернуло занывшее бедро, кольнула бровь, еле пропустило глоток горло, и он опять вспомнил Иванова. Заставил себя пройти на кухню и набрать номер телефона.

- Слушаю вас, - вытек из трубки грустный женский голос.

Наверное, нужно было назвать его по имени, но имени-то он как раз и не знал. Иванов да Иванов. Как тот же Силин. Есть фамилия у человека, а имени нет. И он попросил Иванова, а в ответ услышал странный вопрос:

- Вы - тоже из управления?

- Я?.. Нет, я, скорее, так,.. знакомый...

- Значит, вы ничего не знаете...

- А что нужно знать? - напрягся он.

- Он... утонул.

Холод бездны ледяным языком лизнул сердце.

- Когда?.. Он же...

- Его нашли... вчера по... поздно вечером...

Женщина еле сдерживала себя. Наверное, это все же была жена. Он ощутил себя виноватым перед ней, словно Иванов утонул из-за него. Что говорить, как выразить соболезнование, он не знал, потому что никогда еще не разговаривал с женами погибших знакомых. И он глупо сказал:

- Извините.

И только положив трубку, почувствовал еще большую вину.

Что-то нужно было делать. Он наспех, дважды больно, до крови, порезавшись, побрился, вбросил в горло что-то безвкусное, слабо похожее на еду и, вдруг ощутив себя в куртке и обуви, которые он и не снимал после прихода от Эдуарда, быстро вышел из квартиры. Троллейбус, а потом метро довели его до станции, у которой стоял дом Иванова. В подземном переходе на все пятьдесят долларов он купил букет из нечетного числа гвоздик, и, как только избавился от этой зеленой бумажки, испытал облегчение, словно все злое, что с ним происходило за эти дни, вызывалось именно этой банкнотой.

На звонок открыла вдова Иванова. Она удивленно смотрела красными воспаленными глазами на незнакомого человека, на чудовищного размера букет.

- Где он? - попытался заглянуть за ее плечо.

- В морге, - ответила она и отвернулась.

- А я... я думал...

- Так положено... В морге госпиталя... Он же офицер... Хоть и бывший...

А он все стоял и держал букет, пока не понял, что не представился.

- Я - Майгатов. Я звонил недавно... Помните?

Она кивнула головой, волосы на которой скрывала черная косынка. Видимо, она была ровесница Иванова, но горе состарило ее. Справа, в дверях, стояла девочка, похожая на мать, и смотрела на Майгатова с таким видом, точно он вот-вот должен был сказать, что весть о гибели оказалась ложной, что их отец жив, что ничего, ну вот абсолютно ничего в их жизни не изменилось. Большие серые глаза умоляли, а он, чувствуя свою беспомощность, уже хотел уйти, но Иванова все-таки попросила:

- Проходите. Вы, кажется, моряк... Какое-то дело в Йемене, да?

- Да! В Йемене! - обрадовался он тому, что можно заговорить хоть о чем-то, далеко от гибели Иванова.

Он прошел вслед за ней в комнату, отдав по пути цветы девочке. Ему очень хотелось, чтобы она ушла, но девочка так и осталась на том же месте.

- Присаживайтесь, - предложила ему Иванова, и он тихо опустился на то же кресло, с которого несколько дней назад вскакивал после ссоры с Ивановым. - Я не хотела, чтобы он этим занимался... Лучше бы продавал что-нибудь. А он: я - чистильщик, я всегда боролся против зла, я больше ничего не могу...

- Скажите, я могу забрать свои бумаги? - ему еще сильнее захотелось уйти. Он сидел и затылком чувствовал просящий взгляд девочки. - Там портрет одного человека, еще кое-что...

Она тихо встала, ушла в другую комнату и вскоре принесла папку.

- Посмотрите. Если я не ошибаюсь, это последнее дело, которое он вел.

- Спасибо, - сказал Майгатов, но папку не открыл. - Может, это... связано не с делом... Может, упал сам... в реку...

- А не все ли равно? - тихо ответила она вопросом и перевела взгляд на окно. - Он никогда меня не слушался. А сколько раз я ему...

Он встал, крепко сжимая в руке папку, которая ему тоже, в сущности, была не нужна. И он бы оставил ее, но в бумагах, скрытых под серой оберткой картона, оставалось что-то такое, что не давало ему возможности насовсем, резко распрощаться с Ивановым. Папка продляла их мимолетное знакомство, и он все-таки оставил ее у себя.

- Я спешу, - взгляд, ощущаемый затылком, заставлял говорить неправду. - Когда... скажите, когда похороны?

- Послезавтра. На третий день - как положено. Приходите... Его друзья уже были у меня. Обещали помощь. Особенно Слава, хотя, насколько я поняла, у него какие-то серьезные неприятности...

Майгатов вспомнил лазерный звукозаписывающий аппарат, но ничего не сказал.

- Приходите... Правда, вы его не увидите...

- Почему? - удивился он.

- Понимаете... видимо, при падении в реку он ударился о что-то бетонное... или железное... У него все лицо... обезображено... Практически не узнать. Его только по документам в нагрудном кармане и опознали... А хоронить будут, мне так сказали,.. сразу в закрытом гробу... Чтоб не ужасать присутствующих...

- Мама! - крикнула девочка и бегом бросилась в другую комнату.

- Может, зря я это говорю, - смутилась она. - Вы все равно приходите...

Она проводила потрясенного новостью о лице Майгатова до двери и там неожиданно спросила:

- Скажите, он вам не должен?

- Мне?.. Ну что вы! - смутился он.

- Знаете, дочь просматривала какие-то книги. Из одной из них выпали деньги. Девять бумажек по сто долларов. Он не мог иметь такие огромные деньги...

- Он их заработал, - вдруг догадался Майгатов.

- Зара... А почему... в книжке?.. И тайком?..

- Почти заработал, - понял он свою оплошность. - Он вел одно дело, посмотрел он на папку в своих руках. - Оставалось совсем немного... Он не хотел отдавать, пока не станет ясно, что деньги отработаны полностью. Это был как бы аванс...

Майгатов додумывал, но, чувствовал, что, скорее всего, был прав, потому что его слова убедили женщину, что деньги - чистые.

- Спасибо вам, - почему-то сказала она на прощание.

Где-то рядом, за дверью, завывала собака. Ее голос отдавал тоской и страхом, словно собака знала больше о погибшем, чем они оба.

- Она часто воеет, - успокоила его женщина. - Не выносит одиночества. Характер такой.

А Майгатов стоял и не знал, что ответить. Ему вспомнилась ночь, оледенелое шоссе и уходящий, растворяющийся в черноте Иванов. Он не смог одолеть бездну, и она поглотила его.

7

Варан не любил чужих. "Инженер" - тоже. Он минут десять вел из-за плотно закрытой двери переговоры со странным усатым человеком. Впрочем, странность его заключалась не в усах, а в густом, уже давно исчезнувшем у москвичей, отдохавших на юге, загаре и в разбитой, нависающей над глазом брови.

После того, что произошло с шефом в Штатах, он стал бояться всего: случайно сработавшей во дворе автомобильной сигнализации, хлопков подъездной двери, гула лифта, лая собак за окном. Он кожей чувствовал, что сезон охоты открыт, но не знал, где прячутся охотники и как они выглядят. Даже к варану в последнее время он ощутил нечто похожее на любовь, поскольку когда-то именно охотники поймали этого серого динозаврика и вывезли из Индонезии, а, значит, в их судьбах намечалось нечто схожее.

Странному усатому человеку он не доверял, даже когда тот назвал фамилии Иванова и

Круминьша. Не доверял, когда тот показал ему через "глазок" папку с важными, как он сам настаивал, документами. Не доверял, когда усач назвал "Иршу" и Пестовского. Не доверял, когда все же решил впустить его в квартиру.

Разговор так изморил его, что легче было умереть, чем дальше беседовать с упрямым усачом.

Майгатов зашел в прихожую, усыпанную обувью, как земля в парке осенью - листьями, вздрогнул от резкого удара захлопываемой двери и ему расхотелось идти в квартиру. Он так долго уламывал неизвестного человека за дверь, что, когда увидел его, подумал, что ошибся. Неужели Иванов мог иметь дело с таким слизняком?

А "инженер", ловко оббежав его, стал возле телевизора в комнате, включил его на полную громкость и поторопил:

- У вас семь минут.

Майгатов чуть не швырнул ему папку в лицо. Только одно, основное, ради чего, собственно, и пришел, удержало его от этого. Но начинать с основного не стоило.

- Иванов вел для вас расследование. Делал он это великолепно.

- Вы так считаете? - иронично спросил "инженер" и зло стрельнул глазками.

- Да, считаю, - твердо ответил Майгатов. - Вы просили найти киллера, нападавшего на вашего шефа в том переулке. Охранять самого шефа вы его не уполномочивали. Верно?

- Да, - "инженер" начинал успокаиваться. Истекло уже больше минуты с момента прихода усача, а ничего опасного не произошло.

- Он нашел вам этого киллера. Хоть это и стоило ему... жизни.

- Чего? - не понял "инженер".

- Он утонул... Но я не верю в это. Скорее всего, они убили его, а уже потом в реку...

- Так Иванов погиб, - потрясенно сел он на жалобно скрипнувший стул.

Ударом в перегородку напомнил о себе варан. Фанера загудела, как поминальный колокол.

- Это - Перестройка, - успокоил заозиравшегося Майгатова "инженер". Варан. Очень агрессивный.

Майгатов внимательно всмотрелся в этого щупленького, перепуганного человечка и вдруг понял, что настоящее в нем - только страх. Да и то страх лишь от присутствия здесь чужого человека. А все остальное - его серенькая внешность, его убогая квартирка - только мистификация. Человечек был злее и агрессивнее ста варанов. Просто он пока не видел жертвы. Все вокруг перед ним закрывалось огромной фанерной переборкой. И свалить эту переборку мог только Майгатов.

- Возьмите, - положил он на орущий телевизор папку. - Там - все: фамилии, адреса, клички, чем занимаются.

- А киллер? - косил глаза на папку все еще не верящий усачу "инженер".

- Киллера уже нет, - вспомнил черный крест на снегу Майгатов.

Он сам всего час назад при чтении бумаг из папки узнал, что Эдуард и есть тот киллер, что

убил Пестовского, а позже неудачно стрелял в Круминьша, главу их фирмы. Первым порывом было - пойти и показать эти страницы Лене, но он сдержал себя, потому что не смог бы вынести еще одной пытки встречи с ней.

- Почему - нет? - "инженер" о чем-то догадывался, но хотел уточнений.

- Он погиб. Скорее, случайно, чем закономерно.

- На Земле ничего не происходит случайно.

- Может быть, - не стал спорить Майгатов. - Они поедут завтра утром в Шереметьево-2. Чтобы улететь в Италию. Оттуда, насколько я понял, отправятся к месту затопления "Ирши".

- Значит, они опередят нас, - мрачно, в пол, сказал "инженер". - Мы ждали появления координат в "Известиях мореплавателям"...

Майгатов промолчал. Меньше всего сейчас ему хотелось рассказывать этому серому человечку историю своего появления в Москве.

- Скажите, а почему ваша фирма называлась сначала "Амианта", потом "R. I. F. T. C." да еще и с плюсом, а сейчас нет и ее? - перепугал он вопросом "инженера".

- Вы знаете чересчур много, - потускнело его лицо, словно он присутствовал при гибели дома, который сам строил много-много лет.

Обернулся на окно, посмотрел на дверь, попробовал еще выше поднять тумблер громкости на телевизоре, но выше уже было некуда.

- Название имеет небольшое значение, - встав, нехотя пояснил он. Просто "Амианта" занималась только морскими перевозками, а "R. I. F. T. C.-плюс" - это российская инвестиционно-финансовая торговая компания. Мы расширили свою деятельность: ваучеры, биржи, недвижимость, магазины и так далее.

- А почему "плюс"?

- Красиво. Как "Европа-плюс". Ну, и потом в этом "плюсе" есть свой смысл. Значит, мы все время растем, все время в плюсе...

- А почему закрыли и эту фирму?

- Почему?.. А нужно ли вам это знать?.. Понимаете, - он подбирал слова, чтобы что-то сказать и в то же время ничего не сказать. - Понимаете, случай с нападением киллера изменил наши планы. Временно мы решили выйти из игры...

На языке лежал вопрос о наркотиках, но он не отпустил его. Тогда могло бы рухнуть самое главное. А именно сейчас он и решил о нем сказать.

- Иванов сделал все, что мог, работая на вас. Вы не должны забыть его семью. Я имею в виду не только похороны, а и дальнейшую жизнь. Вы должны... вы обязаны помочь его вдове и дочери... Вы понимаете меня?

- Да-да, конечно, - обрадовался "инженер", вдруг поняв, что это все, что потребует сегодня этот парень. - Мы будем выплачивать ему пенсию. Мы крепко стоим на финансовых ногах. Мы...

- У меня все.

Повернулся под пронзившую ногу боль в бедре и пошел по зыбкой, болотистой почве из

старых ботинок, сапог и кед.

- Извините. Одну минуточку, - остановил его просящий голос. - Как вас зовут?

Майгатов обернулся, посмотрел на маленькие, так похожие на бусинки Эдуарда, глаза "инженера", но ничего в них не уловил. Ни злобы, ни радости, ни гнева. Глаза мертво, не мигая, смотрели на него, а он вдруг понял, что никогда в жизни больше не захочет их увидеть.

- Это не имеет значения, - твердо проговорил он и, споткнувшись о драный резиновый кед, выпрыгнул из квартиры.

8

Главный враг каждому человеку - это он сам. Человек все время, ежедневно себя обманывает. Верой в какую-нибудь идею, кажущуюся великой, верой в деньги, в успех, в светлое будущее, в то, что завтра все окажется лучше, чем сегодня. Человек верит во все, что угодно, но только не в самое главное. Может быть, потому, что очень трудно в него поверить, когда рушатся надежды на все остальное.

Так Майгатов упорно сидел и ждал звонка от Лены, хорошо понимая, что она не позвонит. Но он все равно ждал, потому что в этом ожидании видел единственный смысл сегодняшнего дня.

Он не сразу ощутил веру в звонок. Утром, после пробуждения, долго лежал и смотрел на окно, в которое билась метель. Наверное, ветру очень хотелось дотянуться до Майгатова, но двойные стекла мешали ему.

И, когда Майгатов все-таки вышел из подъезда за покупками, он ударил его в лицо с такой силой, словно мстил за стекла. Согнувшись, он доскользил по льду, укывшему, придавившему собой и асфальт дороги, и тротуары, и глинистую почву дворов, до гастронома и ходил по нему не меньше получаса. На то, что хотел, денег не хватало, а то, на что хватало, не тянуло к себе. В итоге купил банку шпрот. Скорее всего, потому, что на ней была такая же черно-золотистая этикетка, как и на той, что они с Силиным ели в каюте. От банки веяло чем-то севастопольским. Хлеб, как обычно, по терминологии продавцов, был "ночным", а, значит, твердым, но идти до следующего гастронома не хотелось.

Дома он с удовольствием съел несколько первых золотисто поблескивающих рыбок и еле проглотил последние. Когда банка опустела, он ненавидел шпроты, как самую противную еду на земле. Долго запивал их горячим чаем и, наконец, увидел телефон. А увидев, почувствовал, что он сейчас зазвонит. И это будет она.

Но телефон выдержал взгляд в упор и взаимностью не ответил. Тогда он ушел в комнату, включил телевизор, хотя уши больше ждали звуков из кухни, чем из старичка "Рубина".

Так и сидел, потягивая остатки чая и глядя на экран, а вера в звонок от Лены становилась уже настолько нестерпимой, что он бы уже и сам ей позвонил.

А передача шла мрачная - о преступности. Плотный, с проседью, генерал в милицейской форме холодно, с профессиональной отстраненностью называл бешеные проценты роста числа убийств, ограблений, мошенничества, назвал Россию новым мировым центром переброски наркотиков из "золотого треугольника" и Афганистана в Европу, но комментатор, худенький мужчина в очках, неожиданно прервал его и сообщил, что свежая пленка, которую они только что получили, смонтирована. Генерал обиженно замолчал, а на экране вместо его поджатых губ появилось шоссе. На нем красиво друг за дружкой стояли две новенькие, отливающие лаком иномарки с распахнутыми дверцами. Камера обогнула переднюю из

машин, заглянула в ее салон, и Майгатов напрочь забыл о телефоне.

С экрана на него в упор смотрели злые, недовольные глаза Степных, и только струйка крови, застывшая на виске, подсказывала, что эта злость навеки оледенела в мертвых зрачках.

- Мы находимся на Ленинградском шоссе, - влез в объектив маленький светловолосый журналист, поеживающийся на холодном ветру. - Полчаса назад здесь произошло жуткое убийство. Сейчас мы узнаем подробности.

Лейтенант-гаишник с луженым, багрово-синим лицом вытянулся, насколько позволял полушубок, по стойке "смирно" и испуганно зашевелил фиолетовыми губами:

- Настоящим докладываю, что при следовании по Ленинградскому шоссе двух автомобилей марки "Мерседес" и "BMW" первая из них, то есть "Мерседес", совершила столкновение с "Москвичем-ИЖ". Рядом оказалась патрульная машина ГАИ. В столкновении виноват был нерасторопный водитель "каблучка", то есть, извините, "Москвича", не справившийся с управлением на обледенелой трассе. Когда инспекторы ГАИ подошли к иномарке для выяснения обстоятельств и засвидетельствования факта имеющегося дорожно-транспортного происшествия, то оказалось, что они - не инспекторы...

- Поясните подробнее, - журналисту уже надоел ветер, он бил ботинком об ботинок, а гаишник рассказывал так долго и так нудно.

- Ну, они выхватили из-под полушубков и прочего автоматы и пистолеты и в упор расстреляли всех лиц, находящихся в обеих машинах. Это я, правда, сам не видел, но один водитель, который мне и сообщил о факте происшествия, рассказал так. Стрельба велась в головы, поэтому смерть у всех наступила мгновенно, кроме одного товарища, который должен выжить. Мы вызвали "скорую" и отправили его в реанимацию.

- Известны фамилии потерпевших?

- Я - не следователь, но, видимо, их еще нельзя оглашать. Бригада прокуратуры должна вот-вот прибыть на место происшествия и тогда...

- И все-таки мы не можем утаить, - решил блеснуть осведомленностью журналист, а, может, заодно и отделаться от нудного гаишника, и побыстрее спрятаться от ветра в кабину останкинского "РАФика". - Среди погибших кандидат в депутаты Государственной Думы, известный предприниматель Михаил Степных. А единственный оставшийся в живых, тяжело раненный в голову - это некий господин Бурыга, по документам - офицер Черноморского флота.

Камера опять бесцеремонно заглянула в кладбище в салоне "Мерседеса", и Майгатов разглядел не только Степных, но и находящихся справа от него Анну и Серова. Анна сидела странно, боком, словно хотела собой закрыть Степных, но не успела. А Серов сжался в комок, уронив голову на плечо и рассматривал холодным потрясенным взглядом, может быть впервые увиденную у себя перхоть. А рядом с мертвым водителем, будто бы крепко засыпая, наваливался на него амбал-телохранитель, державший тогда, на даче, его за предплечье. Вторую машину показали мельком, но он успел заметить ставшее еще шире, с испуганно распахнутым ртом лицо Сальваторе и маленького телохранителя. Его отброшенная назад рука мертвой хваткой удерживала пистолет и, казалось, телохранитель не погиб, а хитро затаился и ждет, когда нападавшие повернутся к нему спиной. И только маленькая, с красным ободом, дырочка над переносицей, не оставляла сомнений в том, что ее обладатель уже никогда не сможет нажать на спусковой крючок. На отброшенной назад руке металлом отливал браслет майгатовских часов "Океан".

Майгатов вспомнил, что в папке Иванова сообщалось что-то о "Москвиче-ИЖ" и водителе с

полосой на лбу, которого он почему-то окрестил "артистом". И в той же папке "инженер" был назван мастером инсценировок. Похоже, Иванов не ошибался. В "инженере" умер великий драматург.

- А что вы скажете по этому поводу? - спросил появившийся на экране комментатор у милицейского генерала.

- Я возмущен!.. Когда преступники маскируются под наших работников...

- Я не об этом. Смотрите: среди бела дня, на оживленной трассе... Восемь трупов, один - тяжело ранен...

- Восемь трупов! - фыркнул генерал. - Чему вы удивляетесь? В стране ежедневно погибают в разборках, при подрывах и в результате работы заказных убийц, то есть киллеров, три-четыре человека. Большая часть этих потерь - в столице. Восемь - это всего лишь двойная норма, но она, поверьте, на статистику не повлияет...

Майгатов вздрогнул от звонка. Ожидание его он загнал так далеко внутрь, что, когда до слуха дошел резкий звук телефона, дрогнуло сердце.

В три прыжка долетел до кухни, сорвал взмокшими пальцами трубку, а из нее раздалось бодрое:

- Юрка, привет! Это я - Мишка! Слышно нормально?

- Нормально. А чего ты волнуешься? С Луны, что ли, звонишь?

- Не-а. Дальше - из Шереметьево-2.

Две расстрелянные иномарки тоже ехали в этот аэропорт.

- А что... что ты там делаешь?

- Через час с копейками улетаю в Эмираты. Шоп-тур. На все "бабки" часы хочу закупить. У них "гонконг" идет по баксу за штуку, у нас - по пять. Улавливаешь? Надо успеть до начала следующего года пять-шесть раз обернуть сумму.

- Почему именно до начала? - спросил Майгатов, хотя ему это было вовсе неинтересно. Просто Мишка дал паузу именно для этого вопроса и получил его.

- Газеты читать надо. С первого января девяносто четвертого будет полностью либерализована внешнеэкономическая деятельность. Ты пойми: уголь, древесину, цветмет, чермет и прочее можно будет гнать за "бугор" без лицензии! Золотое дно!

- Решил всю Россию вывезти? - мрачно пошутил он.

- Не-е. Всю не получится. Уже половину вывезли, - сокрушенно вздохнул Мишка. - Сбил ты меня!.. Я ж звоню по другому поводу. Квартиру, где ты сейчас, я больше не снимаю. Хозяин, правда, на родину предков, в Израиль, укатил, но я с его мамашей рассчитался. До конца своего отпуска можешь там пожить. "Видак" мой себе забери.

- А сумка? - вспомнил Майгатов. - За телевизором - твоя сумка с этими...

- Пусть остается. Хрен с ней. Мне культы уже без надобностей. Теперь бы, Юра, крылья где достать, чтоб быстрее перемещаться...

- Второй раз? - хмуро спросил Майгатов. Перед глазами стояло злое, недовольное лицо Степных.

- Что - второй раз?

- Одно и то же второй раз начинаешь? А не собьют в полете?

- Знаешь, Юрочка, я теперь меченый. А за одного битого, как ты знаешь, двух небитых дают... И учти: из того, что я наработаю, половина всегда твоя. Запомни это... Ну, все, я побежал...

Рука с облегчением положила трубку. И только теперь Майгатов понял, что Лена уже никогда не позвонит. Не сможет этого сделать и он. Эдуард, призраком стоявший между ними, остался и теперь, когда он погиб.

Грубо, резко, нагло заверещал дверной звонок. Майгатов задумчиво прошел в прихожку, хотел открыть сразу, но что-то заставило его наклониться к "глазку". На площадке выгнутый оптикой стоял лысый мужчина. Майгатов всмотрелся в него и узнал продавца из магазина, у которого они с Мишкой брали напрокат костюм, а потом и норковую шубу для Лены.

Открывать не хотелось. В наглой жующей физиономии продавца читалось только одно: где-то пронюхал, что Мишка съезжает с квартиры, и теперь приперся за каким-нибудь долгом. Майгатов сунул руку в карман джинсов, нащупал там несколько сложенных пополам купюр и все-таки распахнул дверь.

- Здрра-асьти! - поприветствовал лысый продавец Майгатова чуть ли не как лучшего друга. - Попросили передать, - протянул книгу в черной обложке.

- Мне? - удивился Майгатов, хотел открыть том и только после неудачной попытки понял, что в руках у него - видеокассета.

- Ага. Мужик один просил передать. И вот чтоб точно в это время, сощурился на часы. - Просил, чтоб до минуты точно. О-о! Так и передаю... Мужик еще сказал, что звонил тебе, но никто не открыл.

- Я в магазин ходил. - Раскрыв черный футляр, он вынул из него кассету и попытался отгадать название фильма на белой вклейке, но полустертая ластиком карандашная надпись не прочитывалась. - А что это?

- Не знаю. Он сказал, что это - от Иванова.

- От кого? - побелел Майгатов.

- От Иванова, - бесстрастно повторил лысый продавец, для которого эта фамилия ровно ничего не значила. - Ну, я почапал, а то перерыв заканчивается, - перегнал комок жвачки с одной щеки за другую, сплюнул густым пенным комком на бетонную площадку этажа и вразвалку понес вниз свою отполированную лысину.

Рука сама захлопнула дверь. Сердце молотило так, словно он пробежал километр.

Мишка только однажды показывал ему, как включать видеомэгнитофон и просматривать видеокассету, но он запомнил сразу. Черный ящик проглотил послание Иванова, дрожащий палец утопил кнопочку на пульте, и уже через несколько секунд просмотра удивление расширило глаза Майгатова.

На старом кинескопе "Рубина" с уже севшими, размытыми красками разворачивался и без того мутный, подернутый дымкой фильм ужасов. Гробы, мертвецы, кости. Что хотел этим сказать Иванов? Камера ползла по жуткому ночному кладбищу, пока из одной из разверзнувшихся могил не высунулось чудище с пустыми глазницами и космами волос, растущих прямо из голой кости. Оно оскалило щербатый рот и предложило Майгатову гундосым голосом переводчика свою могилу.

И тут же чернота стекла с экрана. Кладбище с могилой, которая звала в себя страшной бездной, рухнуло вниз, к полу, а в телевизоре появилось лицо... Степных.

- Я буду рад, если ты меня испугаешься больше, чем предыдущих кадров, - с привычной хрипотцой обратился он к Майгатову. - Мой человек не соврал. Эта пленка действительно от Иванова. Это он звал тебя в могилу. Он уже там, на кладбище, а твое место, как ты понял, уже подготовлено...

Неужели он остался жив? Но ведь не для него одного, ведь на всю страну крутили пленку с места убийства. Значит, запись сделана еще до их отъезда в Шереметьево-2. И поверить в то, что с ним разговаривает уже мертвый человек, было трудно лишь по одной причине: Майгатов еще не привык к тому, что "видак" если что-то и показывает, то показывает тебе одному. Все происходящее на экране он и теперь воспринимал как трансляцию из Останкино.

- Ты слишком далеко залетел, альбатрос. А буря крепчает. У океана своя мораль, у тебя - своя. Они не совпадают. В том мире, который мы строим, нет места для таких, как ты. Неужели ты до сих пор не понял, почему люди распяли Христа?.. Потому что он мешал им жить по тем законам, которые им были выгодны и приятны. Ты, правда, мешаешь не всему человечеству, а только мне, но таких, как я, - тысячи. Значит, ты мешаешь очень многим. Ты мешаешь будущему...

"Просил, чтоб до минуты точно..." О чем говорил лысый продавец? Чтоб пленка оказалась у Майгатова точно в это время?

Степных своими мутными, навывкате, глазами гипнотизировал его, как удав - кролика. А сухие жесткие губы говорили и говорили что-то о том новом порядке, который вот-вот установит он в стране.

"Просил, чтоб до минуты точно..." Догадка оглушила его, сделала быстрыми глаза. До двери квартиры - пять метров. До двери балкона - два. До двери квартиры - угол по пути, который нужно обогнуть. До двери балкона ни одного препятствия.

- Мы - новые хозяева. Мы пришли надолго...

Он бросился к балконной двери, рванул ее на себя. Морозный ветер ударил в лицо, наотмашь хлестнул снежной крупой, но Майгатов ничего не ощутил. Он вспрыгнул на деревянный ящик, лежащий на балконе, поставил правую ногу на пластиковый обод ограждения и бросил себя к березе, к высокой, раскидистой березе, растущей под окнами пятиэтажки.

Сзади лопнуло стекло, вздрогнул от взрыва воздух и невидимая волна, кулаком ударив Майгатова в спину, швырнула его вперед. Он пролетел мимо сука, за который хотел ухватиться, и, ломая телом мелкие прутья кроны, начал падать. Пальцы пытались зацепиться за что-нибудь, но, скользя по обледенелым ветвям и до крови срывая кожу, не могли никак остановить падение. Гул пламени, треск ломающихся сучьев, вой ветра, чьи-то крики слились в один страшный долгий стон, а, может быть, это он сам, не замечая себя, стонал, а не кричал, словно меньше всего хотел, чтобы тот, кто подложил бомбу и теперь смотрел на бушующий на пятом этаже огонь, заметил, как он некрасиво, нелепо падает и как у него не получается ничего, чтобы хоть на долю секунды замедлить это падение.

Дерево било по рукам, по ногам, секло лезвиями прутьев по лицу, пнуло в бок, в затылок. Он уже не знал, в сознании он или нет, и падает ли он все еще или это ему только кажется в забытьи. Ему уже было все равно, спасется он или нет, когда правая рука мокрой от крови кистью зацепилась за ветку. Ноги, остановленные в полете, занесло вперед, как у гимнаста, крутящего "солнышко", и он мог упасть навзничь, прямо на окаменевшую подо льдом землю,

но левая рука успела помочь правой. Пальцы впились в сухую, почему-то без льда, кожу березы, и только тогда он заметил, что под ногами - не больше метра. Но сразу спрыгнуть не смог. Пальцы хранили испуг дольше всего. Они вдавливали в белую кожу березы алую сочную кровь с таким упорством, точно хотели перелить ее дереву и, перелив, оживить.

Он все-таки упал. Ноги не удержали, и Майгатов боком ударился о деревянный заборчик палисадника.

От дальних домов к нему бежали люди. Хотя, наверное, ему только казалось, что бежали они к нему. Скорее всего, их влекло к пламени, бушующему из двух окон на последнем, пятом, этаже.

Майгатов медленно встал, распрямился, посмотрел вверх и ему показалось, что оттуда, из огня, все еще звучит страшный голос. Звучит громко-громко, над всей страной.